

Э. В. Будаев  
С. Л. Кушнерук  
М. А. Курочкина

# **Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ**

Монография

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
Российский государственный профессионально-педагогический университет

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Челябинский государственный университет

Э. В. Будаев, С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина

**Коммуникативное сопровождение  
массовых протестов в СМИ**

Монография

Санкт-Петербург  
Наукоемкие технологии  
2022

УДК 482-093.5(021)

ББК Ш141.2-7

Б90

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор А. П. Чудинов,  
Уральский государственный педагогический университет;

д-р филол. наук, профессор О. А. Солопова,  
Южно-Уральский государственный университет.

Б90 **Будаев Э. В.** Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ / Э. В. Будаев, С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина. – СПб.: Научное издание, 2022. – 201 с.

ISBN 978-5-6047846-2-4

В теоретической части монографии охарактеризовано современное состояние методологии исследования СМИ. В практической части дается анализ коммуникативного сопровождения массовых протестов в Белоруссии и в США в 2020 г. На примере оппозиционных телеграм-каналов и традиционных СМИ изучена роль когнитивных метафор, прецедентных феноменов и фреймов в побуждении адресата коммуникации к протестам.

Монография адресована специалистам в области когнитивных наук, политологии, связей с общественностью, лингвистики, межкультурной коммуникации, социологии, журналистики, государственного и муниципального управления.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31014.**

УДК 482-093.5(021)

ББК Ш141.2-7

ISBN 978-5-6047846-2-4

© Будаев Э. В., Кушнерук С. Л.,  
Курочкина М. А., 2022

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Методология анализа СМИ: современное состояние проблемы .....	7
1.1. Когнитивный анализ метафор .....	8
1.2. Дискурс-анализ метафор .....	14
1.3. Анализ невербальных метафор.....	19
1.4. Методики анализа прецедентных феноменов.....	22
Глава II. Коммуникативное сопровождение массовых протестов в Белоруссии в оппозиционных телеграм-каналах в 2020 г.....	33
2.1. Метафорическая концептуализация белорусской действительности в оппозиционном телеграм-дискурсе в 2020 г.....	33
2.2. Фреймирование выборов президента Беларуси в оппозиционном телеграм-дискурсе .....	52
2.3. Национальные прецедентные феномены в политическом дискурсе президентских выборов в Белоруссии в 2020 г.....	92
Глава III. Метафорическая концептуализации протестов BLM в СМИ США .....	123
3.1. Метафоры со сферой-источником «Animals» .....	124
3.2. Метафоры со сферой-источником «Game» и «Sport» ..	130
3.3. Метафоры со сферой-источником «Disease» .....	135
3.4. Метафоры со сферой-источником «Theater» .....	141
3.5. Метафоры со сферой-источником «Plants».....	150
Заключение .....	156
Список литературы .....	159

## Введение

Интенсивное развитие коммуникационных технологий и их активное внедрение в процессы политической борьбы создало новые возможности в организации массовых политических протестов. Несмотря на широкий интерес исследователей к манипулятивным дискурсам, в мировой науке малочисленны исследования коммуникативного сопровождения массовых беспорядков. Особенно мало внимания уделяется сетевым кроссплатформенным мессенджерам, играющим все большую роль в организации антиправительственных выступлений. Данный дисбаланс между насущностью проблемы и ее малой изученностью требует специального внимания исследователей. В настоящей монографии представлен анализ коммуникативного сопровождения массовых протестов в Белоруссии и США в 2020 г. как в традиционных, так и в сетевых СМИ.

Исследование опирается на эвристики политической лингвистики – междисциплинарной области науки, возникшей на пересечении метафорологии и политологии под значительным воздействием идей когнитивной науки, политической психологии, дискурсологии и риторики. Теоретико-методологическая основа исследования – когнитивная парадигма, которая занимает одно из центральных мест в науке XXI в. Специалисты в самых разных областях знания объединяют усилия в рамках когнитивной науки (*cognitive science*) в поисках ответа на вопрос о природе человеческого знания и познания. Движущей силой этого объединения является понимание того факта, что решить обозначенную проблему в рамках какого-то одного научного направления не представляется возможным.

Представленные в монографии исследования объединены единым теоретико-методологическим фундаментом – когнитивно-дискурсивным подходом к анализу СМИ. Ха-

рактерная особенность когнитивно-дискурсивного подхода заключается в сочетании описания роли знаний в категоризации и концептуализации мира с рассмотрением особенностей ее функционирования в реальной коммуникации. В основе этого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения текста. При когнитивно-дискурсивном подходе усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям. Текст СМИ одновременно описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен, соответственно только когнитивная или только дискурсивная трактовка явлений препятствует адекватному описанию медиа-дискурса.

Ведущая методика настоящего исследования – когнитивное моделирование ментальных структур: концептуальных метафор (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Дж. Лакофф, М. Джонсон), прецедентных феноменов (Е. А. Нахимова, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, С. Л. Кушнерук), концептуальных оппозиций и фреймов (Дж. Лакофф, Н. Хомский, Р. Джекендофф, Ч. Филлмор), смешанных концептуальных пространств (Ж. Фоконье, М. Тернер). Когнитивный метод подразумевает двухэтапный анализ: на первом этапе осуществляется обработка языковых данных с помощью лингвистического анализа контекстов, а на втором этапе реализуется когнитивное моделирование ментальных феноменов (метафорических моделей, сфер-источников, сфер-мишеней, фреймов и слотов, сценариев, прецедентных феноменов, концептуальных оппозиций) на основе данных, полученных на первом уровне.

В первой главе рассматривается современное состояние проблемы методологии анализа СМИ в российской и

зарубежной лингвистике. Разбирается когнитивный и дискурсивный подход к анализу метафор, рассматриваются особенности исследования невербального ряда семиотических систем, дается анализ существующих методик изучения прецедентных феноменов.

Вторая глава посвящена практическому исследованию коммуникативного сопровождения массовых протестов в Белоруссии 2020 г. на примере оппозиционных телеграмканалов. Изучается роль метафор, прецедентных феноменов и фреймов в побуждении адресата коммуникации к протестам.

В третьей главе изучается концептуализация массовых протестов движения ВЛМ в СМИ США в 2020 г. Эти протесты, переросшие в массовые беспорядки, проходили одновременно с белорусскими событиями, что дает возможность сопоставить особенности концептуализации схожих событий в двух странах.

Монография подготовлена коллективом исследователей: §§ 1.1–1.4, 2.1, 3.1–3.5 написаны Э. В. Будаевым, § 2.2 – С. Л. Кушнерук, § 2.3 – М. А. Курочкиной. Авторы выражают благодарность К. В. Пологовой за содействие в сборе материала для исследования.

Отдельная благодарность рецензентам настоящей монографии – д-ру филол. наук, профессору Уральского государственного педагогического университета А. П. Чудинову и д-ру филол. наук, профессору Южно-Уральского государственного университета О. А. Солоповой за ценные советы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31014.

## **Глава I. Методология анализа СМИ: современное состояние проблемы**

Лингвокогнитивный анализ манипулятивного дискурса в целом относится к активно развивающимся направлениям междисциплинарного характера. Данное направление объединяет в себе достижения когнитивной лингвистики, эвристики политического дискурс-анализа и контент-анализа, концепции традиционной и новой риторики, методологические инновации иных современных исследований, сочетающих в себе идеи политической философии, прагматики, политологии и иных гуманитарных наук.

Исследователи, работающие в области политической лингвистики, как в России (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова, В. З. Демьянков), так и за рубежом (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Мусолфф, Дж. Чартерис-Блэк, П. Чилтон, Р. Водак, Т. Ван Дейк), сходятся во мнении, что важнейшую роль в категоризации политической действительности и трансформации картины мира в массовом сознании играют такие когнитивные структуры, как концептуальные метафоры, прецедентные феномены, концептуальные оппозиции (свои-чужие, герой-злодей-жертва), фреймы и сценарии. Данные структуры актуализируются через языковые средства, используемые как для декларации идей авторов и заказчиков текстов, так и для формирования нужной картины мира у адресата.

Ведущее место среди современных исследований когнитивных структур занимают публикации, посвященные изучению концептуальных метафор, рассматриваемых в качестве важнейшего механизма убеждения. Метафора в политическом дискурсе является сложным объектом, всестороннее исследование которого невозможно в рамках какой-либо одной методологии. Комплексная природа изучаемого явления обусловила формирование нескольких



направлений современной политической метафорологии, в каждом из которых можно выделить свой аспект и свои методики и приемы анализа. Ведущее место в политической метафорологии XXI века занимают когнитивные исследования

### **1.1. Когнитивный анализ метафор**

Предметом когнитивной науки является когниция (cognition) и ментальные феномены. Под когницией понимается совокупность мыслительных (ментальных) процессов, служащих приобретению, использованию, хранению и обработке информации. Ментальные феномены – любые содержательные единицы мышления, задействованные в когниции. Предмет науки определяет ее методологию, поэтому простым маркером когнитивного исследования является применение когнитивного метода. Специфика предмета когнитивной науки обуславливает двухуровневую структуру когнитивного метода: уровень эмпирических методик и уровень когнитивного моделирования.

Так как ментальные процессы и феномены спрятаны в «черном ящике сознания», изучать их непосредственно не представляется возможным. Единственным методом изучения когниции и ментальных феноменов является моделирование, которое традиционно используется в науке для изучения объектов, недоступных для непосредственного наблюдения. Моделированию подвергаются самые разнообразные ментальные феномены (концепты, фреймы, когнитивные модели, метафорические модели, смешанные концептуальные пространства, образ-схемы, прототипы и др.) и процессы (концептуализация, категоризация, каузальная атрибуция, абстрагирование и др.). Соответственно, когнитивное моделирование реализуется через набор когнитивных методик (концептуальный анализ, фреймо-

вый анализ, метафорическое моделирование, анализ прототипов).

Когнитивное направление в политической метафорологии возникло на пересечении метафорологии и когнитивной лингвистики. Особенность данного направления заключается в рассмотрении политической метафоры в качестве ментального феномена. Значимую роль в становлении когнитивного направления сыграла теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson, 1980], инициировавшая бум исследований концептуальной метафоры, в том числе и в контексте политической коммуникации. В отличие от языковой метафоры концептуальная метафора является ментальным феноменом, поэтому ее нельзя изучать непосредственно, но можно реконструировать на основе анализа языковых данных. По этой причине ведущая роль в когнитивном изучении метафоры отводится моделированию. На современном этапе преобладают следующие методики исследования концептуальных метафор (метафорических моделей):

- анализ единичных концептуальных метафор;
- анализ метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии;
- анализ метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии;
- анализ метафорических проекций в смешанных концептуальных пространствах.

Несмотря на большую популярность когнитивного направления в политической метафорологии, в современном научном дискурсе по-прежнему востребованы риторические эвристики. В центре внимания данного направления находится анализ системы политических аргументов, стратегий и тактик речевого воздействия, разработка методологии риторического анализа и построение теоретических моделей аргументации. Риторическое направле-

ние ориентировано на анализ политической метафоры как прагматического механизма воздействия на адресата.

В теоретическом отношении когнитивный подход к метафорической аргументации продолжает развиваться в нейронной теории метафоры [Lakoff, 2012], анализе «воплощенных симуляций» (embodied simulations) [Gibbs, 2015]. Предпринимаются попытки симбиоза классической и когнитивной теорий для анализа политической речи [Schoor, 2015], объединения эвристик метафорического и критического анализа [Musolff, 2012]. Отдельное внимание привлекает проблема метафорических кластеров, не имеющих общего когнитивного базиса [Kimmel, 2010], и анализ развертывания метафорических фреймов [Reijnierse et al., 2015]. Отдельное направление связано с теорией блендинга, позволяющей изучать политические метафоры как феномены концептуальной интеграции [Cienki, 2013; Pleshakova, 2015; Schröder, 2015].

Тематический диапазон когнитивных изысканий в области политической метафорики тесно связан с текущими мировыми проблемами. Отличительная черта современного этапа мирового развития – обострение проблемы терроризма, что естественным образом вызвало повышенный интерес ученых к этой теме. Исследования метафорического осмысления терроризма проведены на примере французского предвыборного дискурса [Becker, 2014], СМИ Германии [Kirchhoff, 2014; Kromminga, 2014; Spencer, 2014; Schwarz-Friesel, 2014], Великобритании [Зайцева, 2017; Spencer, 2012], США [Прибылова, 2011; Rykova, 2017], России [Pinelli, 2016], на основе данных корпуса англоязычного корпуса NOW [Борискина, Донина, 2016] и др. Особенности метафорического осмысления терроризма имеют универсальный характер, притягивая пейоративные образы животных, войны и болезни (если не учитывать дискурс собственно террористической пропа-

ганды, в котором доминируют мелиоративные образы самопрезентации) [Стышинский, 2016]).

Другой проблемой, волнующей мировое сообщество в последние годы, стал глобальный экономический кризис. Это привело к буму исследований по теме метафорической концептуализации кризиса в политических дискурсах мира (в США [Horner, 2011], Бельгии [Landtsheer, 2015; Joris et al., 2013], Болгарии [Цонева, 2012], Великобритании [Cardini, 2014; Nerghe et al., 2015], Германии [Bickes et al., 2014; Pühringe, Hirte, 2013; Soddemann, 2013], Ирландии [Fahy et al., 2013], Испании [Álvarez-Peralta, 2014; Arrese 2015; Dominguez, 2015; Porto, 2012; Rojo, Orts, 2010], Италии [Luporini, 2013], Китая [Bain et al., 2012], Нидерландов [Landtsheer, 2015], России [Бородулина, Макеев, а 2016], Румынии [Tenescu, 2015], арабских странах [Abdel-Raheem, 2013], Франции и Вьетнаме [Truong, 2012]).

Исследователи отмечают пристрастие политиков к образам природных катаклизмов (землетрясение, ураган, цунами) и морбиальным метафорам (инфаркт, закупорка сосудов, эпидемия), что связано не только с необходимостью выразить негативную оценку ситуации, но и с желанием привнести смысл естественности в концептуализацию происходящих событий. Природные катаклизмы и болезни – явления, не зависящие от воли людей, что отвлекает внимание общества от вопроса о том, что у истоков кризиса могут стоять не «законы природы», а конкретные люди, принимающие ответственные или безответственные решения, или политические и экономические институты, преследующие собственные, иногда отличные от интересов общества цели.

В последнее десятилетие заметно обострилась проблема миграции, поэтому соответствующая сфера-мишень (IMMIGRATION) привлекает значительное внимание лингвистов. Метафорологические исследования по этой

теме были проведены на примере СМИ США [Biria, 2012], Великобритании [Новикова, 2016; Musolff, 2015], Бразилии [Ferreira et al., 2017], Нидерландов [Laarman, 2013], Боснии и Герцеговины [Mujagić, 2018], России [Веснина, 2010], Испании [Dominguez et al., 2014], Южно-Африканской Республики [Crumble, 2015]. Исследователи сходятся во мнении, что основными средствами создания негативного образа миграции служат метафоры дегуманизации и природных бедствий.

Вполне закономерно, что особый интерес отечественных исследователей метафоры вызывают такие события, как политический кризис на Украине [Антонова, 2017; Будаев, Курейко, 2016; Газинская, 2013; Кипина, Плотникова, 2018; Кондратьева, 2017; Михайлова, 2017; Нартикова, Зайцева, 2016; Уржумцева, 2014], присоединение Крыма [Белова, 2015; Курейко, 2017; Сегал, 2017; Серегина, Чудинов, 2014; Шустрова, 2015], война в Сирии [Боева-Омелечко и др., 2016; Будаев, Тихонов, 2016; Складорова, Хачересова, 2016; Якунин, 2019].

Современный когнитивный подход к анализу политической метафоры не ограничивается концептуальной теорией метафоры. Альтернативный подход связан с уже хорошо известной в отечественном научном дискурсе теорией концептуальной интеграции (блендинга) М. Тернера и Ж. Фоконье. Согласно теории блендинга метафоризация включает в себя не единичную проекцию из сферы-источника в сферу-мишень, а совокупность проекций из нескольких исходных сфер в единое смешанное ментальное пространство, в котором смыслы порождаются в ходе концептуальной интеграции.

В последнее десятилетие этот подход к анализу политических метафор использован в работах А. Ченки [Cienki, 2013], А. Плешаковой [Pleshakova, 2014], У. Шредер [Schröder, 2015]. Углубляясь в нюансы концептуальной

интеграции, исследователи обнаруживают, что бленды нередко представляют собой так называемые «мегабленды» (megablend) [Abdel-Raheem, 2014]. Обычно процедура анализа концептуальной интеграции подразумевает определение набора исходных пространств (input spaces), из которых осуществляется проекция в бленд, и определение характера этой проекции (метафорическая, метонимическая и т.д.). Однако на практике оказывается, что исходное пространство в свою очередь тоже является блендом, в формировании которого задействованы свои исходные пространства. В итоге экспликация бленда превращается в изучение мегабленда – многоуровневой когнитивной структуры, в которой бленды одного уровня становятся исходными пространствами для блендов другого уровня.

Вместе с тем в политической лингвистике теория блендинга не получила широкого распространения. Модель метафоризации в теории концептуальной интеграции по сравнению с моделью Дж. Лакоффа и М. Джонсона включает в себя большее количество концептуальных структур и проекций, при этом количество входящих пространств и проекций варьируется от бленда к бленду, что усложняет их квантитативный анализ. Отсутствие методики, позволяющей проводить статистическое описание концептуальных интеграционных сетей, уникальных для каждого конкретного случая, связано еще и с тем, что исследователи блендинга ставят задачу изучить метафору не столько как феномен, укорененный в определённой культуре, сколько как динамический феномен политического дискурса, связанный с индивидуальным видением ситуации конкретным человеком.

Критика теории блендинга связана с тем, что сторонники такого подхода обычно занимаются единичными примерами, нередко вырванными из контекста, в то время как теория, претендующая на анализ универсальных меха-

низмов мышления, должна подкрепляться анализом дискурса, иначе теории не избежать солипсического изъяна в методологии [Bernárdez, 2016].

Когнитивное направление является ведущей методологией в современной политической метафорологии. Вместе с тем в исследовательской практике также востребован потенциал иных подходов.

## 1.2. Дискурс-анализ метафор

Важнейшее место в современной политической метафорологии занимает дискурсивное направление. При таком подходе метафора изучается в широком экстралингвистическом контексте в разных видах политического дискурса (национальном, медийном, институциональном, историческом, личностном и др.). В западной науке особенной популярностью пользуется критический дискурс-анализ СМИ (КДА), направленный на выявление дискурсивных стратегий воспроизводства доминирования одних групп общества над другими. КДА направлен на изучение способов, с помощью которых власть осуществляет свое господство в обществе. Специалисты стремятся выяснить, как именно при помощи коммуникативной деятельности, в том числе метафор, предписывается и воспроизводится социальное неравенство, а также наметить способы языкового сопротивления. Представители этого направления занимают активную гражданскую позицию, ищут пути для предупреждения социальных конфликтов.

В критическом дискурс-анализе метафорики можно выделить три ведущие школы:

- 1) Социокогнитивный подход Т. ван Дейка [Van Dijk, 2009; 2014], который сформировался в результате объединения лингвистического анализа текста и анализа моделей памяти и фреймов.

2. Диалектико-реляционный подход, разрабатываемый Н. Фэрклафом [Fairclough, 2009; 2015] на основе неомарксизма. В основе подхода лежит анализ гибридизации дискурсивных практик и технологизации дискурса СМИ в контексте доминирования властных групп. Включенное в название подхода понятие реляции подразумевает изучение отношений между текстами СМИ, субъектами деятельности и их ценностями, социальными отношениями, временем и местом коммуникации.

3. Дискурсивно-исторический подход, предложенный австрийской исследовательницей Р. Водак [Wodak, 2011; 2013]. Цель дискурсивно-исторического подхода – проследить, как тексты СМИ используются элитами для удержания доминирующих позиций. Ведущий методологический принцип данного подхода — комбинация текстуального и контекстуального анализа. Под контекстом понимается не только собственно лингвистический контекст (co-text), но и экстралингвистические, интертекстуальные, социально-политические, интердискурсивные и исторические факторы смыслопорождения [Wodak, 2009].

К этим трем основным школам примыкают дуйсбургская школа КДА, продолжающая традиции дискурс-анализа Мишеля Фуко [Jäger 2009], и опосредованный дискурс-анализ [Scollon, 2003; 2005], опирающийся на эвристики этнографии, семиотики и труды французского социолога П. Бурдьё. Критическому дискурс-анализу противопоставлен дескриптивный анализ дискурса (П. Чилтон), при котором исследователь намеренно отстраняется от субъективных предпочтений и собственной гражданской позиции, концентрируя внимание на описании и анализе объекте исследования.

Приступая к дискурсивному изучению политических метафор, ученые выбирают в качестве точки отсчета определённый политический дискурс, в котором фиксируются



все метафоры без ограничения круга сфер-мишеней и сфер-источников метафорической экспансии. В качестве субъекта дискурса могут выступать конкретные политики, политические организации, определенные СМИ, политические партии и иные сообщества, объединяемые общностью политических взглядов. Автор выбирает такую методику, когда его интересуют не способы концептуализации определённого фрагмента политического мира или моделирующий потенциал определённой сферы-источника, а особенности реализации концептуальных метафор в контексте определённой идеологии, реализуемой в индивидуальных или коллективных политических дискурсах.

Один из самых распространенных ракурсов исследования – анализ метафорических образов в идиолектах, который позволяет высветить различия в картинах мира конкретных политиков. Так, П. Друлак и В. Бенеш [Drulák, Beneš, 2015] сравнили метафорическое представление о Европе в выступлениях двух чешских президентов – В. Гавела и В. Клауса. Если В. Гавел воспринимал Европу как единое целое (метафоры семьи, контейнера, клуба), то В. Клаус видел в Европе баланс конкурирующих между собой государств (метафоры экономики, спорта, игры). Исследователи регулярно фиксируют предпочтения политиков к тем или иным сферам-источникам. Так, М. Л. Кинг предпочитал использовать религиозные метафоры, У. Черчилль любил образы природы, а М. Тэтчер активно использовала метафоры войны [Charteris-Black, 2014]. В дискурсе британского премьер-министра Д. Кэмерона доминируют метафоры движения [Зиновьев, Нахимова, 2019], а в выступлениях испанских королей Хуана Карлоса I и Филиппа VI регулярно востребованы милитарные метафоры [Селиванова, 2019]. Метафоры В. В. Путина коррелируют с доминирующей в российском обществе системой ценностей и особенностями отечественной политической куль-

туры [Беглова, Шмелева, 2016]. Отдельный интерес вызывают сравнительные исследования метафор российского президента с образами, используемыми лидерами других государств: Си Цзиньпином [Фомин, Мавлеев, 2017], Н. Саркози и Ф. Олландом [Крышталева, 2019] и др. Анализ метафор в идиолектах широко применяется и для изучения образного осмысления политики в исторической перспективе. Среди работ последних лет можно выделить исследования метафор Вильгельма II [Musolff, 2016], М. Ганди и Д. Неру [Liu, Khan, 2015], А. Гитлера [Musolff, 2010], деятелей времен Французской революции [Sinding, 2015].

Второй популярный аспект дискурсивного анализа – изучение метафор в дискурсе представителей определённых политических институтов. Такой подход применялся для изучения метафор в дискурсе депутатов Европарламента [Lu, 2013; Wodak, 2011], президентов США [Wright, Shore, 2015; Xue et al., 2013], президентов посткоммунистической Румынии [Frentiu, 2016], представителей Консервативной партии и Социал-демократической партии Литвы [Cibulskienė, 2010], членов правительства Сингапура [Lee, 2015], дореволюционных парламентских выступлениях [Дулесов, 2018] и др.

Третий ракурс дискурсивного анализа – изучение метафор в дискурсах сторонников (или противников) определённых политических взглядов. Дискурсы, манифестирующие определённую идеологию, зачастую характеризуются схожим репертуаром метафор. Группа исследователей проанализировала дискурс сторонников левых взглядов в Шотландии за период 2012-2014 гг. Указанные годы были временем непримиримых споров о том, следует ли Шотландии оставаться в составе Соединенного королевства или нет. Как оказалось, сторонники независимости Шотландии дружно использовали метафору мучительного и

несчастливого брака, прекращение которого принесет всем облегчение [Alexander et al., 2019]. Схожим образом М. Диаз-Пералта проследила, как сторонники левых взглядов использовали метафоры движения в испанской газете *El País* для создания негативного образа правящей центристской партии [Díaz-Peralta, 2018]. Схожесть метафоричности у сторонников определённой идеологии проявляется не только во внутривластном, но и во внешнеполитическом дискурсе. В публикации Мухортова [2015] показано, что метафоры в выступлениях Б. Обамы, Д. Кэмерона, Т. Эбботта и С. Харпера (2014-2015 гг.) свидетельствуют об общности идеологических установок англосаксонских политиков в области внешней политики.

Отдельное место в дискурсивном направлении занимают исследования метафор в нарративе (совокупности текстов, тематически связанных с определённым политическим событием). При таком подходе материал для исследования ограничивают не конкретным субъектом политического дискурса, а определённым событием (выборы, война, референдум), служащим экстралингвистическим триггером для актуализации метафор, связанных с разными сферами-источниками и сферами-мишенями [Bougher, 2015; Budaev, 2017; Crano, 2015; Danner, Hanne, 2015; Diez, 2016; Hammack, 2015; Mensel, 2015; Mio, 2015; Wibben, 2015]. Исследование политических нарративов показывает, что выбор сфер-источников при метафоризации находится в прямой зависимости от экстралингвистического контекста. Например, во время отсоединения Черногории от Сербии в югославской прессе резко выросла частотность метафор брака, при этом доминировали две метафоры – союз Сербии и Черногории – брак по расчёту и брак по принуждению [Silaški, Đurović, 2014] и т.п.

Более подробный анализ дискурсивного направления метафорологии представлен в специальных обзорах [Будачев, Чудинов, 2020а; 2020б].

### **1.3. Анализ невербальных метафор**

Анализ невербального ряда текстов основывается на семиотическом подходе, который направлен на изучение метафоры как части знаковой системы политической жизни общества. Долгое время исследователи политического дискурса фокусировали внимание на вербальных метафорах, однако в последнее время лингвисты все чаще обращаются к метафорике семиотически осложненных (политкодовых, креолизованных) политических текстов. Растущий интерес к мультимодальной образности связан, с одной стороны, с пониманием того, что невербальные средства не уступают по прагматическому потенциалу вербальному ряду, а с другой – с формированием представлений о метафоре, как о когнитивном феномене, проявляющемся не только в языке, но и в мышлении, что подразумевает потенциальную возможность объективации концептуальной метафоры в любых знаковых системах.

Закономерно, что среди исследований визуальной репрезентации политиков в карикатурах лидируют публикации, посвященные образам руководителей государств. Так, в исследовании Ю. В. Рогозинниковой [2018] рассмотрены образы президентов России и США в британских и американских СМИ. Автор приходит к выводу, что подавляющее большинство анализируемых примеров американской и британской политической карикатуры демонстрируют отрицательные образы американских президентов на фоне нейтрального или положительного образа российского президента. Метафоры тесно взаимосвязаны с категорией СВОИ—ЧУЖИЕ, но при этом ведущая стратегия форми-

рования образа американского политического лидера – «Свой – плохой, чужой – хороший», которая реализуется через тактики невыгодного сопоставления, идеализации/героизации одного из образов, создания дискредитирующего контекста.

Детальный анализ метафорических образов в современной американской карикатуре проведен в монографии Е. В. Шустровой [2014] и в коллективной монографии «Лингвокультурные типажи американских президентов» [Шустрова и др., 2016]. Комплексный изучение метафорического представления американских президентов в карикатуре США позволило исследователям смоделировать типажи, выстраиваемые в политическом дискурсе с помощью метафорических образов: Р. Рейган и Б. Обама – Семьянин, Дж. Буш – Злодей, Д. Трамп – Чудак. Метафорический образ Барака Обамы в политической карикатуре рассматривается С. А. Тихоновой [Тихонова, 2013]. Метафорические образы президента США формируются с помощью сфер-источников «Политика и политические деятели», «Библейские сюжеты», «Традиционные праздники», «Киноискусство», «Сказки» и «Мифология».

Предметом исследования могут быть не только отдельные политики, но и отношения между ними, особенно если речь идет о главах мировых держав. В исследовании А. Э. Буженинова [2017] рассмотрены политические карикатуры на В. В. Путина и президента США Д. Трампа во французской прессе. Анализ визуальных метафор выявил, что отношения между двумя президентами воспринимаются как возможный плодотворный союз двух держав, в котором доминирующая роль отводится В. В. Путину, а роль ведомого – Д. Трампу.

При метафорическом осмыслении событий карикатуристы обращаются к насущным политическим проблемам, которые и попадают в фокус исследователей: мировой фи-

нансовый кризис [Bounegru, Forceville, 2011; Ворошилова, 2013], ядерный кризис между КНДР и США [Kwon, 2019], брексит [Godioli, Pedrazzini, 2019; Silaški, Đurović 2019b], миграционный кризис [Wawra, 2018], политический кризис в Кении (2007—2008 гг.) [Wekesa, 2012], экономические споры между США и Тайванем [Lin, Chiang, 2015], атака на Charlie Hebdo [Bouko et al., 2017], присоединения Крыма к РФ в американской карикатуре [Шустрова, 2015], кризис на Украине (2014-2018 гг.) [Кипина, Плотникова, 2018] и др.

Особенность семиотического подхода в том, что при анализе устных выступлений исследователи учитывают самые разнообразные невербальные средства коммуникации (кивки, наклоны головы, сжатые губы, поднятые брови, жесты руками и т. п.). При этом именно метафоры обычно усиливаются мультимодальными средствами: жестами, выражением лица, позой, просодическими средствами [Avelar, Mendes, 2015; Debras, L'Hôte, 2015]. Еще одним источником сведений о невербальной политической метафоре служат рекламные ролики [Королева, 2012], политические комиксы [Садуов, 2013], политические плакаты [Мардиева, 2012; Нуриева, 2015].

Показательно, что современные сопоставительные исследования демонстрируют схожесть метафор невербального и вербального ряда в одинаковых дискурсивных условиях. К примеру, в ходе обсуждения европейского миграционного кризиса одни и те же метафоры активно использовались как в текстах, так и в карикатурах [Silaški, Đurović, 2019a]. Такие наблюдения свидетельствует в пользу когнитивной, а не только языковой, природы метафоры.

К основным центрам, занимающимся фундаментальной разработкой проблем использования метафоры как средства пропаганды в данном направлении за рамками

университетской науки, относятся Агентство передовых исследований в сфере разведки США (Intelligence Advanced Research Projects Activity) (исследовательские проекты «Metaphor» (рук. К. Котелл), «Socio-cultural Content in Language (SCIL)» (рук. К. Котелл)), корпорация РЭНД (RAND).

Как показывает анализ современного состояния исследований, метафора привлекает самое пристальное внимание исследователей манипулятивного дискурса по всему миру. Вместе с тем лингвокогнитивный анализ механизмов убеждения не исчерпывается метафорами. В отечественной науке самое пристальное внимание ученых привлекает анализ прецедентных феноменов.

#### **1.4. Методики анализа прецедентных феноменов**

Анализ современных публикаций показывает, что на сегодняшний момент можно выделить пять основных методик анализа прецедентных феноменов (ПФ) в манипулятивном дискурсе: методика анализа единичных ПФ; методика исследования ПФ, объединяемых сферой-источником; методика исследования ПФ, объединяемых сферой-мишенью; методика функционального анализа ПФ; методика дискурсивного исследования ПФ.

Методика анализа единичных ПФ. При использовании данной методики исследователь выбирает конкретное ПФ и досконально изучает актуализацию его дифференциальных признаков в СМИ. Такая методика широко представлена в современном отечественном языкознании. Российские исследователи рассмотрели такие ПФ, как Наполеон [Нахимова, 2007б], Буратино [Нахимова, 2007а], Геракл [Мищенко, 2018], Керенский [Нахимова, 2008], Мюнхгаузен [Быкова, Коптякова, 2017], Пиночет [Нахимова, 2013], Станиславский [Волкова, 2017], Вави-

лон [Сегал, Коротких, 2017], Александр Невский [Нахимова, 2010].

На примере иностранных СМИ методика анализа единичных ПФ применяется в публикациях Т. Ю. Ма и Т. В. Хлоповой, изучивших антропонимы David (библейский персонаж) [Ма, Хлопова, 2019] и Noah (Ной) [Ма, Хлопова, 2018] и Ю. В. Богоявленской и Буженинова, рассмотревших французское ПФ Napoleon [2015].

Методика анализа единичных ПФ подразумевает сравнение энциклопедической информации о персоналии и реальных концептуальных признаков, актуализируемых в текстах СМИ. Как показывают перечисленные исследования, далеко не вся энциклопедическая информация оказывается востребована в медиадискурсе. Более того ПФ могут утрачивать связь с исходными данными и трансформировать концептуальные признаки в СМИ.

На практике анализ единичных ПФ неизбежно включает в себя анализ связанных с ПФ прецедентных ситуаций, а иногда и связанных с данным ПФ других прецедентных имен. По этой причине некоторые авторы предпочитают говорить не столько об изолированном концепте, сколько о концепте, который образует более сложную структуру – фрейм. В частности, такой вариант анализа был использован при исследовании фреймов «Золушка» [Стратиенко, 2016], «Шалтай-Болтай» [Стратиенко, 2017], «Волшебный мир Гарри Поттера» [Шилихина, Стратиенко, 2017].

Вариантом рассматриваемой методики является сопоставление двух единичных ПФ в двух языках. Так, Е. Д. Томашевская и Ю. В. Богоявленская сравнили употребление прецедентного имени Napoléon Bonaparte во французских медиатекстах и Napoleon Bonaparte в британских СМИ [Томашевская, Богоявленская, 2018].



Методика исследования ПФ, объединяемых сферой-источником. Данная методика исследования ПФ подразумевает выбор определённой сферы-источника прецедентности и изучение примеров всех ПФ, объединяемых выбранной сферой-источником, в текстах СМИ. К настоящему моменту исследования ПФ в российских СМИ с применением такого подхода проведены на примере сфер-источников «Спорт» [Бабилова, 2014], «Монархи» [Нахимова, 2009], «Кино» [Крылова, 2012], «Немецкая философия» [Быкова, 2012], «Литература» [Боярских, 2008], «Русская классическая литература» [Наумова, 2017], «История» [Романьоли, 2006], «Детская литература» [Наумова, 2018], «Библия» [Пыстина, 2016].

Аналогичный подход используется при анализе иностранных СМИ. Исследователи рассмотрели сферы-источники «Кино» в СМИ Германии и США [Косарев, 2008], «Литература» в русскоязычном дискурсе Казахстана [Шумская, 2010], «Музыка» в СМИ Великобритании [Коротун, 2015], «Библия» в качественной прессе США [Юнг, 2015].

В контексте рассматриваемой методики обращает на себя внимание диссертация М. В. Черноморца, в которой детально проанализирована сфера-источник «Германские канцлеры» [Черноморец, 2009]. Используя корпус Берлинско-Бранденбургской Академии наук, в который входит более миллиона статей немецких газет (сер. XX в. – нач. XXI в.), автор детально описал специфику ПФ, входящих к известным немецким политикам (Konrad Adenauer, Otto von Bismarck, Bernhard von Bülow, Adolf Hitler, Willy Brandt, Gerhard Schröder, Helmut Kohl, Angela Merkel и др.).

Иногда в качестве сферы-источника может служить вся совокупность ПФ определённой культуры. При таком подходе исследователь фиксирует ПФ, относящиеся

к одной культуре, в определённых СМИ (часто СМИ страны, в которой распространена иная культура). Например, «Немецкоязычная культура» как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских печатных СМИ рассмотрена в диссертации Л. В. Быковой [2009]. Прецедентные имена, восходящие к французской культуре, в современной российской и американской прессе проанализированы в диссертации С. В. Елисеевой [2010]. Вместе с тем возможен вариант, при котором ПФ, например, французской культуры изучаются в СМИ Франции. Такой ракурс исследования использован в публикации А. В. Колодкиной [2017], изучившей французские по сфере-источнику прецедентные имена не только в русском, но и в французском языке.

Методика исследования ПФ, объединяемых сферой-мишенью. Данная методика исследования подразумевает анализ ПФ, задействованных для описания определённого концепта. Методика используется в тех случаях, когда необходимо изучить особенности осмысления определённого фрагмента действительности. Исследователь не знает, какие сферы-источники ему предстоит анализировать. Инвентаризация сфер-источников, актуализированных в СМИ для описания выбранной сферы-мишени, и их анализ является при таком подходе основной задачей.

Выбор данной методики часто связан с актуальностью для общества определённого концепта сферы-мишени. Например, после присоединения Крыма к РФ вопрос о концептуализации данного полуострова в СМИ получил особую значимость. Это в свою очередь привлекло внимание исследователей, изучивших репертуар ПФ, которые были использованы в СМИ для описания концепта КРЫМ [Богданович, Нахимова, Сегал, 2019].

Другой пример использования методики исследования ПФ, объединяемых сферой-мишенью, представлен

Й. Сипко [2019]. Автор проследил особенности концептуализации советского общества и распада СССР в дискурсе российских и словацких СМИ. В период перестройки была популярна критика советского периода. Излюбленной темой журналистов были сталинские репрессии, а для номинации негативных явлений получила распространение словообразовательная модель с суффиксом -щина: ежовщина, бериевщина, сталинщина, брежневщина. На современном этапе в общественном сознании советский период истории воспринимается уже не так однозначно, и ПФ, которым прежде приписывали исключительно пейоративную семантику, теперь могут привносить мелиоративные смыслы.

Вполне закономерно, что особое внимание исследователей, использующих данную методику, привлекает сфера-мишень «Россия». Так, М. А. Лисихина проследила, какие ПФ востребованы в англоязычных СМИ при создании образа нашей страны [2016].

Вместе с тем исследователи используют этот подход и для исследования менее «злободневных» сфер-мишеней. Например, в диссертации В. А. Мещеряковой-Клабахер изучены номинации писателей в текстах немецких СМИ [2016]. Как показал автор, если в качестве номинации писателя используется ПФ, то в этой роли выступают, как правило, имена более известных литераторов (например: *der moderne Charles Dickens*), которые становятся эталоном для сравнения с их менее известными широкому кругу читателей коллегами.

Методика функционального анализа ПФ. Название методики отражает предмет, на который направлено исследование при ее применении. Использование данной методики связано со стремлением автора выявить не репертуар ПФ в определённых дискурсе или концептуальные особенности определённого прецедентного имени, а

проанализировать функции, которые ПФ выполняют в СМИ. Проиллюстрируем это на примере современных публикаций, использующих функциональный анализ.

Например, И. А. Паневина изучила экспрессивную функцию ПФ, используемых во множественном числе, в российском газетном дискурсе [2015]. Л. Э. Рогозина [2009] рассмотрела юридическую функцию прецедентного имени на материале французского языка.

В статье Л. И. Гришаевой [2008] рассматривается прагматическая функция ПФ, которая заключается в том, что данные феномены дают возможность при минимуме средств реализовать коммуникативное намерение. ПФ являются готовыми продуктами речемыслительной деятельности, известными носителям культуры и несущими в себе представления общества о том, что есть хорошо и плохо. Хотя ПФ ярко отражают специфику определенной картины мира, они являются универсальным средством передачи и хранения культурной информации.

Манипулятивная функция ПФ рассмотрена в публикации А. В. Колмогорова, А. А. Калинина и Ю. А. Талдыкиной [2016]. Авторы изучили языковые феномены, которые задействованы для манипуляции общественным сознанием в СМИ США и описали результаты своей работы над созданием компьютерной программы, с помощью которой можно было измерять уровень манипулятивности текста СМИ. Обратившись к статьям американских медиатекстов, посвящённых кризису на Украине, исследователи определили шесть маркеров степени манипулятивности текстов, среди которых важное место отводится прецедентным именам. В целом манипулятивная функция популярна у исследователей политических текстов, для которых она особенно характерна [Салахова, Грачева, 2016].

Коннотативное функционирование ПФ проанализировано в статье И. В. Гайдук [2016]. Автор соглашается с тем, что для ПФ характерно переносное (коннотативное) употребление (как и для метафор), но между ПФ и метафорами есть различие. По мнению И. В. Гаидука, ПФ прецедентны потому, что связаны с другими прецедентными феноменами языка. В инвариант восприятия ПФ входит какая-либо прецедентная ситуация, а в метафорическом переносе такой связи не наблюдается.

Суггестивная функция ПФ в реализации тактик и стратегий в дискурсе конфликта изучена В. А. Саблуковой [2014]. В ситуации политического конфликта суггестивный потенциал ПФ наиболее востребован в СМИ при применении тактики обвинения; тактики, связанной с навязыванием ложных пресуппозиций; тактики, направленной на мифотворчество и тактики апелляции к авторитетам.

Функция интеллектуализации текста с помощью ПФ детально проанализирована в диссертации А. С. Драпалюк [2010]. Употребление ПФ является способом интеллектуализации текста. Включение в медиатекст ПФ усложняет его содержание, а соответственно усложняет восприятие этого текста. Однако, приложив когнитивные усилия, адресат получает удовольствие от раскрытия замысла автора текста. Обращение к интеллекту является действенной формой общения автора с аудиторией. Широкая известность некоторых антропонимов, например, имен литературных героев, приводит к тому, что они становятся известными даже тем читателям, которые не знакомы с оригинальным произведением. В такой ситуации лучше говорить не о функции интеллектуализации текста, а об интеллектуализирующей (познавательной) функции ПФ в СМИ, направленной на сохранение и передачу культурной информации.

Сразу три функции подвергаются анализу в статье А. А. Черноброва: компрессионная, гипертекстовая и эстетическая функции [2009]. К иным функциям ПФ в СМИ относят функцию создания языковой игры [Радченко, 2013], функцию классификаторов толерантности/нетолерантности [Романова, 2016], функцию эфемизации [Ванюшина, 2017], оценочную функцию [Качалова, 2010], функцию приращения смысла [Орехова, 2013], функцию доминанты идиостиля [Нахимова, Чудинов, 2016] и др.

Методика дискурсивного исследования ПФ. При использовании данной методики точкой отсчета для изучения ПФ становится определённый дискурс, в котором изучаются все ПФ без ограничения сфер-мишеней и сфер-источников прецедентности. В качестве субъекта дискурса могут выступать конкретные авторы, национальные СМИ, отдельные издания. Автор выбирает такую методику, когда его интересуют не способы концептуализации определённого фрагмента действительности или моделирующий потенциал определённого ПФ, а особенности использования ПФ в конкретном (индивидуальном, организационном или национальном) дискурсе.

Изучение ПФ в идиолектах позволяет глубже понять картины мира отдельных людей, определяющих их поведение. Так, в монографии Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2014] показано, что М. Л. Кинг тяготел к использованию религиозные образы и библейских оников в своих выступлениях, в то время как М. Тэтчер активно использовала миф о Боадичее, королеве бриттов, возглавившей антиримское восстание в 61 г.

Изучение ПФ в национальных дискурсах позволяет реконструировать компоненты национальной картины мира, в которой ПФ занимают важную место. Лингвисты рассмотрели функционирование ПФ в массмедиа многих

стран. Целый ряд работ посвящен анализу ПФ в СМИ Германии [Калюжная 2018; Уделькина 2018; Чигашева 2016]. В. П. Былевский изучил ПФ в СМИ КНР [2016], а Н. В. Шеминова провела такое же исследование на примере испанской прессы [2006]. Е. В. Глинка [2019] исследовал ПФ в белорусской прессе, а И. Дулебова рассмотрела прецедентные антропонимы в словацких медиатекстах [2019]. Динамический аспект данной методики использован Э. Н. Шумской, проследившей изменения прецедентных имен в СМИ Казахстана в хронологической перспективе [2011].

Некоторые авторы вводят дополнительные дискурсивные ограничения, с целью более детально изучить какой-либо аспект национального дискурса. Так, региональный аспект функционирования ПФ проанализирован Л. В. Басовой на примере газет Тюменской области [2012]. Ю. В. Газинская сосредоточила внимание на ПФ, актуализированных в политических текстах русскоязычного медиа-дискурса Украины [2013].

Учитывая, что ПФ во многом выражают специфику определённой лингвокультуры, закономерно, что дискурсивный анализ часто проводится в сопоставительном ракурсе. Такой подход является самым популярным вариантом дискурсивной методики. Так, в исследовании В. С. Мартиша сравниваются прецедентные имена в англо-американских и российских печатных СМИ [2016]. Сопоставлению прецедентных феноменов в политической коммуникации Германии и США посвящена диссертация М. И. Косарева [2008]. Исследователи сопоставили ПФ в СМИ России и Египта [Ваиль, 2013; Ибрагим, Дарвиш, 2013], России и США [Бородай, 2019; Гайдук, 2015; Мартиш, 2014].

Помимо идиолектов и национальных СМИ источником ПФ для дискурсивного анализа могут служить кон-

кретные телепередачи. Например, в статье Ю. В. Евтеевой рассмотрены ПФ на материале телепередачи «Гордонкихот» [2011].

Необходимо пояснить, что нередко изучение ПФ в СМИ проводится в совокупности с другими прецедентными феноменами, как, например, в диссертациях О. А. Ворожцовой [2007] и П. Зыряновой [2016], что никак не мешает реализовывать перечисленные методики в исследованиях подобного рода.

В завершение отметим, что между выделенными подходами нет непроходимых границ. Возможно сочетание нескольких ракурсов анализа. К примеру, исследователь может ограничить не только сферу-источник, но и дискурс, что довольно часто происходит на практике, как показывает анализ современных исследований. Это тем более закономерно, что ПФ изучаются в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы.

В настоящем обзоре описаны только основные методики изучения когнитивных структур в манипулятивном дискурсе, получившие широкое распространение в современной политической лингвистике. В завершение отметим, что между выделенными методиками нет непроходимых границ. Возможно сочетание нескольких ракурсов анализа. К примеру, исследователь может ограничить не только сферу-источник, но и дискурс, что довольно часто происходит на практике, как показывает анализ современных исследований.

Как показывает представленный обзор теории, методологии и практики лингвокогнитивного анализа манипулятивного дискурса, данное направление научных изысканий относится к ведущим направлениям исследований в политической лингвистике. Вместе с тем подавляющее внимание исследователей привлекает анализ



концептуальных метафор, прецедентных феноменов, концептуальных оппозиций, когнитивных сценариев в СМИ.

В мировой науке отсутствуют комплексные исследования коммуникативного сопровождения массовых беспорядков в мессенджере Telegram, в то время как именно кроссплатформенные мессенджеры все чаще становятся непосредственным инструментом убеждения (преимущественно молодежи) присоединяться к массовым беспорядкам. Это противоречие между насущностью проблемы и ее неизученностью требует отдельного внимания ученых.

## **Глава II. Коммуникативное сопровождение массовых протестов в Белоруссии в оппозиционных телеграм-каналах в 2020 г.**

Настоящая глава посвящена практическому исследованию коммуникативного сопровождения массовых протестов в Белоруссии 2020 г. на примере оппозиционных телеграм-каналов. Изучается роль метафор, прецедентных феноменов и фреймов в побуждении адресата коммуникации к антиправительственным выступлениям.

### **2.1. Метафорическая концептуализация белорусской действительности в оппозиционном телеграм-дискурсе в 2020 г.**

#### **Введение**

Бурное развитие коммуникационных технологий и их активное внедрение в процессы политического противостояния создало новые возможности по организации массовых политических протестов. В последние годы важнейшую роль в коммуникативном сопровождении антиправительственных выступлений играют кроссплатформенные мессенджеры, что показал опыт организации беспорядков в Белоруссии в 2020 г. Несмотря на широкий интерес исследователей к манипулятивным дискурсам, в мировой науке практически отсутствуют исследования коммуникативного сопровождения массовых беспорядков посредством кроссплатформенных мессенджеров. Данный дисбаланс между насущностью проблемы и ее малой изученностью требует специального внимания исследователей.

В целом в современной политической лингвистике существует противоречие между реальной востребованностью Интернет-источников информации у аудитории и тем вниманием, которые лингвисты уделяют этому виду источников. К примеру, специальные обзоры зарубежных [Будаев, Чудинов, 2020а] и российских [Будаев, Чудинов, 2020б] публикаций показывают, что большинство современных исследований политических метафор выполнено на материале традиционных СМИ (газеты, журналы, телевизионные каналы), хотя по суточному охвату аудитории Интернет обошел телевидение, не говоря уже о газетах и журналах. Что же касается молодежной аудитории, обычно являющейся наиболее активной частью уличного протеста, традиционные источники информации изначально находятся в тени Интернет-источников: телеграм-каналов, социальных сетей, блогов. Именно последние формируют концептуальную картину мира молодежи, создают образцы «героев» и «злодеев», предлагают методики борьбы с социальной несправедливостью.

Исследователи, работающие в области политической лингвистики, как в России (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, В. З. Демьянков), так и за рубежом (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Мусолфф, Дж. Чартерис-Блэк, П. Чилтон, Р. Водак, Т. Ван Дейк), сходятся во мнении, что важнейшую роль в категоризации политической действительности и трансформации картины мира в массовом сознании играют концептуальные метафоры. Данные структуры актуализируются через языковые средства, используемые как для декларации идей авторов и заказчиков текстов, так и для формирования нужной картины мира у адресата.

Потенциально функции метафор реализуются в политическом дискурсе независимо от канала передачи информации адресату, но это не означает, что метафоры функционируют в телеграм-каналах также, как в традиционных

СМИ. Мессенджеры не только все отчетливее берут на себя функции по созданию определённой картины политической действительности, но и служат механизмом оперативной организации коммуникантов, с целью осуществления непосредственных действий. Таким образом, роль побудительной функции метафоры в мессенджерах возрастает. При этом немаловажно, что мессенджер – источник информации, который представляется адресату децентрализованным и потому вызывает большее доверие. Это напоминает эффект «рекламы от знакомых», которой рядовой потребитель доверяет больше, чем рекламе от профессионалов. Таким образом, метафора в политических телеграм-каналах не только концептуализирует действительность, но и мотивирует адресата к осуществлению конкретных действий.

Настоящее исследование посвящено изучению зооморфной метафоры как лингвокогнитивного механизма вовлечения населения Белоруссии в антиправительственные выступления в 2020 г. посредством мессенджера Telegram.

### **Материал исследования**

Актуальность исследования обусловила выбор материала. Сплошная выборка метафор осуществлялась из дискурса телеграм-каналов «Nexta» и «Nexta Live». Канал «Nexta» — белорусское средство массовой информации, игравшее ведущую роль в коммуникативном сопровождении процессов подготовки и сопровождения массовых протестов в Белоруссии в 2020 г. В названии канала (произносится как *нехта* с ударением на первый слог) заложена игра слов: английское *next* ‘следующий’ и белорусское *нехта*, то есть ‘некто’. Второй канал – «Nexta Live» — предназначен для публикации самых оперативных ново-

стей. Английское слово *Live* значит ‘передающийся непосредственно с места действия’ (ср. *live program* — репортаж с места событий). Telegram-каналы NEXTA и NEXTA-Live признаны в Белоруссии экстремистскими, а в отношении организаторов и редакторов каналов выдвинуты обвинения в организации массовых беспорядков и групповых действий, сопряженных с неповиновением законным требованиям представителей власти, а также в возбуждении социальной вражды и розни.

Хотя протесты в Белоруссии начались вечером 9 августа 2020 г., после голосования на выборах президента Белоруссии, подготовка общественного мнения началась задолго до дня голосования, поэтому в качестве хронологических рамок для выборки был определен 2020 г.

### **Методика исследования**

Опыт развития политической метафорологии показывает, что проведенные на одном и том же материале исследования могут существенно различаться между собой в зависимости от того, в каком аспекте изучаются метафоры и какие задачи ставит перед собой автор. Обычно зооморфная метафорика изучается с помощью двух подходов. Первый подход – определение сферы-мишени, притягивающей зооморфные метафоры (Бойко, 2021; Коптяева, Шустрова, 2021; Пологова, 2021). Такой ракурс позволяет сфокусировать внимание на определённом концепте/фрейме, с целью выявить способы его метафорической концептуализации. Для изучения метафорики в определённом оппозиционном телеграм-канале такой подход малопригоден, потому что ограничивает исследовательское поле небольшим фрагментом действительности.

При втором подходе зооморфная метафора изучается с помощью методики анализа метафор, объединяемых сфе-

рой-источником метафорической экспансии. Эта методика подразумевает выстраивание фреймо-слотовой модели концептуализации политики в целом (Вершинина, 2002; Чудинов, 2003). Описание метафорической модели складывается из большого корпуса примеров, зафиксированных в широком наборе медиа-источников, что позволяет получать «среднее арифметическое» метафорической картины мира. В такой картине сглаживаются индивидуальные представления авторов текстов и особенности отдельных средств массовой информации. Также на второй план отходят конкретные концепты сферы-мишени, которые объединяются в единый «суперконцепт» (например, ПОЛИТИКА). Для анализа метафор в отдельном телеграм-канале такой масштаб рассмотрения тоже неприменим. Продуктивность метафор одного телеграм-канала ниже, чем у совокупности СМИ, в которых работают профессиональные журналисты. Также в телеграм-канале меньше репертуар обсуждаемых тем и концептов сферы-мишени, обобщение которых исказило бы важные детали конкретного оппозиционного дискурса. По этой причине в настоящем исследовании анализ проводился не по фреймо-словотой организации сферы-источника, а по регулярным переносам между концептами сферы-источника и сферы-мишени. Таким образом, моделировалась не структура сферы-источника, а наиболее типичные проекции, задействованные в конкретных дискурсивных условиях.

### **Анализ метафорических проекций**

Как показал анализ, ведущее место в метафорике оппозиционного дискурса занимала зооморфная метафора, при этом в данной метафорической модели получили распространение четыре основные метафорические проекции:

ВЛАСТЬ – НАСЕКОМЫЕ, ЖУРНАЛИСТЫ – ШАВКИ, МИЛИЦИЯ – ЖИВОТНЫЕ, НАРОД – ЖИВОТНЫЕ.

### 1. Метафорическая проекция ВЛАСТЬ – НАСЕКОМЫЕ

В политическом дискурсе метафора выполняет две основные функции. С одной стороны, метафора подмечает некоторое сходство между двумя феноменами на основе определённого признака, «отражает» аналогию. С другой стороны, метафора создает аналогию и навязывает ее адресату дискурса, выполняя манипулятивное воздействие. Так как многие метафорические проекции носят преимущественно подсознательный характер, реципиент не осознает, что становится объектом манипуляции. Эта вторая функция особенно востребована в политическом дискурсе, при этом чем выше накал политической борьбы, тем сильнее востребована именно эта функция. Важно иметь в виду, что навязывание аналогии выстраивается на обнаружении сходства, хотя бы формального, которое в дальнейшем можно эксплуатировать для навязывания аналогии и привнесения совокупности необходимых прагматических смыслов. Таким образом, навязывание аналогии требует изначального поиска аналогии существующей.

Эта особенность рельефно проявилась в метафорической проекции ЛУКАШЕНКО – ТАРАКАН, регулярно воспроизводимой в рассматриваемом телеграм-дискурсе. На первом этапе аналогия выстраивается на основе внешности президента Белорусии. Концепт сферы-мишени и концепт сферы-источника совпадают по выбранному признаку, однако из всего потенциального многообразия зоонимов адресанты выбрали образ таракана, который традиционно связан с совокупностью негативных оценок. Таким образом, метафора уже не только отражает аналогию по одному признаку, но и создает или даже навязывает целый спектр аналогий, развертывая данный образ по заданной модели негативной оценки концепта сферы-мишени. Ср.:

*Не глядя на то, что в Беларуси масса годных и ещё не обработанных земель, Таракан решил начать размещать производство в загрязнённой зоне (3.06.2020).*

*По злой иронии судьбы, на пути «Урала» оказался чёрный как душа Таракана Mercedes 450, 2019 года выпуска (17.06.2020).*

В большинстве контекстов употребления данной метафоры никак не обозначены основания для метафоризации, что подводит читателя к мысли о том, что этот образ настолько устоялся, что и так понятен любому белорусу без дополнительных разъяснений. Адресанты текстов регулярно используют метафору *таракана* как дисфемизм в самых разных контекстах, выявляя стремление укоренить зооморфную ассоциацию в сознании читателей. Ср.:

*В связи с этим к руководству предприятия и даже самому Таракану было выдвинуто несколько требований, касающихся условий труда и интересов работников (10.07.2020).*

*О неравных условиях в предвыборной гонке за пост президента Беларуси можно судить и по стендам, расставленным в публичных местах страны, на которых изображён только один кандидат — Таракан (20.07.2020).*

Спорадически образ тараканов использовался для концептуализации действий милиции, но такие переносы не носили регулярного характера, как в случае с президентом Беларуси. Ср.:

*Каратели засели прямо в Главпочтамте и теперь выбегают оттуда. Да, совсем как тараканы (9.08.2020).*

Регулярное воспроизведение рассматриваемой метафоры используется для создания эффекта иллюзии правды. Суть этого эффекта заключается в том, что человек склонен доверять знакомой информации, которая сформировалась на основе повторяющихся событий. Как показывают эксперименты, простого знакомства с неким ложным



утверждением достаточно, чтобы увеличить вероятность того, что со временем реципиент будет считать полученную информацию верной [Begg, Armour, 1991; Begg, Anas, Farinacci, 1992]. При этом эффект иллюзии правды возникает и в тех случаях, когда адресат не помнит источник информации. То есть в результате многократного повторения формируется ощущение знакомой информации, а к знакомой информации возникает доверие независимо от первоисточника этой информации. В специальном эксперименте было обнаружено, что даже предупреждение о том, что некое заявление является ложью, может привести к обратному эффекту. Спустя некоторое время после предупреждения, часть испытуемых вспоминали слышанное когда-то заявление как истинное [Skurnik et al., 2005].

Частая повторяемость явлений обычно означает норму, а нормальная ситуация воспринимается как само собой разумеющееся, что экономит ресурсы когнитивной системы человека. Наоборот, в нетипичной ситуации человек активизирует когнитивный ресурс мозга в поисках оптимальной стратегии поведения в новых условиях. Таким образом, простое повторение метафоры делает ее привычной и знакомой, а потому вызывающей доверие вне зависимости от того, объяснено ли в контексте основание для метафоризации или нет. Когда метафора становится привычной, автоматизируются инференции и оценки, привносимые метафорической проекцией.

Метафора *таракан* занимает доминирующее место в проекции ВЛАСТЬ – НАСЕКОМЫЕ, но не исчерпывает данный перенос. При этом данная метафора была строго персонализирована, то есть никогда не применялась по отношению к иным представителям власти, кроме президента.

Другие метафоры насекомых можно разбить на две группы по прагматической функции. Одна группа метафор формировала образ власти как паразитов, сосущих кровь

народа. Как свидетельствуют исследования различных дискурсов, метафора паразитов – распространенное средство концептуализации чужого, подлежащего вытеснению или уничтожению (дискурс Гитлера [Мусолфф, 2006], дискурс администрации президента США [Lakoff, 2004], расистский дискурс [Musolff, 2014], дискурс русских националистов начала XX в. [Дулесов, 2016], советская пропаганда [Вайс, 2008] и др.). Так как паразитизм относится к типу взаимодействия между организмами, при котором только одна сторона использует другую для своих нужд, логика метафоры подразумевает только благоприятные последствия для стороны, избавившейся от паразита. Ср.:

*Мы — 97%, мы выступаем против диктатуры, которая десятилетиями сосала кровь нашего народа и нашей страны. Тюремных камер и ментов на всех не хватит — они не смогут нас остановить!* (14.07.2020).

*И тогда они будут по-настоящему служить народу и стране, а не охранять капиталы и безопасность семьи поехавшего узурпатора-кровопийцы* (20.20.222).

Вторая группа метафор акцентировала смысл многочисленности работников государственного аппарата, которые не способны эффективно выполнять свои функции. Ср.:

*РЦУ РЧС Минск — настоящий муравейник, на четырёх этажах которого находятся самые важные в республике «спасатели» в чинах полковников в неизвестном для интернета количестве! <...> Зачем этот удей с непонятным количеством дармоедов, от которых только проблемы и люди не хотят работать?* (2.03.2020).

2. Метафорическая проекция **ЖУРНАЛИСТЫ – ШАВКИ**

Телеграм-канал NEXTA являлся альтернативой традиционным белорусским СМИ не только по техническому способу передачи информации, но и по идеологическим

взглядам. По этой причине в задачи оппозиционного дискурса входила дискредитация работы журналистов государственных СМИ, формирующих иное представление о текущих событиях. Ср.:

*Редакция NEXTA редко обращает внимание на низкокачественные и отвратительные опусы со стороны государственных пропагандистов. Опускаться до их уровня — себя не уважать. Тем более, что завывания и тявканье шавок, у которых и аудитории то полтора человека, в основном только смешат. Им уже давно никто не верит (23.07.2020).*

В данном контексте метафора сравнивает работу государственных журналистов с «завыванием и тявканьем шавок». Метафорическое следствие этого сравнения основывается на экстралингвистическом знании о том, что собаки не могут сообщить ничего ценного о происходящем в мире политики, поэтому не заслуживают внимания со стороны читателей и зрителей. Для нейтрализации мелиоративных коннотаций лексемы собака используется дисфемизм шавка, обычно используемый для номинации маленькой, невзрачной собаки, а в метафорическом смысле – ничтожного человека. Ср.:

*Всё зачищено, на стерильных улицах узурпатор даёт интервью своим шавкам (06.11.2020).*

Зооморфные образы могут сочетаться с прецедентами именами, усиливающими прагматический потенциал метафор за счет увеличения задействованных ассоциативных связей. Ср.:

*А тем журналистам, которые «показывают зубы и продолжают даять», наказал вспомнить историю Хатико — «нового хозяина вы вряд ли найдете» (13.08.2020).*

К зооморфным образам примыкает метафоры «вылизывания» («зализывания») власти журналистами (госслужащими) («вылизывать – вычищать, приглаживая языком

шерсть, волосяной покров и т.п. (о животных)» [БАСРЯ, 2005, т. 3, с. 463]. Ср.:

*Вообще, чем больше начинаешь погружаться в биографии приспешников и прихлебателей Лукашенко, тем больше за голову хватаешься — такие кадры ещё надо поискать! Зато становится очевидно, что нормальные люди так усердно вылизывать действующей системе не будут (7.08.2020).*

*Так его прозвали не зря — выдавливать из себя такое количество якобы остроумного дерьма, зализывая режим до посинения, нужно постараться. В этом с ним действительно сложно посоревноваться (23.07.2020).*

### 3. Метафорическая проекция МИЛИЦИЯ – ЖИВОТНЫЕ

Метафорический перенос из сферы-источника «Животные» в сферу-мишень «Милиция» относится к самым востребованным в оппозиционном дискурсе NEXTA. Хотя данная концептуальная метафора использовалась и в предвыборный период (до июля 2020 г.), ее востребованность резко выросла в период выборов и фазу беспорядков, сопровождавших постэлекторальный период.

Для предвыборного периода в целом были нехарактерны представления о милиции как о животных. Встречались единичные контексты, не связанные напрямую с политикой. Ср.:

*Но грустнее всего то, что отдыхают так целыми семьями и показывают своим детям «отличный» пример заботы о природе и собственного свинства. Иначе это назвать попросту невозможно (2.04.2020).*

Закономерно, что в период уличных протестов зооморфные образы получили широкое распространение. Типичные основания для метафорического переноса – аморальность и агрессивность. Соответственно самые востребованные образы – псы, свиньи, быки. Ср.:

*Журналисты «Ганцевичского часа» вели прямую трансляцию живой цепи в центре своего города. В какой-то момент начальник местного РОВД Виталий Кулешов, по прозвищу «Свин», отдал приказ задержать журналистов. А его верные псы в форме моментально бросились исполнять волю начальника. (22.06.2020).*

*Жёсткие задержания велосипедистов на площади Победы. Быки просто бросаются на людей (8.08.2020).*

Особенность анализируемого дискурса заключается в том, что зооморфные метафоры часто сочетались с гендерными аспектами. Авторы текстов регулярно использовали зооморфные метафоры, подчеркивая, что действия милиции направлены против мирных женщин/девушек. Этот прием призван усилить пейоративную оценку милиции, а также индуцировать императив противодействия со стороны мужской аудитории. Ср.:

*Только посмотрите, как быки обходятся с девушками! (15.07.2020).*

*Только посмотрите, сколько цепных псов бросили на мирных девушек в Орше. И кто они после этого? (12.08.2020).*

*Смотрите, как бычары в чёрной форме крутят девушек в Витебске! (12.08.2020).*

Агрессивности милиции противопоставлялась эффективность действий протестующих, выполнявших рекомендации, которые распространялись с помощью каналов NEXTA. В специальных памятках NEXTA давались рекомендации подписчикам по повышению эффективности противодействия действиям милиции (экипировке, подбору одежды, особенностям передвижения и связи, использованию «сцепок» и т.п.). Адресантам внушалась мысль о том, что несмотря на «звериный» облик милиции, ей можно и нужно успешно противостоять. Ср.

*Вы только посмотрите, сколько псов режима понадобилось для того, чтобы разбить сценку всего из нескольких протестующих! (14.07.2020).*

*Наши подписчики решили не терять такую возможность и начали осыпать «благодарностями» верного пса режима [о сотруднике ОМОН] (24.07.2020).*

*На Ленина в Минске каратели гоняются за людьми! Дайм зверью в чёрном отпор, не отдаём своих! (11.08.2020).*

*Народ отгоняет ОМОН в Барановичах. Трусливые псы бегут от людей (10.08.2020).*

*Сегодня лидчане дали достойный отпор карателям. Не смотря на то, что мирный протест был атакован светошумовыми гранатами, резиновыми пулями и угрозой применения табельного оружия, люди не растерялись и всыпали негодяем в форме подручными средствами. Так держать, народ! Псы должны знать свое место! (13.08.2020).*

В период острой фазы конфликта при концептуализации милиции были особенно распространены общие зооморфные номинации (озвереть, звери, зверье и т.п.). Это связано, с одной стороны, с тем, что кризисная ситуация способствовала снижению продуктивности метафор при росте их частотности и замене доминирования описательной функции на доминирование побудительной функции. С другой стороны, острая фаза конфликта была наполнена примерами агрессивных действий, что способствовало подбору метафорических номинаций, соответствующих востребованным прагматическим смыслам. Ср.:

*Власти совсем озверели! (10.08.2020)*

*На Стелле очень много зверей в чёрном, стоят на каждом близлежащем перекрёстке (11.08.2020).*

*Сегодня фашисты, особенно из внутренних войск (да-да, в основном людей расстреливают именно они) и*

*ОМОНа, проявили всю свою звериную сущность (12.08.2020).*

*На этом месте звери из ГАИ угрожали мирным задержанным мотоциклистам пистолетом и жёстко их избивали. Сегодня жители города принесли сюда цветы (13.08.2020).*

Основанием для подобных метафор может служить не только агрессивное поведение, но и негуманное поведение в целом. Ср.:

*Работники ЦИП на Окрестина в Минске совсем озверели. Отказываются отдавать вещи тем, кого сегодня освобождают (13.08.2020).*

Схожую функцию выполняет метафорическая номинация *быдло* (из польского *bydło* – скот [Аникин, 2011, с. 272]), часто используемая с определением *черный* (по цвету формы представителей органов правопорядка). Ср.:

*Жёсткая стычка между людьми и быдлом в Гродно! (6.09.2020).*

*Только посмотрите, что в Гомеле сегодня вытворяло быдло в чёрном! (27.09.2020).*

*Протестующие дали достойный отпор лукашистскому быдлу! (11.10.2020).*

*Просим у вас помощи по опознанию озверевшего быдла. Насилие не должно остаться безнаказанным! (29.10.2020).*

Формулировка опасности позволяет выработать сценарий противодействия. Метафора не только служит средством концептуализации действительности, но и сопровождает рекомендации к действию, потенциально повышая перлокутивный эффект сообщений. Ср.:

*Держитесь большими группами! Также призываем водителей приезжать в центр и забирать протестующих, за которыми сейчас ведётся настоящая охота озлобленного зверья в чёрном (10.08.2020).*

Для расчеловечивания образа милиционеров использовались не только метафоры реально существующих животных. К зооморфным образам примыкают метафоры мифических и фэнтезийных существ, которые могут превращаться из человека в животное (оборотни) или изначально существуют как человекоподобные/звероподобные создания (гоблины). В любом случае подобные метафоры призваны нивелировать знак равенства между милиционерами и людьми. Ср.:

*У людей абсолютно отсутствовал страх перед оборотнями в погонах и устрашающими автозаками (19.06.2020).*

*Покажем тараканьим гоблинам, сколько нас! (02.08.2020).*

Отдельно необходимо отметить сочетание зооморфных образов с криминальными метафорами. Делегитимизация действий милиции возможна при мысленном превращении органов правопорядка в свою противоположность – уголовные элементы. Таким образом, криминальная метафора делегитимизации функционально сочетается с зооморфной метафорой деантропоморфизации. Ср.:

*В Бресте озверевшие бандиты в чёрной форме бросаются на женщин с маленькими детьми (14.07.2020).*

*Становятся известны новые факты преступлений цепных псов Лукашенко против людей (14.08.2020).*

*Творимые быдлом в погонах преступления не разрешены ни одним уставом или внутренним регламентом (09.12.2020).*

Важная черта оппозиционного дискурса – деморализация органов правопорядка. По этой причине актуализируются сообщения, в которых зооморфные метафоры сочетаются с призывами отказаться от выполнения обязанностей. Ср.:



*Хватит крови! Хватит жертв! Бросайте свои щиты и дубинки и переходите на нашу светлую сторону! Хватит быть цепными псами и мусором, станьте людьми! Будьте с нами!* (11.08.2020).

Таким образом, зооморфные метафоры выстраивают когнитивную оппозицию, в которой протестующие-люди противопоставляются милиции-животным, но в отличие от логики, заложенной в сфере-источнике (согласно которой животные не могут превращаться в людей), оставляют возможность работникам органов правопорядка «вернуться к человеческому облику». Сообщения подкрепляются сообщениями о большом количестве милиционеров, воспользовавшихся такой возможностью. Ср.:

*Хотим отметить, что на наш бот <...> после публикации тоже пришло очень много рапортов об увольнениях от честных милиционеров, для которых оскорбительно находиться в одном списке с продажными псами антинардного режима Лукашенко* (20.09.2020).

Так как люди имеют склонность подражать поведению друг друга в рамках социального взаимодействия (зачастую даже если это невыгодно для индивидуума [Naber et al., 2013]), сочетание зооморфных метафор с сообщениями о «многих рапортах», обладает значимым прагматическим потенциалом, тем более, если учесть, что эту информацию невозможно проверить (как было отмечено, для создания эффекта иллюзии правды истинность сообщения не имеет значения).

В завершение отметим, что метафора МИЛИЦИЯ – ЖИВОТНЫЕ является самой высокочастотной среди актуализированных зооморфных метафор. Не исключено, что доминирование зоонимной метафоризации милиции/полиции является универсалией кризисной коммуникации. По крайней мере, исследование метафор в нарративе Black Lives Matter показало высокую востребованность об-

разов животных для концептуализации полиции в США в период беспорядков в Сиэтле [Пологова, 2020]. Схожие данные были получены А. И. Золотайко [2019] при анализе метафорического образа полиции в дискурсе общественного мнения в США в целом.

#### 4. Метафорическая проекция НАРОД – ЖИВОТНЫЕ

В оппозиционных дискурсах усиливается прагматическая амбивалентность метафор, т. е. востребованность одних и тех же образов для актуализации диаметрально противоположных оценок политических агентов в разных дискурсивных условиях. К примеру, в дискурсе движения BLM метафоры из определённой сферы-источника были направлены на критику политики Д. Трампа и действий полиции. Вместе с тем те же метафорические образы использовались для мелиоративной оценки протестующих [Будаев, Пологова, 2021].

Схожая ситуация наблюдалась и в белорусских событиях. Концепт ЖИВОТНЫЕ использовался в дискурсе НЕХТА как для концептуализации милиции, так и для концептуализации рядовых граждан, но если в первом случае активизировались пейоративные смыслы (агрессивность, жестокость), во втором – смысл незаслуженного отношения власти к гражданам. Ср.:

*Ему нужна валюта, а нас поэтому гонят в забой без остановки и без соблюдения техники безопасности. Вот и гибнут мужики постоянно. Много скрывают несчастных случаев. Отношение к рабочим как к быдлу (12.06.2020).*

Одним из проявлений прагматической амбивалентности являются отрицательные метафоры, то есть метафорические контексты, включенные в отрицательную конструкцию. Если к власти применяются зооморфные образы, то применительно к народу используются отрицательные метафоры, в которых аналогия не утверждается, а отрицается. Ср.:

*Мы доказали совковой номенклатуре в кабинетах, что мы — нация, а не скот. До освобождения страны осталось совсем немного. Мы вместе! А значит, мы победим!* (15.07.2020).

*Покажем идеологу Воробьеву с его гестаповскими коммиссионным осмотрами понять, что мы не быдло, а специалисты!* (14.08.2020).

Представленные метафоры содержит импликацию о том, что власть считает народ скотом. Таким образом, отрицательная метафора конструирует в сознании адресата характер представлений власти о народе как о животных, для чего реальные или виртуальные события интерпретируются соответствующим образом. Так как среди признаков отличия человека от животных – языковая способность и деятельность, прагматические следствия метафоры ориентированы на побуждение адресанта к активным действиям по доказательству власти ошибочности представлений о народе как о массе, подобной безмолвному скоту.

Нельзя не отметить, что зооморфная метафора регулярно сочетается с равно негативными оценками советского прошлого и фашистской оккупации. Согласно предлагаемой картине мира, и фашисты, и коммунисты считали народ «быдлом», поэтому апелляции к советским и фашистским концептам для создания негативных образов выступают в дискурсе NEXTA как взаимозаменяемые. Это обстоятельство отражает стремление NEXTA следовать популярной на Западе тенденции приравнивать СССР и фашистскую Германию, несмотря на очевидную несовместимость идеи равенства в советской идеологии с человеконенавистнической идеологией фашизма. На эту несовместимость указывали и западные лингвисты, в том числе на примере анализа зооморфных советских и нацистских метафор [Вайс, 2008].

Отметим, что в России сопротивление этой практике вылилось в утверждении поправок к закону «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», которые запрещают отрицать решающую роль советского народа в победе над фашизмом, а также отождествлять цели и действия СССР и нацистской Германии во Второй мировой войне. Этот законопроект стал реакцией на планомерное внедрение идей о «советской вине» в развязывании Второй мировой войны в общественно-политические дискурсы на постсоветском пространстве.

### **Выводы**

Как показал анализ, ведущее место среди метафорических проекций оппозиционного дискурса занимала зооморфная метафора, при этом были востребованы четыре основные метафорические проекции: ВЛАСТЬ – НАСЕКОМЫЕ, ЖУРНАЛИСТЫ – ШАВКИ, МИЛИЦИЯ – ЖИВОТНЫЕ, НАРОД – ЖИВОТНЫЕ.

Несмотря на то, что формально телеграм-каналы освещают разнообразные стороны жизни белорусского общества, зооморфные метафоры однозначно привязаны к вопросам политической борьбы в форме дискредитации существующей власти и организации уличных протестов. Зооморфные метафоры выступают безошибочным маркером кризисной коммуникации и радикальных интенций авторов, выстраивавших оппозицию между властью (чужие) и оппозиционерами (свои), предлагая читателям идентифицировать себя с «героями», помогающими спасти «жертву» от «злодеев». Для когнитивного «обоснования» этого противопоставления использовалась тактика расчеловечивания власти путем приписывания ей зооморфных черт, для чего идеально подходит зооморфная метафорика.

В прагматическом плане все зооморфные проекции были направлены на решение двух конкретных задач: делегитимации структур власти (органы охраны правопорядка, президент Белоруссии, журналисты государственных СМИ) и побуждение адресата к участию в массовых беспорядках. Вне контекста этих задач зооморфная метафора в анализируемом дискурсе не использовалась.

Существующий опыт коммуникативного сопровождения антиправительственных выступлений на постсоветском пространстве с помощью возможностей кроссплатформенных мессенджеров свидетельствуют о том, что понимание механизмов концептуализации массовых антиправительственных протестов, используемых в целях манипуляции общественным мнением, в том числе в молодежной среде, является столь же неотъемлемым фактором государственной безопасности, как экономическое или военное развитие, что требует самого пристального внимания научного сообщества. Решение проблем в обозначенной сфере открывает перспективу разработки методов и технологий противодействия информационной и социокультурной угрозе по дестабилизации внутривнутриполитической ситуации.

## **2.2. Фреймирование выборов президента Беларуси в оппозиционном телеграм-дискурсе**

### **Президентские выборы в 2020 году: постановка проблемы**

2020 год стал для Беларуси годом испытаний. Ночь с 9 на 10 августа 2020 г., а также следующие несколько месяцев ознаменовались акциями протеста людей, несогласных с результатами президентских выборов, на которых победу одержал действующий лидер. Оппозиционно настроенные граждане обвинили власть в фальсификации

результатов голосования и многократно выходили на улицы для участия в публичных мероприятиях, а также массовых беспорядках. Установлено, что координацией действий протестующих одновременно занимались несколько телеграм-каналов, в том числе те, которые в настоящее время внесены в список запрещённых.

Применение сетевых технологий, а именно кроссплатформенных мессенджеров, позволяющих транслировать текстовые, голосовые и видео сообщения, а также фотографии и иные файлы, отличает выборы 2020 года от всех предыдущих. В предвыборный период коммуникация в телеграм-каналах продемонстрировала устойчивость, благодаря сетевым возможностям.

Сети нелинейны, или ризомны, то есть представляют собой рассредоточенные подвижные структуры, способные работать «без головы». Благодаря отсутствию традиционной иерархии, их организаторы могут не знать центра происхождения задач. Наличие множественных горизонтальных связей обеспечивает участникам возможность самоорганизовываться, координироваться, договариваться о месте и времени проведения митингов, пикетов, акций протеста и в целом выступать «оружием десувверенизации» [Коровин, 2014].

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что создаваемая при помощи новых информационных технологий семиотическая реальность обладает мощным разрушительным потенциалом, направленным на разжигание социально-политической вражды. Выявление механизмов фреймирования, благодаря которым осуществляется систематическое воздействие на подписчиков, прежде всего молодёжь, для их вовлечения в противоправные действия, необходимо для того, чтобы упредить подобного рода деяния в иных политических условиях и способствовать укреплению национальной безопасности любого суверенного государства.

## **Национальная безопасность и лингвистика информационно-психологической войны**

В 2016 году В. В. Путин подписал Доктрину национальной безопасности, которая содержит перечень основных угроз, связанных с возможностями трансграничного распространения информации [Доктрина, 2016]. Наряду с прогрессом практика внедрения инновационных технологий убедила общество в том, что информация способна мгновенно поступать к адресату по разным интернет-каналам в виде многокомпонентных сообщений. Очевидно, что на этом фоне деятельность криминальных групп выходит на новый уровень опасности, поскольку моделируемая ими картина политической реальности является искажённой, а основная цель сводится к оказанию деструктивного влияния на тех людей, которые (например, в силу возраста) не имеют устойчивой мировоззренческой позиции.

В этой связи обнаружение и оценка информационных угроз, исходящих от оппозиционно настроенных групп, пропагандирующих свои взгляды в интернет-пространстве, можно отнести к числу острейших вопросов в области государственной политики, решать которые целесообразно с привлечением знаний о способах конструирования языковой реальности в цифровой среде.

Необходимость обеспечения интересов государства в сфере информации стимулировала развитие **лингвистики информационно-психологической войны** [Лингвистика..., 2017, 2019, 2020, 2021]. Это молодое направление лингвистической дискурсологии, объектом исследования которого выступает «специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн» [Лингвистика ..., 2017, с. 16]. В широком смысле речь идёт о противоборстве сторон, возникающем из-за конфликта интересов и осуществляемом путём главным образом языкового воздействия на сознание противника [там же, с. 13].

Подчеркнём, что в последние 10–15 лет интерес к проблемам информационного противоборства и информационно-психологической войне (далее ИПВ) как технологии воздействия на массовое сознание неуклонно растёт. Достаточно указать на некоторые значимые публикации [Бернацкая, 2019; Бухарин, 2015; Васильев, 2016; Евсеева, 2019; Кушнерук, 2019, 2020; Копнина, 2016; Панарин, 2012; Синельникова, 2014; Сковородников, 2016; Ткаченко, 2011 и др.]. Общим местом является признание того, что ИПВ осуществляется не только через СМИ, но посредством медиа платформ, предназначенных для разных сообществ.

Противоборство возникает из-за конфликта интересов или идеологий [Лингвистика..., 2017, 2019, 2020, 2021]. Конфликт интересов между легитимной властью и оппозицией в ходе предвыборной кампании в Беларуси 2020 г. как широкий дискурсивный контекст предопределяет следующие характеристики коммуникации в телеграм-каналах, которые мы выделяем в терминах лингвистики ИПВ [Лингвистика..., 2017, с. 22–23]:

1. Существуют два субъекта информационного влияния: субъект-1 (легитимная власть, то есть поддерживаемая большинством граждан) и противостоящий ему субъект-2, или инициатор ИПВ (оппозиция, ведущая политику сопротивления большинству).

2. Цель субъекта-2 – нанести ущерб субъекту-1 для достижения своих политических интересов (смена власти).

3. Основным каналом ведения ИПВ на стороне субъекта-2 выступают информационные площадки в сети интернет, социальные сети и кроссплатформенные мессенджеры.

4. Актором ИПВ является непосредственный исполнитель, выступающий на стороне субъекта-2. Им могут быть как отдельные лица, авторы каналов, так и сообщества, протестные группы, физически и/или виртуально существующие и призывающие к действиям против власти.



5. Объект осуществляемой актором ИПВ – сознание подписчиков, имеющих аккаунты в телеграм-каналах.

6. Мишенью ИПВ оказываются представления, связанные с деятельностью властных структур, которые подвергаются критике и осуждению. В мишени выделяется ядро, на которое направлен главный удар дискредитации, – образ действующего президента Беларуси.

7. В качестве информационно-психологического оружия актора рассматриваются посты в телеграм-каналах (полицодовые информационные блоки оппозиционной направленности), в которых возможно соединение знаков разных семиотических систем – вербальных, визуальных и аудиальных.

ИПВ реализуется в телеграм-каналах в формах ограничения политической реальности и выражается в создании «особого» дискурсивного мира [Кушнерук, 2019; сайт автора URL: <http://discourseworld.ru/>]. Он конструируется речедеятелем на основе тщательного отбора информации и средств её организации в рамках постов. Речь, во-первых, идёт об ограниченности дискурсивного мира временными рамками предвыборного периода, во-вторых, о содержании транслируемого контента. Поскольку коммуникация в дискурсе телеграм-канала осуществляется в интересах оппозиционных групп, генерируемая совокупностью постов ментально-языковая структура видоизменяет политическую действительность для своих подписчиков, для того чтобы усилить «эффект неприятия власти» и навязать агрессивные модели поведения.

В представлении президентских выборов в Беларуси в оппозиционном дискурсе определяющую роль играет стратегическое фреймирование, которое мы рассматриваем как комплекс информационно-психологических операций, направленных на консолидацию протестных сил в борьбе против легитимной власти.

## Стратегическое фреймирование в коммуникации

Теория фреймирования / фрейминга (термины используются синонимично) за рубежом зарекомендовала себя как надёжная методология для исследования относительно устойчивых социально разделяемых ментальных структур, предопределяющих понимание окружающего мира и его динамики [Bashatah, 2017; Boydston et al., 2014; de Vreese, 2005; Entman, 1993; Gamson, 1989; Gitlin, 1980; Godefroidt et al., 2016; Goffman, 1974; Hallahan, 2008; Kahneman, 1979; Pan, 1993; Semetko, 2000; Stoughton, 2017; Van Gorp, 2007]. В избранной нами социологической трактовке, фреймовые структуры «социабельны», в связи с чем происходит постоянное «фреймирование» реальности [Goffman, 1974].

За основу в данном исследовании принимается понимание фреймирования Р. Энтмана. Он подчёркивает два момента – во-первых, выбор тех или иных аспектов воспринимаемой реальности и, во-вторых, выделение, то есть придание им заметности, «чтобы это способствовало определению проблемы, причинно-следственной интерпретации, моральной оценке и/или рекомендациям» [Entman, 1993, с. 53]. Фрейм возникает в результате фреймирования. Это достигается «выделением битов информации в определённом положении, повторением и созданием ассоциаций с известными в культуре символами» [там же, с. 53].

Важной для исследования конструирования медийно-опосредованной реальности в телеграм-каналах является понимание сущности стратегического фреймирования. В общем смысле *стратегическое* подразумевает намеренное использование фреймирования специалистами по коммуникациям в разных сферах – менеджмент, организационные исследования, исследования социальных движений и медиа-исследования [Bateson, 1972; Gamson, 1992; Goffman, 1974; Kahneman, 1979; Ndinojuo et al., 2018 и др.]. Оно служит «оформлению» действительности и её фраг-

ментов через придание салиентности отдельным вопросам в рамках темы. Цели стратегического фреймирования состоят в том, чтобы передавать смысл и фокусировать внимание аудитории на определённых элементах сообщения или аспектах темы для получения благоприятного или запланированного отклика [Hallahan, 2008].

Как будет продемонстрировано ниже, стратегическое фреймирование обеспечивает возможность авторам оппозиционных телеграм-каналов быстро перерабатывать большие объёмы поступающей с мест событий информации и, используя разные семиотические коды, «упаковывать» их для аудитории подписчиков, чтобы побуждать людей думать о предвыборной ситуации необходимым адресанту образом.

В этом процессе определяющую роль играют *фреймы коллективного действия (collective action frames)*, в первую очередь имеющие отношение к общественным движениям и понимаемые как ориентированные на действия совокупности убеждений и смыслов, которые «инспирируют и легитимируют» деятельность и кампании по их организации [Benford, 2000]. Они существуют в следующих разновидностях:

*Диагностические фреймы* «устанавливают диагноз» какого-либо события или аспекта жизни как неприятного и нуждающегося в изменении. Они определяют злободневную проблему, «несправедливость», «жертвы», виновных, устанавливают причинно-следственную связь между явлениями. *Прогностические фреймы* предлагают решения проблемы или, по крайней мере, план и стратегии реагирования. Имеют отношение к будущим действиям [Godefroidt et al. 2016, с. 782]. *Мотивационные фреймы* являются мобилизационными, служат «призывом к оружию», то есть обосновывают необходимость участия в коллективных действиях по «наведению порядка» в проблемной области, создают мотивы [Benford, 2000, с. 618].

## Методика исследования

Настоящее исследование проведено в соположении количественных и качественных методов [Bashatah, 2017; Cronholm, 2011; Qaiwer, 2016]. Смешанная методологическая перспектива (mixed-methods approach) избрана для дискурсивного анализа, который проводится согласно четырёхэтапному алгоритму.

На первом этапе осуществляется квантитативный анализ сообщений в телеграм-канале. Проанализированы 2173 поста в белорусском оппозиционном канале «Беларусь головного мозга» за период с 8 мая по 8 августа 2020 г. Обращение к данному временному промежутку согласуется с установленным графиком выборов в Беларуси (табл. 1).

На втором этапе с учётом измеряемых характеристик – число сообщений за день, за обозначенный интервал предвыборного периода и за весь период – определены основные темы, которые оказываются в поле внимания авторов канала на протяжении трёх месяцев (табл. 2). Актуальность тем устанавливается по количеству дней, в течение которых они обсуждаются модераторами.

На третьем этапе производится качественный анализ языкового материала, а именно контекстуального окружения лексем и словосочетаний, обозначающих политических акторов (граждан, Президента, кандидатов, власть), в оппозиционном дискурсе. Это позволяет охарактеризовать аспектуальное фреймирование предвыборной ситуации в рамках выделенных тем с учётом политического регламента.

На четвёртом этапе с опорой на доказанные в науке положения [Benford, 2000; Godefroidt et al., 2016] рассмотрены функциональные аспекта фреймирования – диагностический, прогностический и мотивационный, что спо-

способствует более глубокому осмыслению того, как модераторы канала оказывают влияние на аудиторию подписчиков, «подогревая» протестные настроения.

Таблица 1  
Распределение постов согласно графику выборов в Беларуси 2020 г.

№	Этап предвыборного периода	Кол-во дней	Кол-во постов	Процент (%)
1	8–10 мая 2020 г. – объявление сроков регистрации инициативных групп	3	51	2,3
2	11 мая–15 мая 2020 г. – представление кандидатур на пост президента и регистрация инициативных групп	5	47	2,2
3	16 мая–20 мая 2020 г. – выдвижение представителей в территориальные избиркомы	5	40	1,8
4	21 мая–19 июня 2020 г. – сбор подписей	30	858	39,5
5	20 июня–4 июля 2020 г. – подача в ЦИК документов для регистрации кандидата	15	379	17,4
6	5 июля–14 июля 2020 г. – регистрация кандидатов	10	235	10,8
7	15 июля–3 августа 2020 г. – время агитации	20	405	18,6
8	4 августа–8 августа 2020 г. – досрочное голосование	5	158	7,4
	<b>Всего</b>	<b>93</b>	<b>2173</b>	<b>100</b>

Таблица 2  
Основные темы в дискурсе телеграм-канала в предвыборный период

Тема	Граждане Беларуси	Президент	Задержания	Кандидаты	Власти	Коронавирус
Кол-во дней	83 из 93	81 из 93	50 из 93	48 из 93	48 из 93	32 из 93

Представленный алгоритм обеспечивает понимание моделирования дискурсивного мира предвыборной ситуа-

ции и позволяет обнаружить, каким образом в зависимости от политической повестки конструируется и меняется отражение предвыборного процесса.

### **Ключевые фреймы в оппозиционном дискурсе телеграм-канала**

Наиболее актуальные темы в предвыборный период: граждане Беларуси, Президент, задержания, кандидаты, власть, распространение коронавируса. Рассмотрим, каким образом в рамках каждой из перечисленных тем осуществляется аспектуальное фреймирование. Представим результаты анализа от менее востребованных к наиболее актуальным темам (табл. 2).

### **Коронавирус**

Тема впервые заявляет о себе в связи с тем, что белорусский президент решает провести 9 мая 2020 г. традиционное мероприятие в честь 75-летия победы в Великой Отечественной войне, несмотря на эпидемиологическую обстановку. Основной аспектуальный фрейм – «пандемия». Основной аспектуальный фрейм – «пандемия». Активируются его диагностические и мотивационные составляющие. Посредством первых парад квалифицируется как «абсурдный», благодаря вторым тема раскрывается через «лайфхаки» о том, как найти «законную отмазку», чтобы отказаться. В этих условиях, однако, забыв про пандемию, уносящую все больше людских жизней, авторы канала предлагают принять участие в «антипараде» Тихановского – так называемой альтернативе для «безвольных» бюджетников.

Тема распространения коронавируса оказывается наиболее резонансной в течение первых полутора месяцев предвыборного периода и сводится к минимуму почти за

два месяца до дня голосования. При этом очевидно, что проблема смертности от болезни не ограничивается указанным сроком, оставаясь глобальным бедствием не только в Беларуси, но и во всём мире.

Оппозиция осуждает пренебрежительное отношение действующего президента к пандемии, его слова об охватившим страну «психозе» и «коронапсихозе» яростно критикуются. Так, регулярно в первый месяц приводится статистика заболевших и умерших от коронавируса. Подчёркивается недостоверность официальных данных. Ср.: *в начале апреля Минздрав сообщил **ребусы** и **абракадабру**, вместо нормальной статистики* (09.05).

Критика власти оппозицией носит дискредитирующий характер. В коммуникативном плане активизируются диагностирующие фреймы, благодаря которым через соположение двух не связанных между собой событий формируется неприятие решений президента и его действий. Ср.: *Очередная **смерть** 35-летнего белоруса без хронических заболеваний **от коронавируса**, а в это время [президент] **ездит по хлевам** следить за коровами и **рассказывает как правильно сажать картошку*** (15.05); *Пока **усатый втирает речи** про «победу над коронавирусом», в Барановичах **продолжают перевозить трупы в морг*** (23.07).

Очевидно, что в приведённых постах «стяжение» двух событий в одном текстовом произведении прагматически усиливает идею бедствия граждан, что должно повлечь резкое возражение подписчиков против действий лидера страны.

## **Власти**

В дискурсе телеграм-канала власти представлены собирательно. Коммуникативное «нагнетание» общественного недовольства политической ситуацией производится

через акцентирование смертей, подчёркивается, что в период пандемии коронавируса *накал недоверия к властям» становится «всё больше»* (12.05). Действия властей сводятся к *«подделыванию» статистики* (12.05), *вранью по коронавирусу* (31.05) из-за низкого рейтинга. В этой связи отмечается, что власти *начали репрессии* (30.05), *стали воровать подписи* (9.06), осуществляют *прессинг* (12.06).

По мере приближения ко дню выборов, активно профилируется идея страха представителей власти, что выражается семантикой глаголов *бояться, пугаться* в сочетании с элементами контекстуального окружения, в том числе в составе метонимических выражений. Ср.: *испугались сбора подписей* (1.06), *боятся честного подсчёта голосов* (23.06), власть *боится высокой явки* (24.06), *боится очередей в обычный магазин* (24.06), власть *боится велосипедистов* (11.07), власть *испугалась трёх женщин* (С. Тихановская, В. Цепкало, М. Колесникова) (6.08).

Агрессия и нападки на власть усиливаются в периоды регистрации кандидатов и предвыборной агитации. Ответственность за обнищание страны возлагается на неопределённых лиц через бездоказательное умаление авторитета властей и наклеивание осуждающих «ярлыков»: власть *довела нашу страну до нищеты* (2.07). Властям приписываются нелегитимные действия, обозначенные криминальными метафорами: *власть продолжает зачищать поле перед выборами* (09.07). Глагол *зачищать* имеет значение «устранить откуда-л. людей, представляющих опасность для мирного населения» (<http://endic.ru/ozhegov/Zachistit-9934.html>). Речь идёт об избавлении от тех, кто мешает проведению выборов.

Особую роль играют видо-временные формы глаголов *расправиться, запугать*, благодаря которым передаётся идея агрессии, насилия, жестокого наказания, ассоциируемые с политическими заключёнными. Ср.: *власть рас-*



*правляется со своими противниками и делает новых политзаключённых* (15.07), [представители власти] *пытаются запугать всех* (29.07).

## Кандидаты

Данная тема получает развитие во время всего предвыборного периода. Не допущены к выборам с отказом в регистрации инициативных групп Сергей Тихановский (15 мая) и Николай Статкевич (19 мая). Олег Гайдукевич (26 мая) и Наталья Кисель (15 июня) снимают свои кандидатуры с предвыборной кампании. Отказы в регистрации получают Валерий Цепкало и Виктор Бабарико (14 июля). Из пяти зарегистрированных кандидатов в президенты – Андрей Дмитриев, Анна Канопацкая, Александр Лукашенко, Светлана Тихановская, Сергей Черечень – в дискурсе телеграм-канала наибольшее внимание уделено С. Тихановской, В. Бабарико, а также действующему президенту.

В постах подчёркивается, что *выборы начались по жесткачу* (19.05). Сленгизм «жесткач» имеет значение «тяжело решаемая ситуация, безвыходное положение» (<https://you-slang.ru/words/zhestkach>), указывает на молодёжную аудиторию канала, для которой такой язык является приемлемым и понятным.

В период, предшествующий сбору подписей, тема оппозиционных кандидатов в первую очередь раскрывается в связи с недостаточным количеством времени, отказах в регистрации и задержаниями на фоне общей «игры без правил». Ср. пост в день объявления сроков регистрации инициативных групп: *у оппозиции есть всего неделя на подачу документов* (8.05).

Проблема **нерегистрации** поднимается сначала в постах о формировании инициативных групп, позднее о сбо-

ре подписей в поддержку кандидата. Ср.: *Тихановский сидит, оппозиция все никак не выберет «единого»*. *Элегантно всех отсекли* (8.05); *Тихановского отсеяли, многих кандидатов от Статкевича тоже* (15.05); *по беспределу отсеивают его конкурентов по надуманным предложениям* (15.05). В период агитации зарегистрированной в качестве кандидата в президенты вместо супруга С. Тихановской (20.05) предоставляется *«неудобное время»* для эфира на радио (8-00) и телевидении (17-00), когда люди уже и ещё на работе (20.07).

Период сбора подписей отмечен организацией пикетов за кандидатов. Для возбуждения негативной читательской реакции по отношению к легитимной власти подчёркивается, что модераторы телеграм-канала получают «сотни видео» со всех городов Белоруссии, свидетельствующих о том, что люди *стоят в километровых очередях* (31.05), чтобы подписаться за альтернативных кандидатов.

В. Бабарико был признан оппозицией *лидером среди всех кандидатов* (24.05). Он отстаивал идею референдума по изменению Конституции (на основе версии 1994 года) для того, чтобы провозгласить Беларусь парламентско-президентской республикой, ограничив таким образом полномочия главы государства. По этой причине отказ в его регистрации вызвал особый резонанс в дискурсе телеграм-канала. Актуализируется фрейм «страх власти». Ср.: *Это ж надо как испугались Бабарико, что даже боятся допускать его к регистрации кандидатом* (12.06). В период агитации обвинения власти в попытке *«посильнее очернить экс-кандидата»* и *«приписать ему максимально тяжёлое преступление»* служат героизации оппозиционера (24.07).

Репрезентация кандидатов осуществляется в рамках дискурсивной стратегии поляризации (Т. ван Дейк). Создаётся обобщённый образ «оппозиционного» кандидата, ко-

торый противопоставляется образу действующего Президента, чей авторитет неизменно умалется за счёт широкого набора прямых дискредитирующих тактик. Одна из них реализуется благодаря идеологизированным мемам.

Доверие к действующему лидеру со стороны граждан оценивается в процентном отношении: *уровень доверия на июнь упал до 3% (6.06)*. Начиная с мая 2020 г. в сети активно распространяются мемы про «Сашу 3%», оскорбляющие Президента. Они появились после того, как оппозиционно настроенные белорусские издания и телеграм-каналы провели онлайн-опросы граждан о будущем голосовании. Символический характер мемов, принявших форму слов, рисунков, фотографий, видеороликов (<https://meduza.io/shapito/2020/06/23/vizhu-mem-pro-sashu-3-eto-zhe-pro-aleksandra-lukashenko-da-pochemu-v-belorussii-ego-vse-tak-draznyat-on-obizhaetsya>), позволил сблизать далёкие друг от друга вещи и устанавливать ассоциативные связи между кандидатом Лукашенко и его низким рейтингом посредством широкого набора артефактов, закрепляющих формируемый «эффект недоверия». Среди них одноимённые флаконы с одеколоном, бутылки с кефиром, футболки с соответствующей надписью, домашние тапочки и др.

В основе иных дискредитирующих тактик – речевые средства с семантикой уничижения, прецедентные феномены и метафоры. Показателен следующий пост. Ср.: *с каждым новым оскорблением от Лукашенко, с каждым нелепым высказываем, что людей свозят на джипах, с каждым новым запугиванием или цирком от БРСМ, ещё больше людей выходит поставить свою подпись за альтернативных кандидатов по всей Беларуси (6.06)*.

«Новое оскорбление» ассоциируется с унижением достоинства личности и укрепляет представление о деятельности Президента как порицаемой. Экспрессию неприятия

содержит прилагательное «нелепый», характеризующее высказывания Лукашенко как странные и не оправдываемые здравым смыслом. 29 мая 2020 г., отвечая на вопрос о возможных симпатиях к потенциальным кандидатам на выборах, Президент обобщённо сказал, что они [кандидаты] «крутые, на джипах все – по 10-12 машин» приезжают в другие города для сбора подписей (<https://www.belta.by/president/view/lukashenko-otvetil-na-vopros-o-svoih-vozmozhnyh-simpatijah-k-potentsialnym-kandidatam-na-vyborah-392809-2020/>). Высказывание Президента, адресованное работникам Минского тракторного завода, становится прецедентным, претерпевая, вместе с тем, существенные смысловые трансформации. Так, днём позже речь уже идёт о кортеже из «дорогих джипов», сопровождающих Тихановского по городам Беларуси (<https://polese.by/novosti/obshhestvo/luchshaja-reklama-provokacija/>).

«Зацепка» за слово «джип» и ассоциацию с фамилией кандидата приводит к дальнейшей семантической трансформации в оппозиционном дискурсе телеграм-канала. Высказывание намеренно «преображается» для резкой критики и осуждения существующей власти, которой приписывается утверждение о том, что людей на пикеты за Тихановского «своят на джипах». В посте также актуализируется идея запугивания, осуществляемого властью. Метафора цирка имплицитно сравнивает предвыборную ситуацию со зрелищной клоунадой, разыгрываемой перед гражданами. Ср. пост за четыре дня до голосования: *скоро нас ждёт цирк, под названием 'выборы'* (3.08).

При описании предвыборной ситуации в целом часто используется спортивная метафора. Ср.: *Игра без правил... кандидатов садят за решётку* (21.06). Ассоциации со спортивным единоборством (боями без правил) усиливает воздействующий потенциал сообщения, вызывая протест-

ную реакцию на лишение конкурентов действующего президента и их сторонников свободы (аресты В. Бабарико, Н. Статкевича, И. Северинца, С. Тихановского).

В целях осуждения действующего Президента в постах красной нитью проходит тема нарушений законодательства представителями инициативных групп, выступающих в его поддержку. Ср.: *Кругом нарушения законодательства, более того, этических норм, оскорбления* (9.06). Подчеркивается, что в поддержку Лукашенко задействован административный ресурс вертикали власти, а также общественные организации и СМИ. Порицается, что он *не стесняется проводить незарегистрированные агитационные встречи*, а при этом милиция *крайне тщательно следит за регламентом встреч оппозиционного кандидата С. Тихановской* (3.08).

### **Задержания**

В течение 50 из 93 дней предвыборного периода актуализируется тема задержаний. В последний день регистрации инициативных групп появляется пост, подытоживающий результаты рабочей недели, во время которой должны были быть представлены кандидаты и зарегистрированы их группы. Ключевой аспект — фрейм в рамках данной темы — «ограничение свободы».

На лексико-семантическом уровне он реализуется посредством таких единиц, как *аресты, задержания, репрессии*, которые имеют общую архисему — ограничение свободы. *Арест* предполагает заключение лица под стражу. *Задержания* реализуются как кратковременные аресты лиц, подозреваемых в преступлении. *Репрессии* ассоциируются с карательными мерами, исходящими от государственных органов. В число риторических средств неизменно входят метафоры. Ср.:

*Власть продолжает громить инициативные группы Тихановской* (8.06).

Актуализируется семантика разрушения и уничтожения, негативно характеризующая действия властей. На синтаксическом уровне доминируют конструкции, в концептуальном ядре которых связаны такие сущности, как начало предвыборной кампании и ограничения свободы, власти и репрессии, власть и инициативные группы. Ср.: *Старт президентской кампании начался с арестов* (15.05); *Власти начали репрессии уже во время сбора подписей* (30.05).

В период, предшествовавший сбору подписей, главной фигурой политики задержаний стал блогер С. Тихановский, его сторонники и активисты, принимавшие участие в акциях в разных городах Беларуси, – Гомеле, Гродно, Лиде, Могилёве и др. Масштаб задержаний, вызванный деятельностью оппозиционного лидера, гиперболизируется. Ср.:

*По всей Беларуси начались задержания активистов* (8.05). Задержания квалифицируются как «брутальные», «жёсткие» (20.06).

Блогер представлен невинной жертвой, к которой «заслали женщин-provokatorш», они «прыгали» и «вешались» на него, потом «подбежала милиция» и задержала человека, который «собирал тысячи людей в белорусских городах» (29.05).

Острой оказывается тема задержаний за участие в митингах в поддержку оппозиционных лидеров (С. Тихановского, В. Бабарико, С. Тихановской). Задерживали «всех подряд» – «молодёжь» (9.05), «гродненского активиста» (30.05), «члена инициативной группы» (4.06), «сборщиков подписей» (8.06), «координаторов инициативных групп» (12.06), «главного оппонента Лукашенко» (18.06), «протестующих» (3.07).

Фрейм также активизируется через статистику задержаний, например:

*с 7 по 9 мая были задержаны более 120 человек (18.05);*

*Более 700 человек задержано с начала президентской гонки в Беларуси (13.07);*

*Правозащитная организация «Весна» заявляет о 215 задержанных по всей стране на момент 1:30 15 числа (15.07).*

Подчёркивается, что в числе задержанных журналисты и правозащитники. Ср.:

*Задержали корреспондентку @radiosvaboda в прямом эфире (19.06); Задержан оператор Reuters (19.06); Задержали почти всех журналистов в Минске. Такого давно не было (19.06).*

В последний день сбора подписей модераторы устанавливают фокус внимания подписчиков на нарушениях свободы слова и прав человека, что ещё больше «накаляет» предвыборную атмосферу.

Диагностируется несправедливость в отношении мирных граждан, которые не причастны к протестным инициативам. Задержали *фельдшера скорой помощи (8.05), отца четырёх детей (13.05), людей во дворе (19.06), женицин (19.06); девушку в Минске, которая с мужем шла домой (21.06), всех гуляющих людей (21.06), мать несовершеннолетнего ребёнка (2.07), фитнес-инструктора, велосипедиста (10.07), крепких мужчин (15.07)* и т. п.

В репрезентации задержаний частотны жаргонизмы из криминальной сферы – «завинтить» (задержать), «кидать» (бросать), «тихарь» (сотрудник правоохранительных органов в гражданской одежде), «хапун» (задержание), «беспредел» (беззаконие), «разгон» (распугивание) (<https://dic.academic.ru/>). Ср.:

*завинтили* врача-онколога, который шёл домой по проспекту (22.06).

В некоторых постах подчёркивается особая жестокость, с которой происходили задержания. Ср.:

*людей тащат по асфальту* (20.06), *в автозак кидали беременную женщину и издевались* (21.06); *выкручивали руки, силой заталкивали в автозаки* (27.06); *Люди жалуются на насилие и избиения во время задержаний* (28.06); *начался хапун. Задерживают людей, которые пришли на несостоявшиеся митинги Светланы Тихановской* (4.08).

В прагматическом отношении цель модераторов – вызвать сочувствие к несправедливо обиженным гражданам и разжечь ещё большую неприязнь к политике официальной власти. Диагностируются «причины» задержаний – *за сигналы* (19.06); *Парня задержали, внимание, за майку!* (3.07). Главный механизм – ирония: власть задерживает человека за майку. Усиленная вводным словом, призывающим адресата обратить внимание на основное содержание высказывания, насмешка звучит как издёвка и «работает» на дискредитацию собирательного образа компетентных органов.

Подрыв доверия к легитимной власти осуществляется через апелляцию к чувству социальной несправедливости в других контекстах. Ср.:

*На самые мирные акции протеста белорусов власти находят оправдания для задержания* (10.07).

Акцентируется внимание на том, что граждан ограничивают в праве участия в публичных мероприятиях для выражения мнений и выдвижения политических требований.

К числу диагностических фреймов относятся те, которые реализуются через апелляцию к коллективному образу единомышленника/союзника. В этой роли выступают прежде всего США и Великобритания. Ср.:



*Посольство Великобритании призывает белорусские власти выпустить всех задержанных (20.06);*

*Посольство США призвало власти выпустить всех задержанных и обеспечить людям право мирно собираться (20.06).*

К этой же группе относятся известные белорусы, которые, по данным канала, высказываются против действующего Президента. Ср:

*За последние два дня десятки известнейших белорусов высказались против режима Лукашенко и против беспредела с задержаниями (22.06).*

Прогностический аспект фреймирования тактически реализуются посредством утрирования образа будущего. Имеет место негативное миромоделирование, в результате которого подписчикам представляется однобокая «картина» мира. Намеренное сгущение «тёмных» красок в создании предвыборной реальности нацелено на подрыв авторитета существующей власти.

В этой связи особая роль принадлежит таким стилистическим средствам, как гипербола, ирония, сарказм. Ср.:

*... участников велопробегов начали задерживать для проверки, украден ли велосипед или нет. Ждём момента, когда косой взгляд будет считаться оправданной причиной для задержания (10.07).*

«Косой взгляд» как неодобрение утрированно подводится под причину задержаний и отражает несоответствие между самим понятием и реальным действием. Создаётся образ властей, ограничивающих свободу граждан без видимых причин.

Мотивационные аспекты фреймирования реализуются призывами к коллективному действию. На синтаксическом уровне доминируют побудительные предложения, выражающие намерение адресанта мобилизовать подписчиков к активности, например к сбору денег. В нижеследующем

контексте сказуемое выражено глагольной формой с частицей *давайте*. Ср.:

*Давайте поможем собрать 1350 рублей штрафа вчерашнему парню, которого тихари задержали по беспределу после пикета за Тихановскую* (1.06).

Побуждение также выражается повествовательными конструкциями, имплицитными призыв к действию. Ср.:

*Тут есть реквизиты как помочь людям на штрафы* (24.06).

Далее содержится соответствующая ссылка.

По характеру действий, призывы к аудитории можно условно поделить на **идеологически нейтральные**, то есть те, которые направлены на поддержку функционирования комьюнити в телеграм-канале, и **идеологически «заряженные»**, которые обладают мобилизационным потенциалом.

Первые касаются способов защиты индивидуальной информации подписчиков. Ср.: «очистите переписку», «смените юзернейм», «уберите фотографии профиля», «включите двухфакторную аутентификацию» и др. Сюда также относятся призывы присылать материалы для их трансляции всем подписчикам. Ср.:

*... делитесь информацией, рассказывайте друзьям, присылайте фото и видео* (25.06).

Репертуар действий, к осуществлению которых авторы канала склоняют аудиторию, предельно широк. Помимо побудительных предложений со сказуемым в повелительном наклонении 2 лица ед. и мн. числа, активно используются призывы, содержащие инфинитив. Ср.:

*... поддерживать задержанных финансами, письмами, распространением информации о том, что происходит в Беларуси; репостить важные сообщения; присылать социально значимый контент; заводить свои кана-*

лы; **вступить** в чаты (приводится название) для поиска единомышленников (1.07).

Вторые несут идеологические смыслы, фактически призывая к дестабилизационным политическим действиям. Такого рода фреймы актуализируются в самом конце предвыборного периода. Показателен сделанный за два дня до голосования пост, призывающий к солидарности с задержанными «героями» оппозиции (Владиславом Соколовским и Кириллом Галановым, которые включили песню В. Цоя на празднике в Минске). Ср. использование глагольных форм 2 лица изъявительного наклонения в значении побуждения к действию:

*Сегодня, 7 августа, берём такси, садимся в свои автомобили, едем на проспект Независимости и ровно в 19.00 опускаем стекла машин, включаем громко песню «Перемен» и поднимаем руки с белыми браслетами (7.08).*

За день до дня голосования публикуется следующий пост. Ср.:

*Друзья, мы не призываем в своих планах к силовому решению вопроса, но всегда нужно быть готовым к любому повороту событий. Читайте нашу инструкцию о том, как подготовиться, если сотрудники милиции начнут выходить за правовые рамки (8.08).*

Прогностический и мотивационный фреймы совместно реализуются в рамках речевого произведения. В первом случае авторы канала «демаскируют» истинное лицо власти, которая может выйти за правовые границы. Эвфемизм «любой поворот» событий прогнозирует неопределённый (возможно негативный) исход, изменение, перелом. Мотивационный фрейм, во-первых, активизируется благодаря обращению *друзья*, которое устанавливает коммуникативный вектор доверительности. Во-вторых, через отрицание призыва к применению силы, что, фактически, способствует созданию образа оппозиции как защитника интересов

граждан и их спокойствия, вместе с тем открывая перспективу её применения в отношении сотрудников компетентных органов. В-третьих, побуждением аудитории читать подготовленную инструкцию, предписывающую, к примеру, снимать происходящее на видео, создавать цепки и пр. и, фактически, призывает к осуществлению антигосударственной деятельности.

### Президент

Практически ежедневно тема оказывается в поле внимания авторов телеграм-канала (81 из 93 дней). В качестве информационно-психологического оружия модераторы используют посты, представляющие главу государства в исключительно негативном свете, для возбуждения эмоциональной читательской реакции – недовольства, злости, агрессии. Этому способствуют прогностические фреймы, очерчивающие образ будущего дня выборов. Ср.:

*... эти наглые посадки на сутки, штрафы и нерегистрация только накаливают внутреннюю злость, которая может выплеснуться в день выборов (15.05).*

В текстовом мире, введённом лексическим модификатором возможности, пунктирно представлена картина, в которой чувство метафорически сравнивается с рекой, вышедшей из берегов.

Атака на президента в телеграм-канале осуществляется посредством референциальных средств с семантикой оскорбления, умаления авторитета и человеческого достоинства. Ср.: «усатый», «таракан», «трёхпроцентный», «дед», «диктатор», «Рыгорыч», «пересидент», «колхозный босс» и др. В речевых произведениях такие номинации выполняют усилительно-выделительную функцию. Они используются в целях предвыборной антирекламы и давления на аудиторию, чтобы диффамация, исходящая от

модераторов канала, стала «достоянием» аудитории подписчиков – потенциального электората.

Дискредитация действующего лидера выстраивается благодаря активации диагностических фреймов, в широком смысле индуцирующих представления о необходимости политических изменений. При этом утверждения звучат бездоказательно, то есть не включают аргументацию, основанную на причинно-следственных связях. Ср.:

*Очень большой запрос в обществе на смену Лукашенко (24.05).*

«Диагностируется» неприемлемое поведение лидера, что в прагматическом плане должно «работать» на «очернение» и подрыв доверия к первому человеку в государстве. Ср.:

*... оскорбления, провокации, нарушение законодательства, популистские лозунги – это про трёхпроцентного (9.06).*

В целях дискредитирующего обобщения в небольшом фрагменте текста «стягиваются» речевые средства с семантикой уничижения, что способствует формированию у подписчиков резко негативного восприятия лидера в ассоциации с унижением чести, действиями, противоречащими правовым нормам, бесосновательными обещаниями и пр.

Начало предвыборной кампании представлено в связи с многочисленными нарушениями этического и правового характера. Ср.:

[президентская кампания] *началась с посадок медиков на сутки во время эпидемии (8.05); Как обычно перед выборами спецслужбы делают зачистки в оппозиционном поле (12.05). Подчёркивается, что действующему президенту нечего предложить на этих выборах (29.05), у него начинают сдавать нервы из-за все большей неподконтрольности ситуации (30.05).*

Прогностический аспект фреймирования в этот период усматривается в предсказании строгих и жёстких мер, на которые готовы пойти действующие властные структуры. Ср.:

*... эта президентская кампания будет максимально жёсткой, любая активность будет душиться в зародыше* (15.05).

Причиной такого положения дел называется низкий политический рейтинг властей в целом. В агрессивной тональности обсуждается рейтинг президента-кандидата. Ср.: *ниже плинтуса* (22.05); *за падение своего рейтинга президент мстит популярному блогеру* (1.06); *трёхпроцентный диктатор устроил цирк шапито. Ведь все мы знаем, что ему нарисуют 70+%* (14.07); *Дед пытается всеми силами поднять свой рейтинг со дна* (5.08).

Наблюдается конвергенция целого ряда средств, формирующих «удручающий» образ действующего лидера, – инвективы (*трёхпроцентный диктатор, дед*), эмоционально окрашенная пейоративная лексика и фразеология (*мстит, ниже плинтуса*), просторечные выражения (*ему нарисуют*), метафорические высказывания (*устроил цирк шапито, поднять со дна*).

По данным телеграм-канала, периоды регистрации инициативных групп и сбора подписей отмечены сильным давлением на «подневольных бюджетников» выступить в поддержку действующего президента. Регулярно активизируется диагностический фрейм «принуждение».

Представителей бюджетной сферы (сотрудников школ, интернатов, вузов, студентов и др.) заставляют поставить свою подпись за действующего лидера. Выкладываются посты, в которых утверждается, что людей *без их согласия записывали в инициативную группу* (23.05); подписи собирали *принудительно* (25.05); *в приказном порядке* (25.05); это была масштабная кампания *на государственных пред-*

*приятнях, школах, колледжах, университетах* (26.05); собирали *прямо на парах* (27.05); «*принудилровка*» в сборе подписей *продолжалась в рабочее и учебное время* (27.05); студентов «*массово попросили*» подписаться (31.05).

В течение всего предвыборного периода в телеграм-канале осуществляется героизация поведения сопротивления. Диагностические фреймы ко-активируются с мотивационными, предлагающими «программу» действий для принуждаемых. Ср.:

*Если вас включили помимо вашей воли в инициативную группу Лукашенко и ещё и заставляют собирать за него подписи, напишите нам* (21.05).

Характерно использование местоимения 2 лица *нам*, указывающего на некий обобщённый образ защитника гражданских интересов. Подписчикам предлагается «записывать» происходящее «на диктофон или видео» и присылать модераторам канала (23.05), что свидетельствует о стремлении авторов «вовлечь» аудиторию в активные политические действия.

Фрейм «принуждение» индуцируется благодаря стратегии поляризации. Образ заступника в лице оппозиции профилируется в дискурсивном мире предвыборной ситуации в связи с тем, что он прямо или косвенно противопоставляется образу намеренно криминализируемого нарушителя прав граждан. Ср.:

*Главное, что нужно запомнить – бояться нечего. Никто вас за отказ не уволит, начальство больше боится, если их приугнёт прокуратурой или обращением в СМИ* (28.05).

Обычным людям выдаются «советы» что делать. Фактически, речь идёт о призывах к неподчинению правилам, что может привести не только к взрывному росту политической мобилизации, но и экстремистской деятельности.

Обсуждаемый фрейм активизируется лексико-семантическими средствами, используемыми для описания пикетирования за Лукашенко – **«согнанного пикета»** (5.06). Отмечается, что микроавтобусы привозят **«массовку на пикет»** действующего лидера (5.06). Подчёркивается, что **«согнанные люди»** отказываются отвечать на вопросы журналистов и **«отворачиваются от камер»** (6.06).

В периоды регистрации кандидатов и предвыборной агитации авторы телеграм-канала «внедряют» в сознание подписчиков идею о проблемах со здоровьем действующего президента. Доказательствами являются выкладываемые видео и фотографии, интерпретация которых на вербальном уровне сводится к тому, что он **замечен в плохом самочувствии** (29.07); имеются **фактические доказательства проблем со здоровьем престарелого диктатора** (29.07); **ходят тревожные новости про здоровье Лукашенко** (1.08).

Чем ближе ко дню голосования, тем большее количество постов распространяет идею об ослабленном здоровье лидера. Отмечается, что он **«серьёзно болен»** (2.08). *После обращения к гражданам «побежал за сцену». Скорее всего чувствует себя очень плохо* (4.08); **дед выглядит плохо, потеет** (4.08); **едва стоит на своих двоих** (6.08).

Названные диагностические фреймы нацелены на уничтожение политической репутации действующего Президента и склонению аудитории к мнению о его недееспособности, что в преддверии выборов создаёт «деморализующий» посыл для молодёжной аудитории. Номинация **дед** передаёт семантику старости, дряхлости, истощённости, а заявление о том, что **«деду пора на пенсию»** (7.08) за день до официального дня выборов выглядит как подстрекательство к неблагоприятным деяниям.



## Граждане Беларуси

Тема является основной в дискурсе телеграм-канала (83 дня освещения). Благодаря дискурсивной стратегии поляризации регулярно противопоставляется власть и белорусский народ. Основным аспектуальный фрейм – «недовольство граждан».

В модели дискурсивного мира власть отграничивается от народа, при этом ей приписываются исключительно негативные свойства, в то время как народ представлен жертвой, страдающей от плохой жизни. Ср.:

*власти зажрались, заврались и оторвались от реальности, пока простой народ живёт в нищете и едва сводит концы с концами* (14.05).

Семантика грубости в глаголах, обозначающих действия властей, актуализируется в целях «диагностики» глубокого политического кризиса для оказания главным образом эмоционального давления на аудиторию.

Дискредитация власти на эмоциональном уровне часто осуществляется за счёт иронии как формы осмеяния и протеста. В традиционном понимании механизмом иронии является противоречие между тем, что эксплицировано, и тем, что подразумевается. Ср.:

*Инвалиды – люди о которых в последнюю очередь думают в нашем государстве для народа* (8.07).

В данном контексте негативная оценка индуцируется благодаря иронии, основанной на семантической трансформации национально-прецедентного феномена, – известного высказывания «Беларусь – государство для народа», которое А. Г. Лукашенко сделал на собрании ко Дню Независимости 2 июля 2018 г. В контексте поста, вызывающего сочувствие к людям с ограниченными возможностями, идейно-эмоциональная оценка политики государства приобретает противоположный смысл и звучит изобличительно.

В других постах идея массового возмущения политической власти выстраивается благодаря имитации устной разговорной речи, что облегчает модераторам донесение транслируемого мнения до целевой аудитории. Этому же способствует введение в текст прецедентных для белорусов фактов, подкрепляющих протестные настроения. Ср.:

*Люди просто накалены до предела всеми этими принудилковками, ложью, хамством, пропагандой. 26 лет – ну сколько можно ж уже?* (28.05).

С одной стороны, – ложь, хамство, пропаганда, с другой, – недовольство граждан (причина – длительный срок президента у власти). Коммуникативно «подогревается» идея злости людей как ответной реакции. Ср.:

*... сценарий власти не сработал и ещё больше разозлил людей* (30.05).

Сарказм как высшая степень иронии в дискурсе телеграм-канала способствует резкой, бескомпромиссной критике выборов, исходящей от граждан. Ср.:

*Псевдовыборы всё ближе, а это значит, что народной любви становится больше. Раньше расклеиванием листовок, наклеек, граффити занимались десятки активистов из оппозиционных движений. Сейчас же этим занимаются тысячи обычных людей. Просто потому, что больше нет сил терпеть* (13.07).

Приведённый пост имеет высокую степень негативной эмоциогенности, которая создаётся разнотипными средствами. На морфологическом уровне префиксоид «псевдо» актуализирует значение мнимости и ложности выборов. В риторическом плане язвительная насмешка, заключённая в словосочетании «народная любовь», служит речевой формой обличения власти. При этом определяется семантическая роль актора, которому приписывается коллективное чувство, – народ. Утверждение о том, что народной любви «становится всё больше» меньше чем за месяц до дня вы-

боров содержит издѣвку, внедряющую в сознание подписчиков идею непреодолимости разрыва между властью и электоратом. Фразеологизм «нет сил» передаёт разговорную тональность и в сочетании с глаголом «терпеть» создаёт экспрессию возмущения. В когнитивном плане профилируется идея массового недовольства. Думается, что акцент на том, что «обычные граждане» вовлечены в деятельность оппозиционных групп, носит пропагандистский характер.

Другой аспектуальный фрейм в рамках развития обсуждаемой темы – «гражданская солидарность». Он чаще всего объективируется лексическими и синтаксическими средствами, например такими как *длинные очереди, километровые очереди, цепи солидарности, живые цепи, скопления людей, самоорганизованность*. Реализация названного фрейма в оппозиционном дискурсе позволяет выделить следующие аспекты фокусировки.

#### 1. Солидарность граждан Беларуси в действиях и чувствах

В период выдвижения кандидатов и сбора подписей солидарность проявляется в готовности людей стоять в очередях, чтобы поставить подпись за альтернативных кандидатов. Ср.:

*По всей Беларуси люди выстраиваются в очереди к пикетам, чтобы подписаться за альтернативных кандидатов* (2.06).

Солидарность белорусов также проявляется в поддержке задержанных. Ср.:

*Люди скандируют «Солидарность», показывая отношение к задержаниям на неделе* (7.06).

В прагматическом отношении миромоделирование этого временного отрезка усиливает контрастное восприятие образа действующего президента и обобщённого образа альтернативного кандидата. В создаваемой авторами

канала модели предвыборного мира очередь символизирует поддержку гражданами Белоруссии кандидатов от оппозиции, её отсутствие – непопулярность действующего лидера. Ср.:

*За трёхпроцентного нет очередей. Ждут подвоза массовки* (10.06).

В большинстве постов дискурсивно конструируется картина, где люди выстраиваются в очереди или цепи. Ср.: *очередь растянулась на сотню метров чтобы поставить подпись за Тихановскую* (24.05); *людей в очереди валом* (26.05); *очень много людей пришли на Тихановского* (28.05); *люди стекаются на митинги оппозиционных кандидатов* (29.05); *очень многолюдно* (30.05); *очереди просто невероятные!* (31.05); *люди идут и идут* (31.05); *огромные очереди с разных белорусских городов сегодня* (31.05); *езде очереди* (6.06).

Во время агитации солидарность белорусов представлена через указание на эмоциональное единение и разделяемое воодушевление людей во время митингов, организованных альтернативными кандидатами. Ср.:

*Атмосфера после митинга [С. Тихановской] не менее воодушевляющая чем на самом митинге! Эмоции переполняют! Люди получили настоящее удовольствие!* (31.07).

Акцентируется удовольствие как общее субъективное переживание, коллективно полученное гражданами от встреч с кандидатами, а также атмосфера праздника. Ср.:

*Минск расходится, машины сигналият. Настоящий праздник* (31.07); *Люди расходятся с митинга. Все улыбаются, каждая проезжающая машина сигналиит. Что это, если не праздник?* (1.08).

2. Солидарность между жителями Беларуси и белору- сами в других странах

С конца июня 2020 г. до дня голосования фрейм получает реализацию главным образом через указания на проведения акций солидарности, в том числе организацию велопробегов в крупных городах по всему миру. Ср. список городов в хронологическом порядке проведения митингов, – Варшава (21.06), Киев, Лондон, Манчестер, Мюнхен (28.06), Дюссельдорф (30.06), Ницца (1.07), Париж (2.07), Краков, Милан, Рим, Москва (4.07), Франкфурт (5.07), Амстердам (6.07), Брно (9.07), Берлин (18.07), Белостока, Гданьск (19.07), Хабаровск (24.07) и др. Ср.:

*Кроме Нью-Йорка, акции за последние дни прошли в Филадельфии, Бремене, Вашингтоне, Париже, Санкт-Петербурге, Лондоне, Копенгагене, Стокгольме, Варшаве, Риге, Киеве, Москве, Измире, Тель-Авиве, Мадриде, Барселоне, Праге, Вене, Берлине, Гааге, Сан-Франциско, Денвере, Атланте, Лос-Анджелесе, Ванкувере, Бали, Братиславе, Дубае, Лимассоле, Мюнхене, Вильне, Бостоне, Манчестере... кого мы забыли? (28.06).*

Географическая широта перечисленных топонимов создаёт эффект массовой поддержки белорусских граждан «всем миром» – США, Франция, Россия, Великобритания, Дания, Швеция, Польша, Латвия, Украина, Турция, Израиль, Испания, Чехия, Австрия, Германия, Нидерланды, Индонезия, Словакия, ОАЭ, Кипр и др. На этом фоне подчёркивается несостоятельность акций, организованных действующей властью. Ср.:

*Пока в Беларуси проходило унылое лукашество, в Милане прошла акция солидарности с политзаключенными (3.07).*

Фрейм преимущественно активизируется со второй половины июня по конец июля 2020 г. в постах, сообщающих о том, что этнические белорусы за рубежом принимают активное участие в маршах солидарности, а также выражают свою поддержку гражданам Беларуси через искус-

ство и перформанс (например <https://www.empowerhervoice.org/post/art-female-voices-in-belarusian-politics-english>).

### 3. Солидарность между авторами телеграм-канала и подписчиками

Авторы телеграм-канала устанавливают и поддерживают общий с аудиторией подписчиков язык. В этом отношении особый интерес представляют посты от 14 июля 2020 г. (последний день регистрации кандидатов) и следующего дня, когда люди вышли на протесты против отказа в регистрации кандидатам от оппозиции В. Бабарико и В. Цепкало.

Всех, кто вышел на улицы, модераторы канала назвали «**неравнодушными**», «**гражданами, которые хотят перемен**», а также «**настоящими потомками партизан**», в то время как в официальных источниках фигурирует «немногочисленная», но «агрессивная толпа» (<https://belsat.eu/ru/news/v-minske-proishodil-bespredel-chno-izvestno-o-figurantah-dela-14-iyulya/>).

Имеет место «заигрывание» с аудиторией с целью её вовлечения в уличные протесты. В этот день в телеграм-канале профилируется идея о том, что «протест везде», а «зелёные человечки» бегают «в попытке разогнать людей». Активируются диагностические и мотивационные фреймы, «работающие» на мобилизацию подписчиков.

В рамках диагностического фрейма эксплицируется и имплицуруется идея консолидации белорусов для борьбы с несправедливостью. В контексте ниже этому способствует этноним «*беларус*», используемый в качестве обращения, а также формы местоимений 1 и 2 лица ед. и мн. числа, призванные установить тесную ассоциативную связь между модераторами и реципиентами. Ср.:

*Здравствуй, беларус. Я – это ты, а ты – это Я, вместе Мы – Народ! Сегодня, 14 июля, ЦИРК окончательно*

*забрал у всех нас право голоса* (орфография и пунктуация сохранены – С. К.) (14.07).

Графически обыгрывается акроним ЦИК (Центральная избирательная комиссия), номинирующий государственный орган, который организует и контролирует проведение выборов. К контексте обращения он метафорически «превращается» в «цирк» для укрепления идеи «зрелища», которое устраивают представители власти перед выборами.

Метафорическая репрезентация гражданской солидарности усиливает передаваемые прагматические смыслы о единстве людей, противостоящих «тараканьей» власти. Ср.:

*В Беларуси поднялась небывалая волна солидарности, которая разбивает все преграды, выстраиваемые подлой тараканьей властью* (8.08).

Семантика лексем «волна» и «разбивает» передаёт идею мощи масс и разрушения закреплённых политических установок.

Единство, децентрализация и солидарность граждан рассматриваются как основные элементы консолидации, необходимой для защиты свободы и независимости. В следующем примере мотивационный фрейм «запускается» серией синтаксических конструкций, содержащих констатирующую часть и рекомендации в формах призывов к действиям сопротивления. Ср:

*Итак, наша сила в единстве – старайтесь держаться рядом с людьми, по отдельности вас гораздо проще выцепить тихарям. Наша сила в децентрализации – не бойтесь просто пройти по улице. Наша сила в солидарности – поддерживайте тех, кто вышел и особенно тех, кто пострадал в результате милицейского беспредела. Жыве Беларусь!* (15.07).

Пост также отличает характерная лозунговость, то есть использование афористичной синтаксической формы на родном для белорусов языке (рус. «Да здравствует Бело-

руссия!») – девиза, воздействующего на эмоции коллективного адресата и нацеленного на пробуждение и укрепление единения людей на основе национально-гражданских и патриотических чувств.

«Запущенный» в массы мотивационный фрейм в других постах поддерживается эмоциональным «зарядом» восклицательных конструкций, выражающих семантику восхищения и одобрения коллективных действий. Таких примеров обнаруживается много после объединения 16 июля 2020 г. оппозиционных штабов, давшего белорусской политике «женское трио» (С. Тихановская, В. Цепкало, М. Колесникова). Ср.:

*В Гомеле настолько много людей, что они натурально не помещаются на выделенную площадку! Гомель очень и очень крут!* (26.07).

В прогностическом отношении фрейм способствует визуализации перспективы, которая должна открыться белорусам после выборов. Ср.:

*Наша солидарность уничтожит этот режим и развеет его прах по ветру!* (8.08).

За день до голосования заявление звучит пророчеством, которому не было суждено сбыться.

Ещё один значимый аспектуальный фрейм в данной тематической области – «перемены». Символический уровень его реализации составляет ставшая гимном протестующей молодёжи в постперестроечное время песня В. Цоя «Перемены» (1985 г.), а также песня-бунт «Стены», русскоязычная версия которой была написана российским поэтом К. Медведевым и исполнена группой «Аркадий Коц» (2011).

Известно, что политизация текста песни Цоя произошла вопреки воле автора. В постсоветском пространстве композиция превратилась в песню-лозунг (Белоруссия 2011 г., Украина 2014 г.) и оказалась прочно увязанной с выборами в Беларуси 2020 г., особенно после того, как



звукорежиссёры Кирилл Голанов и Владислав Соколовский включили её 6 августа на официальном празднике в Минске. Оба были обвинены в умышленном срыве праздничного концерта и приговорены к десяти суткам ареста за хулиганство (<https://ria.ru/20200807/1575498250.html>).

«Песня всех протестов» «Стены» зародилась в Испании. Она была написана в 1968 году на каталонском языке Луисом Льяком (Lluís Llach) и считалась гимном антифранкистского сопротивления. В 1978 г. её перевёл польский бард Яцек Качмарский, превратив в символ польского рабочего движения. В 1990–2010-е она признана универсальной песней протеста, особенно на юге Европы, а затем в Тунисе. В 2020 г. композиция сопровождала митинги С. Тихановской в Беларуси (<https://www.bbc.com/russian/features-53689247>).

Социально-протестные смыслы актуализируются в оппозиционном телеграм-канале через регулярную референцию к вышеназванным прецедентным текстам. Ср.:

*Люди скандируют «перемен!» (24.05); ... стоят машины из них играют «перемен» и «стены рухнут». Люди хлопают (24.06); Беларусы требуют перемен! (26.07); Чтобы сотрудникам, которые едут в автозаке, было не скучно стоять на светофоре заботливые белорусы включили им “Перемен” (31.07).*

Мотивационный потенциал песни «Стены» раскрывается призывом к разрушительным действиям, которые представлены в припеве: «**Давай разрушим эту тюрьму!**». Со времён польской демократической оппозиции метафоры тюрьмы и стен допускают широкую трактовку, имплицитно заключая, наказание, ограничения свободы граждан со стороны режима. Ср.:

*«Здесь этих стен стоять не должно! Так пусть они рухнут, рухнут, рухнут! <...> стены рухнут, рухнут, рухнут. И свободно мы вздохнём!» (<https://pesni.guru/>).*

На символическом уровне фрейм «перемены» также соотносится с продолжительными звуковыми сигналами, которые подавали водители во многих городах Беларуси из солидарности с оппозиционными кандидатами на митингах. Ср.:

*Как минимум 97% машин сигналият в поддержку людей, которые расходятся с митинга (1.08); Как же в Минске много сторонников перемен. И это только люди на машинах! (7.08).*

Противопоставляется власть, которая не желает перемен и наказывает за неповиновение, и обычные люди. Ср.: *выписывают протокол сигналившему водителю. Но сигналили сегодня тысячи (18.06).*

Перемены, ассоциируемые с издаваемым звуком личных автомобилей, метафорически характеризуется «*звуком выбора белорусов*» (31.07).

Накануне дня голосования в 22:48 появляется пост, одобряющий действия граждан, которые нарушают правила использования звуковых сигналов, что, по закону страны, является административно наказуемым. Ср.:

*Белорусы, вы невероятные! Мы договаривались на акцию в 19:00, а вы сигналиите и выражаете солидарность до сих пор! (8.08).*

Мотивационный аспект фрейма «перемены» реализуется в периоды сбора подписей и агитации. В первом случае модераторы канала призывают записывать и присылать песни, которые бы *раскрывали стремление белорусов к переменам, настоящей независимости, свободным и честным выборам* (10.06). Ср.:

*Любые перемены всегда сопровождают яркие песни, которые подхватывают тысячи людей, они становятся народными гимнами. Мы знаем, что среди наших подписчиков много творческих людей. Напишите авторскую песню, запишите видео, залейте на YouTube и пришлите ссылку нам в чат (адрес) (10.06).*

В период досрочного голосования идея перемен концептуально связывается со взаимопомощью и свободой. Позитивно оценочные смыслы актуализируются в отношении граждан Беларуси. Ср.:

*Именно благодаря **взаимопомощи**, благодаря **открытым сердцам** своих **сограждан**, **мы** уверенно двигаемся к своей цели – **свободе**. **Мы** уже не боимся, потому что знаем, **мы** – не одни, **нас** много, **нас** миллионы. **Миллионы** улыбок, **миллионы** протянутых рук помощи, **миллионы добрых дел**, которые никого не оставят наедине с бедой. Помощь придёт в любой ситуации, и **мы** это доказали. Жыве Беларусь! (8.08).*

Контекстная реализация инклюзивного местоимения «мы» устанавливает тесную связь между кооперативным речедееателем (модератором) и адресатом (подписчиками), объединяя их в группу социально-политического действия (***мы** уверенно двигаемся к своей цели; **мы** уже не боимся; **мы** это доказали*). Конструируется образ «группового субъекта», уверенного в своих силах, способного ставить цели и принимать решения. Повтор числительного *миллион* способствует осмыслению оппозиционно настроенного коллективного субъекта как недифференцированного множества, высшей ценностью и целью которого является свобода. На фоне идейно-политического лозунга «Жыве Беларусь!» профилируется идея «омассовления» оппозиции, то есть её усиления, что, фактически, свидетельствует о возрастании угрозы действующей власти.

## **Заключение**

В настоящем разделе были рассмотрены особенности стратегического фреймирования предвыборной политической ситуации в Беларуси 2020 г. в дискурсе белорусского оппозиционного телеграм-канала в течение трёх месяцев, предшествовавших дню голосования. Когнитивно-

дискурсивный подход позволил учитывать собственно языковые, когнитивные, а также социальные и политические факторы рассматриваемого периода в «смешанной» методологической перспективе, то есть в сочетании процедур количественного и качественного анализа.

Фреймирование трактуется как стратегический процесс, намеренно осуществляемый авторами телеграм-канала для информационного «продвижения» взглядов, критикующих государственные органы, госслужащих и правоохранительную сферу. В дискурсивном мире предвыборной ситуации обнаруживается резкое противопоставление интересов представителей действующей власти и электората. Качественный анализ позволил установить аспектуальные фреймы в рамках ключевой в оппозиционном дискурсе темы «Граждане Беларуси» – «недовольство граждан», «гражданская солидарность», «перемены». Значимые фокусировки фреймирования выявлены в диагностическом, прогностическом и мотивационном аспектах.

В диагностическом плане установлено, что миромоделирование носит идеологический характер. Оно направлено на создание, укрепление и концептуальное приращение смыслов об общей несправедливости гражданского общества в Беларуси и необходимости политических перемен. Благодаря дискурсивной стратегии поляризации обобщённый образ оппозиционного кандидата как защитника интересов белорусов моделируется в резком контрасте с образом действующего президента, систематически дискредитируемого в глазах подписчиков.

В прогностическом плане фреймирование относится к будущему развитию политической ситуации после дня выборов в пользу сил, называющих себя демократическими, пропагандирующих свободу граждан Беларуси и разрабатывающих стратегии реагирования на действия властей, которые квалифицируются модераторами как «нелегитимные».

Мотивационный аспект фреймирования в предвыборный период объективируется открытыми призывами к коллективным действиям, большинство которых направлено на дестабилизацию белорусского общества. Посты в оппозиционном телеграм-сегменте Беларуси обладают мобилизационным потенциалом, направленным на подрыв авторитета и дискредитацию действующей власти. Это проявляется в селективной подаче информации о главном политическом противнике альтернативных кандидатов разнотипными, в том числе инвективными средствами, вызывающими неприязнь к президенту Беларуси, а также прямо и косвенно стимулирующими граждан республики к протестным действиям.

Представляется, что дальнейшее исследование особенностей стратегического фреймирования в оппозиционных телеграм-каналах может внести вклад в лингвистику информационно-психологической войны и оказаться полезным для предотвращения агрессии в виртуальной среде.

### **2.3. Национальные прецедентные феномены в политическом дискурсе президентских выборов в Белоруссии в 2020 г.**

Современный политический дискурс в лингвистическом плане представляет собой эклектическое сочетание ведущих сфер духовной жизни народа: литературы, музыки, культурных традиций, социальных практик, телевидения, театра, медицины, военного дела, истории и т.д., и даже магии. Эта необычная комбинация призвана обеспечить широту представления мнений, богатство идей и образов, разнообразие социальных моделей и, в целом, динамичность политической сферы. Такая семантическая неоднородность позволяет более или менее завуалировано осуществлять одновременно несколько функций полити-

ческого дискурса: информативную, волонтеративную, идеологическую. По нашему мнению, основной функцией данного вида дискурса, которой подчинены все остальные, выступает идеологическая и тесно связанная с ней аксиологическая – распространение главенствующих идей и ценностей, которым общество призвано следовать. Для проведения данной функции необходима авторитетность высказываемого мнения, опирающаяся на традицию и сформированный опыт общественной жизни. Поэтому прецедентные феномены оказываются ценным инструментом воздействия политического дискурса на ум и волю читательской аудитории, обеспечивая при этом преемственность, цельность и связность исторического процесса и социума. Исследуемые нами национальные прецедентные феномены (далее НПФ) принадлежат области современных коммуникаций – Телеграм-каналу «Беларусь головного мозга». Формат подачи информации в данном источнике предполагает краткость и вместе с тем эффективность воздействия. Это и есть ключевые свойства прецедентных феноменов (далее ПФ) – лаконичность формы, символическая емкость и красочная образность, обеспечивающие также простоту запоминания и воспроизведения. НПФ выступают своеобразным путеводителем по культуре, истории и философии страны, маркерами которой они служат. Большинство из них закреплены в сознании носителей языка, но современные тенденции указывают на постоянный рост и быструю сменяемость состава современного корпуса ПФ, что свидетельствует об ускорении духовного развития и изменения общества, его ментальной нестабильности. НПФ белорусского общества в эпоху президентских выборов отразили ведущие тенденции развития белорусского социума, главной из которых выступает поиск национальной идентичности и стремление найти опору в духовном наследии страны. НПФ актуализируют 2 гла-

венствующих концепта общественной жизни Белоруссии: «Политический режим и президент» и «Белоруссия и белорусы». Данные концепты образуют 2 блока, противопоставленных по сферам-источникам ПФ и коннотации. Исследование показало преобладание НПФ с положительной коннотацией, которой отмечен концепт «Белоруссия и белорусы», формирующий образ народного единства и приверженности демократическим традициям. Здесь отмечено преобладание сферы-источника «музыка». Концепт «Политический режим и президент», основанный на ведущих сферах-источниках «история Белоруссии», «религия» и «литература», маркирован негативной коннотацией. Он актуализируется с целью дискредитации властных структур.

Функционально, ведущей целью употребления НПФ выступает создание образа единой нации с богатым духовным наследием и активно развивающимся культурным настоящим, с выделением таких сфер-источников, как музыка и история Белоруссии. Формально, отмечается преобладание имен собственных, что подчеркивают социальную сущность выражаемых смыслов, антропоцентричность ПФ.

## **Обзор литературы**

Прецедентность дает возможность нарисовать картину происходящего словами, задействуя разные сферы восприятия: перцептивную (в том числе зрительную) и эмоциональную. Согласно Ю. Н. Караулову, прецедентные тексты – это "тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер». Знание ПФ погружает языковую личность в уникальный национальный социокультурный контекст отдельно взятой эпохи [Караулов, 2019, с. 216]. Прецедентность связана с когнитивными процессами восприятия и хранения информации.

Д. Б. Гудков называет ПФ национально детерминированным минимизированным представлением [Гудков, 2020]. Основная функция ПФ – фиксировать ценностные установки данного лингвокультурного сообщества и тем самым регулировать деятельность его членов. В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова предлагают термины «прецедентные имена» и «прецедентные высказывания» [Костомаров, 1994, с. 106].

На основании временного критерия, а также критерия широты круга людей, знакомых с ПФ, В. П. Москвин предлагает классифицировать прецедентные тексты на 3 группы:

1) тексты, известные узкому кругу лиц (к примеру, личные стихи);

2) тексты, известные широкому кругу носителей языка в течение непродолжительного времени (газетные тексты, тексты выступлений политиков, фильмы);

3) тексты, известные широкому кругу носителей языка в течение длительного времени (классическая литература, мифология) [Москвин, 2015, с. 68].

В классификации В. В. Красных употребляется терминология социумно-прецедентных, национально-прецедентных и универсально-прецедентных феноменов [Красных, 2002, с. 50].

В зарубежной лингвистике прецедентность освещается в рамках теории интертекстуальности и аллюзивности в связи с изучением модернистской и постмодернистской литературы. Исследования в этой области принадлежат таким ученым, как Дж. Клейтон и Э. Ротштейн [Clayton, 1991], В. Каленич [Kalenych, 2020], Н. Ван Зунен [Zoonen, 2017], Ч. Базерман [Bazerman, 2017]. Зарубежные лингвисты исследуют особенности интертекстуальных элементов в творчестве отдельных авторов или отдельных видов дискурса: Н. Глинка [Glinka, 2018], Д. Хоскинс [Hoskins,



2017], Б. Оропеца и С. Моайс [Oropeza, 2016], Р. Джоши [Joshi, 2016], С. Булло [Bullo, 2017], Н. Аль-Хавальдех, Б. Машакба и др. [Al-Khawaldeh, 2017]. Интертекстуальность трактуется как отголоски уже существующих текстов и знаки важных элементов мировой и национальной культуры во вновь создаваемых текстах. Интертекстуальность выступает одним из лингвистических маркеров политического дискурса, обогащая его культурно-историческими смыслами и выстраивая его убедительность.

Политический дискурс – это текст, репрезентирующий сферу политической коммуникации. Политическая лингвистика – молодая отрасль современного языкознания, активно разрабатываемая такими лингвистами, как А. П. Чудинов [2020], С. Л. Кушнерук [2020], Е. И. Шейгал [Шейгал, 2004], В. И. Шаховский [1999], В. А. Каменева, Н. В. Рабкина [2020], Д. Р. Аكوпова [2013] и др. Ряд обобщающих положений в отношении теории политического дискурса находим у В. А. Масловой [2008]. ПФ играют особую роль в политическом дискурсе, так как представляют готовые клише, несущие национальный колорит и обобщенные стереотипные образы, которые отражают наиболее значимые для общества ценности.

Ведущей чертой политического дискурса является его поляризация, описанная в работах Т. А. ван Дейка [Dijk, 1998], Н. Фэрклафа [Fairclough, 1989] и др. С точки зрения зарубежных лингвистов, политическая поляризация – это «отхождение от центра к крайностям в политических предпочтениях» (“movement away from the center toward the extremes”) [Fiorina, 2008, с. 567]. Некоторые ученые указывают на дискурсивную поляризацию как средство манипуляции, позволяющее оказывать влияние на политические воззрения на массовом уровне [Chomsky, 2002; Жижек, 1999]. О. Н. Быкова определяют речевую манипуляцию следующим образом: «Речевое манипулирование – это

скрытое внедрение в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с имеющимися у него на данный момент. В основе речевого манипулирования лежат определённые психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют зарождению иллюзий или заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков. Речевое манипулирование – это отбор и использование таких средств языка, с помощью которых можно воздействовать на адресата речи. Речевое манипулирование предполагает, что адресат воспринимает оказываемое на него воздействие как составляющую объективной информации» [Быкова, 1999, с. 99].

Основной функцией политического дискурса можно считать его использование в качестве инструмента политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение). Г. Сайдел выделяет следующие функции политического дискурса: персуазивная, аргументативная, персуазивно-функциональная, дистанцирующая, функция группового объединения [Seidel, 1985].

П. Чилтон и К. Шеффнер говорят о четырех типах стратегических функций политического дискурса: 1) принуждение; 2) сопротивление, оппозиция, протест; 3) симуляция (контроль над информацией); 4) легитимизация (аргументация желаний аудитории, общие идеологические принципы, проекция аризматического лидера, позитивная самопрезентация) и делегитимизация (репрезентация других, которая носит негативный оттенок: иностранцы, «внутренние враги», институциональная оппозиция, неформальная оппозиция) [Chilton, 1997].

Согласно Е. И. Шейгал, политический дискурс характеризуется следующими функциями:

- 1) функция социального контроля;
- 2) функция легитимизации власти;
- 3) функция воспроизводства власти;
- 4) функция ориентации;
- 5) функция социальной солидарности;
- 6) функция социальной дифференциации;
- 7) агональная функция;
- 8) акциональная функция [Шейгал, 2000 цит. по: Филинский, 2002].

Д. Грейбер обобщает функции политического дискурса и сводит к трем основным:

- 1) распространение информации (information dissemination);
- 2) установление темы (agenda setting);
- 3) проекция в будущее и прошлое (projection to future and past) [Graber, 1981 цит. по: Филинский, 2002].

## **Материалы и методы**

ПФ, используемые авторами, помогают им четко провести концептуализацию происходящих на выборах событий и представить свою точку зрения. Мы проанализировали материалы Телеграм-канала «Беларусь головного мозга» объемом 3 месяца до и 3 месяца после выборов президента Белоруссии 9 августа 2020 г. Нами выявлено 142 контекста ПФ.

В методологическом плане мы опираемся на теорию лексических концептов и когнитивных моделей. В. Эванс определяет концепт как сгусток языковой информации, как семантическую структуру символической единицы [Evans, Green, 2006]. Последний термин предложен Р. Лангакером [Langacker, 1987]. Концепт является глобальной мыслительной единицей, представляющей собой квант структурированного знания [Попова, 2007, с. 34]. С. Г. Воркачев

определяет концепт как «операционную единицу мысли» [Воркачев, 2004, с. 43], «как единицу коллективного знания (отправляющую к высшим духовным сущностям), имеющую языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой». Концепт ассоциативно связан с процессом фреймирования. В определении Р. Энтмана: «Фреймировать – значит выбрать некоторые аспекты воспринимаемой реальности и сделать их более заметными в тексте таким образом, чтобы это способствовало определению проблемы, причинно-следственной интерпретации, моральной оценке и/или рекомендациям. Обычно фреймы диагностируют, оценивают и предписывают» [Entman, 1993, p. 53].

Фреймы согласно Т.А. Ван Дейку репрезентируют схемы, согласно которым строится дискурс, куда относятся:

- 1) обстоятельства (settings);
- 2) время (time);
- 3) место (location);
- 4) событие/действие (event/action);
- 5) участники (participants);
- 6) сфера деятельности (domain);
- 7) роли участников дискурса (roles);
- 8) социальные отношения между участниками (social relations);
- 9) когнитивные характеристики участников (их цели, убеждения, мнения).

По Т.А. ван Дейку фреймы являются единицами, организованными вокруг некоторого концепта и содержат, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциируется с тем или иным концептом [Dijk, 1999].

Опираясь на изложенные подходы, мы предприняли анализ концептов, конструируемых при помощи НПФ в политическом дискурсе президентских выборов Белоруссии 2020 г. Нами также выявлены сферы-источники НПФ

и описаны их ключевые функции в связи с репрезентируемым политическим событием. Мы прокомментировали основные тенденции в корпусе НПФ политического дискурса, важнейшие из которых - молодой возраст ПФ и преобладающая роль имен собственных, выступающих репрезентантами социально значимых событий.

### **Результаты и дискуссия**

Систематизируя выделенные ПФ в политическом дискурсе президентских выборов Белоруссии 2020 г., мы приходим к выводу, что они репрезентируют 2 ключевых концепта: «Политический режим и президент», «Белоруссия и белорусы». Полученные контексты с ПФ распределены примерно в равном соотношении между национальными (65) и инокультурными (77). Небольшое преобладание последней группы логически объясняется богатством и насыщенностью мировой истории и культуры. Однако высокая доля национальных ПФ говорит о стремлении авторов оппозиционного канала представить Белоруссию как самобытную страну, богатую культурным и историческим наследием, что придает ей значимый статус в контексте мировых событий и дает право на самоопределение. В доказательство позитивного образа Белоруссии, создаваемого при помощи НПФ, 41 пример содержит положительную коннотацию, подчеркивая исторический оптимизм и культурное богатство страны. 24 примера несут отрицательную коннотацию, которая чаще всего выражается посредством иронии и служит средством дискредитации власти.

НПФ политического дискурса Белоруссии отражают ее исторические корни и важнейшие вехи развития. Соответственно, здесь можно выделить группы:

– общеславянский фольклор (*крысы с тонущего корабля*) (13 авг.),

– религиозные ПФ (*Мингорисполком с просьбой не забирать храм у народа и не вводить новый налог на землю. На что получили отказ. Теперь верующие собирают подписи, которые отправятся в администрацию президента. Но разве можно ожидать чего-то другого от власти человека, который на "Христос воскрес!" отвечает "Спасибо"?*) (13 июля),

– общерусские до революции 1917 г. (*Санкционный Смотритель снова на связи!* – аллюзия на повесть А. С. Пушкина «Станционный смотритель»),

– НПФ советского периода (*Пусть всегда будет солнце* (13 авг.); *То ли еще будет* (25 авг.)

– НПФ постсоветского периода после распада СССР в декабре 1991 г. (*Сила – в правде* (8 нояб.); *Ты не СТАР, ты SUPER STAR* (26 окт.).

Обращает внимание тот факт, что авторы Телеграм-канала дистанцируются от истории СССР, который представлен ими как диктаторское государство. ПФ советского времени несут ярко выраженную отрицательную коннотацию, что подчеркивается упоминанием названия страны СССР, как другого, отдельного государства, нежели Белоруссия. Ср.:

*«Бегство во время пребывания за границей». Прецедентов, когда спортсмены предпочитали не возвращаться на родину с крупных соревнований, история знает массу. Как правило, речь идет о представителях «благополучных» стран, где права человека давно смешали с грязью: Куба, Ирак, Афганистан, Китай, и, конечно же, СССР. Такие случаи старались замалчивать, а спортсменов, которые предпочли остаться в развитых странах, в лучших традициях антиутопий просто вычеркива-*

*ли из справочников и документов.* (1 авг.) Такие примеры не включены нами в состав НПФ.

Напротив, есть группа НПФ, которые принадлежат советской эпохе, но в силу ярко выраженной положительной коннотации они не отграничиваются от культуры Белоруссии, в отличие от предыдущей группы ПФ. Происходит ассимиляция некоторых элементов советской и современной культуры России, и в НПФ не делается акцента на русские корни таких ПФ. Контексты употребления таких ПФ без комментария их семантики предполагают их вхождение в фоновые знания носителей белорусской культуры, что делает их частью белорусской культуры. Ср.:

*Берите маски! А также флаги и штандарты ваших районов и профессиональных групп. Сила – в правде, власть – за народом, совковым оккупантам и свихнувшемуся диктатору – место на свалке истории.* [Цитата из популярного фильма пост-советских времен «Брат-2».] (8 нояб.)

Еще одним примером таких ПФ будет упоминание Премии Сахарова. Хотя данное прецедентное имя принадлежит истории СССР, но в то время Белоруссия была частью союзного государства, и авторы Телеграм-канала апеллируют к имени известного правозащитника, тем самым подчеркивая, что данная демократическая традиция является также частью прошлого Белоруссии. Ср.:

*Сегодня на пленарном заседании Европарламент объявил победителя ежегодной премии «За свободу мысли» имени Сахарова. Им стала демократическая Беларусь в лице: Координационного Совета; Инициативы смелых женщин – Светланы Тихановской; Нобелевского лауреата Светланы Алексиевич; музыканта и политического деятеля Марии Колесниковой; политических деятелей Ольги Ковальковой и Вероники Цепкало.* (22 окт.)

Мы включили данные ПФ в состав НПФ белорусского политического дискурса. Среди ассимилированного опыта российской культуры преобладают сферы-источники музыка и кино.

По сфере-источнику среди НПФ белорусского блока выделяются 6 групп, а именно:

- 1) музыка (21 пример, из них 20 современные);
- 2) история Беларуси (20, из них 14 современная история);
- 3) литература (11, из них 1 современный);
- 4) социум (6, все примеры современные);
- 5) религия (4);
- 6) кино (3, все примеры современные).

Таким образом, всего выделено 44 примера современного периода после 2 Мировой войны. Факт преобладания НПФ современности нуждается в комментарии. Сам прием прецедентности представляет собой аллюзию на известные факты истории, культуры, социальной жизни. Как правило, для данного приема выбираются проверенные временем прецедентные элементы, выражающие культурно значимые смыслы. Молодой возраст многих НПФ белорусского политического дискурса президентских выборов можно объяснить, во-первых, интенсивным развитием современной культурной жизни страны, в частности современной музыки, т.к. эта сфера культуры находится на пике популярности во всех странах мира. Справедливо также сказать, что культуре отводится важная роль в формировании идеологии страны. Во-вторых, с помощью молодых НПФ авторы пытаются построить своего рода барьер из национальной самобытности, отграничивающий общее культурное прошлое с Россией в рамках СССР от новых культурных направлений (в особенности рок-музыки), развивающихся в стране, которые часто пропитаны национальными образами, идеями свободоло-



бия и бунтарства. Также следует принимать во внимание специфику политического дискурса, который призван фокусировать внимание на событиях современности, опираясь тем самым на актуальные ПФ.

Прокомментируем концепты, выражаемые НПФ сферы-источника «музыка». Обзор музыкального материала, используемого в качестве НПФ, указывает на ярко выраженную смысловую избирательность авторов. «Перемен» В. Цоя, «Стены рухнут» [польск. Mury, белор. Разбуры турмы муры — песня, широко исполняющаяся во время протестных акций в Белоруссии в 2020 году. Основана на гимне «Солидарности», текст которого был написан польским бардом Яцеком Качмарским на мелодию «L'Estaca»], группа "Дай Дарогу!", у которой вышел новый злободневный клип [клип с комбайном, который преследует пожилую женщину], "Грай" Ляписа Трубецкого [«Играй! Пой! Дружно песни райской свободы!» - слова песни], "Воины света" Ляписа Трубецкого, «Гни свою линию» («Сплин»), «То ли еще будет» Аллы Пугачевой, «На стиле» («Время и стекло»). Выбор песенного репертуара призван создать атмосферу свободолобия и революционных идей и воодушевить участников выступлений на активную позицию. Песни актуализируют фреймы «Свобода» и «Борьба» внутри концепта «Белоруссия и белорусы». Авторы Телеграм-канала иногда употребляют названия песен на белорусском языке или цитируют строки из песен также на национальном языке, тем самым активируя фрейм «Национальная самобытность». Ср.:

*Михалок дал первый концерт после карантина, в Одессе, спел Воины Света, призвал украинцев не забывать, кто их настоящие братья (беларусы). Также заявил со сцены, што в Беларусі хватае коррупцыи и што с ней надо бороться. На завершение концерта спел "Касіў ясь Канюшыну" и прокричал: "Слава Украине!" и*

*"Жыве Беларусь".* [Сергей Владимирович Михалок (белор. Сяргей Уладзіміравіч Міхалок; род. 19 января 1972, Дрезден) — белорусский и украинский певец, поэт и автор песен, лидер панк-рок-группы «Вrutto». Один из основателей и лидер белорусской панк-рок-группы «Ляпис Трубецкой» (1989—2014). Заслуженный артист Украины (2020).] (12 июля)

НПФ из сферы-источника «история Беларуси» репрезентируют противопоставленные фреймы «Ошибки политической власти» и «Духовная сила белорусов» в равной пропорции (10 примеров к 10 примерам).

Негативно окрашенный фрейм «Ошибки политической власти» можно проиллюстрировать следующими примерами:

1. ***90-е снова с нами!** Госпредприятия начали платить зарплаты продукцией. Это новое слово в борьбе с девальвацией рубля, а также неопровержимое доказательство неэффективности призывов к бойкоту товаров гос. предприятий.* (5 сент) Данный пример содержит критику властей, с трудом справляющихся с денежным дефицитом, воскрешая в памяти напряженную реальность 90-х годов, когда происходила ломка советского политического и экономического устройства.

2. *Именно так происходит в Гродно. Руководство завода совместно с региональной "вертикалью" пытается мобилизовать и привлечь к работе бывших сотрудников "Гродно-АЗОТ". Надеемся что это не принесет ожидаемых результатов. Ведь ветераны АЗОТА помнят **1997 год**, когда глупые распоряжения гражданина **Лукашенко** поставили завод на грань банкротства, а зарплаты на предприятии упали со 100-155 долларов США до 20-40. В примере оживают драматические события 1997 г., в которых авторы винят президента страны, и которые большинство граждан хотели бы забыть и не повто-*

рять. (30 окт.) В примере подчеркивается экономическая неграмотность руководства страны.

3. *Помните дело "Белого Легиона"? В 2017 году Лукашенко во время протестов против «налога на тунеядство» заявил про лагерь боевиков под Осиповичами, где готовили провокацию с оружием. Сразу после этого силовики начали задерживать людей, которые когда-либо имели отношение к организации "Белый Легион", которая прекратила свое существование в начале нулевых. Вполне вероятно, что сегодняшние "неопровержимые" доказательства к осени превратятся в тыкву, будут тихонько закрыты, и власти будут, пожимая плечами, говорить, что были основания, но потом куда-то пропали. И никого из них не смутит, что по таким "неопровержимым" основаниям отказали Виктору Бабарико в регистрации в кандидаты, десятки людей были заключены в СИЗО КГБ. (21 июля).* Пример отсылает читателей к умелой политике властей, благодаря которой политически важные события могут уходить в тень, а власти могут интерпретировать происходящее удобным им способом.

Фрейм «Духовная сила белорусов» представлен прецедентными именами разных исторических эпох:

1. *Светлана Алексиевич готова поддержать Светлану Тихановскую. Об это она заявила в своём интервью «Радио Свобода». «В нашей белорусской истории в прошлом были женщины, начиная с **Евфросинии Полоцкой**, которые в те неженские века были достойны своего времени.* [Евфросінія Пóлоцкая (также встречается форма Ефросинья, вероятное крестное имя Евпраксия или Параскева, мирское имя — Предсла́ва (Предисла́ва) Святосла́вна; между 1100 и 1104 — между 23 мая или 25 мая 1167 и 1173, Иерусалим) — дочь витебского князя Святослава Всеславича, внука Всеслава Брючиславича, инокиня и просветительница периода Полоцкого княжества.]

(22 июля) В примере подчеркивается важная роль женщин в духовной жизни страны, что придает современным женщинам-политикам особый статус как наследницам великих духовных наставниц прошлого.

2. *Сегодня в Киеве открыли памятник **Павлу Шеремету**. Павел - беларуский журналист, который был убит в Киеве 4 года назад при помощи взрывного устройства, установленного на его автомобиль неизвестными.*

(20 июля) Упоминание современного журналиста, трагически погибшего за дело демократии, призвано воодушевить читателей Телеграм-канала активно участвовать в демократическом процессе, продолжая благородное начинание соотечественника.

3. *Ты студент и боишься отчисления за свою политическую активность? Александр Милинкевич, кандидат в президенты Беларуси 2006 года, заявил, что ВСЕ студенты, отчисленные по политическим мотивам, смогут претендовать на поддержку программы имени **Кастуся Калиновского**. [Кастусь Калиновский (2 февраля 1838 – 22 марта 1864) — лидер национально-освободительного восстания 1863 года в Беларуси.] (4 сент.) Упомянув имя знаменитого героя старины, героически сражавшегося за народные идеалы, авторы рассчитывают вызвать отклик в сердцах молодого поколения.*

4. *А начиналось все очень прозаично: государственным дельцам захотелось показать, как “их” много. Сгонять беларусов на провластный митинг начали со всей Беларуси. Однако интересные вещи начали происходить во всех регионах нашей **синеокой**: люди отказывались и от кнута, и от пряника. Горделивое, красивое имя своей страны призвано акцентировать стремление беларусов к независимости и самоопределению. (23 окт.)*

Лирическое название Белоруссии «синеокая» отсылает к красоте природы страны, выстраивая ассоциации с

хрупкой девушкой, нуждающейся в защите и вызывая гордость читателей за нежное очарование своей Родины.

НПФ из сферы-источника литературы репрезентируют фреймы «Сила духа» и «Хитрость власти», «Закат власти».

1. *Люди у станции метро "Уручье" собрались на районный марш и далее направились к "Змагарычу" (повсеместно уже известной уручанской скульптуре Змея Горыныча, выкрашенной в бело-красно-белые цвета).* [Слово змагар (в переводе с белорусского языка - борец) можно часто услышать в политических темах, посвященных Белоруссии.] (18 сент.).

2. *Атмосфера на Марше пенсионеров невероятная. Бабушки и дедушки уже дошли до площади Якуба Коласа и все вместе начали петь «Купалинку».* [Яку́б Ко́лас (настоящее имя и фамилия Константи́н Миха́йлович Мицке́вич, белор. Канстанцін Міхайлавіч Міцкевіч; 22 октября (3 ноября) 1882 — 13 августа 1956, Минск) — белорусский советский писатель, драматург, поэт и переводчик, общественный деятель. Один из классиков и основоположников новой белорусской литературы.] (2 нояб.) Якуб Колас – гордость культурной жизни Белоруссии, воплощение национальных идеалов добра и справедливости.

3. *Уже почти обед понедельника, а обещанного выступления Лукашенко, которое, по словам Эйсмонт, пройдет завтра, в расписании вещания БТ нет. Похоже, что наш "патриарх" готовится к своей "осени" именно так.* (3 авг.).

Осень – слово богатое культурными ассоциациями. Это и Болдинская осень А.С. Пушкина, и современная песня «Осень» группы ДДТ. В данном контексте оно несет нотки увядания, последних дней.

4. *Сам по себе Воскресенский — обыкновенная пустьшка и крыса, перебежавшая в стан врага для спасе-*

ния собственной шкуры. Сейчас он всеми правдами и неправдами пытается убедить членов штаба Виктора Бабарико начать играть по сценарию власти: признать самоназначение Лукашенко (перевернуть эту страницу), признать конституционную реформу и принять участие в парламентских выборах по новым правилам. Это, по замыслу **колхозного комбинатора**, и должно стать спасением режима (не станет). [Великий комбинатор – разг. ирон. или неодобр. – ловкий пройдоха, добивающийся успеха путём сложных операций, уловок, мошенничества. Выражение распространилось благодаря роману И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», главный герой которого Остап Бендер, пройдоха и мошенник, иронически назван великим комбинатором.] (15 окт.) Данная аллюзия репрезентирует фрейм «Хитрость власти».

5. Гомельские власти всё же будут строить флагшток за 1.5 млн. Но по их заявлениям, деньги будут не из бюджета страны. Впрочем, кто проспонсирует строительство 60-метровой железяки с красно-зелёной простыней, гомельские чинуши тоже не рассказали. Значит наши **деньги всё-таки попилят**, но не сразу, а чуть позднее. (29 июля) Здесь также наблюдаем аллюзию к роману И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» с его знаменитой фразой: «Пилите, Шура! Пилите!».

Центральной аллюзией из сферы-источника «литература» выступает слово «таракан», отсылающее к сказке К. Чуковского: **БЕССРОЧНАЯ ЗАБАСТОВКА! С 11 августа 2020 года. Молчаливое согласие - это то, что позволило продержаться ему у власти 26 лет. С этим должно быть покончено. Мы больше не молчим и наш язык - ЗАБАСТОВКА. Это главный страх режима, риск остановки предприятий, огромные денежные потери. Давайте представим, что те миллионы людей, которых сегодня обманули на выборах, и те сотни тысяч, которые вышли**

*на акции протесты не выйдут все массово несколько дней на работу. А если не выйдут месяц? Что тогда будет с режимом? С каких средств ОН будет платить своим цепным псам зарплаты? На самом деле не надо будет ждать никакого месяца. Неделя национальной забастовки и таракан исчезнет.* [«Тараканище» - сказка К. Чуковского о том, как появился в зверином сообществе «страшный великан, рыжий и усатый таракан». Он пообещал съесть всех зверей. Даже слоны, быки и носороги испугались таракана и спрятались по оврагам. Все звери ему подчинились, и стал таракан победителем. Так продолжалось до тех пор, пока не прилетел воробей и клюнул таракана.] Эта аллюзия повторяется бесчисленное множество раз в текстах Телеграм-канала. Это обидное прозвище нивелирует авторитет президента и намекает на легкость, с которой от него можно избавиться. Данная аллюзия выступает ложной бравадой, подталкивающей народ на активные действия, убеждая его в легкости победы. Аллюзия носит саркастично-ироничный характер. (11 авг.)

Прокомментируем сферу-источник «религия». Через данную группу НПФ авторы актуализируют фреймы «Амбициозность власти», «Разрушительность, зло власти».

1. *Но разве можно ожидать чего-то другого от власти человека, который на "Христос воскрес!" отвечает "Спасибо"?* (13 июля) НПФ *Христос* саркастично намекает на высокое самомнение президента, считающего себя равным божеству.

2. *6 августа, несмотря на то, что у магазина имелись все документы на товар, сотрудники Управления по борьбе с экономическими преступлениями и сотрудники Брестского Облсполкома зашли в магазин и изъяли ВСЕ флаги, бейсболки с БЧБ, а также белые браслеты.* Ребя-

*та не прекращают сражаться с этим "Левиафаном" в лице государства. (7 авг.) [Левиафан — морское чудовище, упоминаемое в Танахе (Ветхом Завете). В угаритском мифологическом цикле Левиафан (Латану) — многоголовое морское чудовище, спутник бога моря Яма, вместе с последним поверженным Баалом. Египтяне в древности говорили, что их страну с юга и запада охраняют непроходимые пустыни, с севера — мощные крепости, а восточную границу (Нил) сторожат крокодилы.] Аллюзия к библейскому чудовищу создает преувеличенно устрашающий, очерненный образ правящего режима.*

*3. Лукашенко: "Остепенитесь и займитесь своим делом. В храмы люди должны приходить молиться. Церкви, костелы - не для политики." Эта открытая угроза свободе вероисповедания. Видимо **сатанюга** ни разу не открывал Библию, иначе бы знал, что задача христиан сопротивляться злу. (22 авг.) Использование данного НПФ призвано запугать и вызвать отвращение у читателей Телеграм-канала, представляя руководство страны как неисправимое зло.*

Фреймы сходной семантики актуализируются через НПФ сферы-источника «социум»: фреймы «Амбициозность», «Застой»:

*1. Сегодня в полдень состоится ежегодное обращение Президента Республики Беларусь к народу. Подготовили для вас **Бинго** по этому поводу. Бинго! А вот и результаты бинго. Результат игры в бинго на фото. [Игра: случайным образом выбираются числа, а игроки должны заполнять соответствующие числа на своих карточках. Первый игрок, заполнивший карточку в соответствии с правилами розыгрыша, побеждает. Чтобы обозначить свой выигрыш, он обычно выкрикивает «Бинго!».] (4 авг.) Данный ПФ приравнивает политическую деятельность к*



игре, исход которой известен заранее. Актуализируется фрейм «Амбициозность власти», не знающей проигрыша.

2. *Подвезли вам более доработанную версию. Предсказуемость Лукашенко: уровень "бог".* [Наивысший уровень успеха в компьютерной игре. Выборы ассоциируются с тщательно продуманной игрой.] (4 авг.).

Данный пример также репрезентирует фрейм «Амбициозность власти», с точки зрения авторов, «играющей» по своим беспроигрышным правилам. Здесь звучит горький сарказм.

3. *После дождя Рогачев решил превратиться в Венецию. Хотя с другой стороны, болото это уже чисто наша фишка, поэтому может так и надо?*

Игра слов. Белоруссия – край болот. Здесь наблюдаем аллюзию к особенностям природного ландшафта страны. Одновременно «болото» – идиома со значением «застой» (12 июля).

НПФ из сферы кино облечены в форму популярных фраз, расхожих в народе. Они актуализируют стратегию призыва к активным действиям через тактику оправдания гражданского неповиновения и комплементарного обращения к участникам выступлений.

1. *Дни становятся короче, потому обратите внимание на новое время сбора – 12:00, и постарайтесь быть вовремя. Зовите соседей, знакомых и друзей. Берите маски! А также флаги и штандарты ваших районов и профессиональных групп. **Сила – в правде**, власть – за народом, совковым оккупантам и свихнувшемуся диктатору – место на свалке истории.* (8 нояб.) Данный пример актуализирует фрейм «Приверженность правде», конструирующий концепт «Белоруссия и белорусы». Данный пример обыгрывает знаменитую фразу из фильма «Брат 2» 2000 г. и подчеркивает ценность демократических идеалов.

2. *"Ты не СТАР, ты SUPER STAR"*. (26 окт.) Этот контекст представляет фрейм «Величие, почтенность народа», являющийся частью концепта «Белоруссия и белорусы».

3. *Минского фитнес-инструктора, которого задерживали за участие в "цепи солидарности", вновь задержали за оскорбление в социальных сетях. Ещё одно гениальное задержание, браво.* (10 июля).

Пример содержит цитату из известного советского фильма «Приключения Шерлока Холмса». Иронично употребленная, она проводит стратегию дискредитации власти через тактику создания ущербного образа власти и недальновидности ее политики. В этом примере актуализирован концепт «Политический режим и президент» через фрейм «Глупость власти».

Таблица 3

Ведущие концепты НПФ белорусского политического дискурса

	<b>Концепт</b>	<b>Фрейм</b>	<b>Источник</b>
1	Политический режим и президент	Ошибки власти	история Белоруссии
		Хитрость власти	литература
		Закат власти	литература
		Обманчивая видимость силы и важности	литература
		Амбициозность	религия, социум
		Разрушительность, зло	религия
		Застой	социум
		Глупость	кино
2	Белоруссия и белорусы	Свободолюбие	музыка
		Борьба	музыка
		Национальная самобытность	музыка
		Духовная сила	История Белоруссии, литература
		Почтенность	кино
		Приверженность правде	кино

В контекстах с национальными единицами мы наблюдаем 5 основных функций ПФ:

1) создание белорусской национальной идентичности через подчеркивание национальной самобытности;

2) идеологическая функция, которая выражается в призыве к борьбе и созданию атмосферы патетического героизма;

3) придание авторитетности и важности информации;

4) ирония, призванная дискредитировать существующую власть;

5) дискредитация власти.

Проиллюстрируем функцию создания белорусской национальной идентичности. В этой роли чаще всего выступают ПФ из мира музыки:

1) *У театра «Купаловский» в Минске протестующие собрались с портретами политзаключенных и поют "купалинку"*. [«Купалинка» — белорусская песня на слова Михася Чарота, положенная на музыку Владимира Теравского. Слова являются незначительной авторской переработкой текста народной песни, а музыка написана, основываясь на белорусских народных мелодиях.] (28 авг.);

2) *Вильнюс. Акция солидарности с Беларусью. Участники поют песню "Грай" Ляписа Трубецкого*. [«Ляпис Трубецкóй» — советская и белорусская панк-рок-группа, названная в честь комического героя романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев», поэта-халтурщика Никифора Ляписа, который печатался под псевдонимом Трубецкой. Слова песни содержат тематику свободолюбия: «Играй! Зови! Весны зеленой теплой чары! Играй! Пой! Дружно песни райской свободы!»] (5 нояб.). В этой функции часто цитируется текст песен на белорусском языке: *Лявон Вольский приехал исполнить для бастующих работников БТ и всех собравшихся "тры чарапахи"*. [Лявон Вольский (белор. Лявон Вольскі, полное имя Леонид Артурович Зейдель-Вольский, 14 сентября 1965) — бело-

русский деятель культуры, гитарист, вокалист, клавишник, автор музыки и текстов, аранжировщик, поэт, художник, прозаик, радиоведущий, лидер групп «N.R.M.» и «Крамбамбуля», обладатель многочисленных музыкальных наград, как персональных, так и в качестве участника различных коллективов.] (17 авг.).

Национальная идентичность также выстраивается авторами Телеграм-канала через ПФ из истории Белоруссии:

1) *Ты студент и боишься отчисления за свою политическую активность? Александр Милинкевич, кандидат в президенты Беларуси 2006 года, заявил, что ВСЕ студенты, отчисленные по политическим мотивам, смогут претендовать на поддержку программы имени **Кастуся Калиновского**.* (4 сент.);

2) *Светлана Алексиевич готова поддержать Светлану Тихановскую. Об это она заявила в своём интервью «Радио Свобода». «В нашей белорусской истории в прошлом были женщины, начиная с **Евфросинии Полоцкой**, которые в те неженские века были достойны своего времени».* (22 июля);

3) *На фото - центральный проспект Минска. Раньше он назывался красиво - проспект **Франциска Скорины**.* [Франциск Скорина – известный белорусский первопечатник и просветитель. За 40-летнюю карьеру он пробовал свои силы в медицине, философии, садоводстве.] (16 авг.).

Как правило, употребление национальных ПФ не сопровождается развернутым контекстом-пояснением. Только в 4 из 16 примеров ПФ из истории Белоруссии встречается развернутый контекст, что говорит о вхождении данных НПФ в фоновые знания большинства белорусов.

Примеры ПФ, относящих нас к национальной белорусской литературе и выстраивающих национальную самобытность белорусов, немногочисленны: *Возле пл. **Якуба Коласа** оглушительно громко.* (8 авг.).

Функция создания национальной самобытности выступает центральной для ПФ белорусского происхождения. ПФ подчеркивают богатство культурного и духовного наследия Белоруссии, дающего право ее жителям на самоопределение и самостоятельное созидание своей политической судьбы. НПФ, употребленные в этой функции, призваны вызывать чувство гордости и наполнять читателей сознанием собственной важности через сопричастность к духовному наследию.

Рассмотрим идеологическую функцию ПФ белорусской культуры, которые используются для призыва к борьбе. Они создают атмосферу патетического героизма, героической стойкости, духовной силы. Преобладающее число примеров относит нас к миру песенного жанра, ведь именно музыка завоевывает сердца ритмом, мелодией и, конечно, проникновенными словами:

1. *Они спрашивают нас во время ударов: «Вы хотели перемен?» «Вот вам перемены». Мы ответим: это — не перемены. Вы сажали нас всегда, а теперь стали сажать еще больше. Вы запугивали нас всегда, а теперь стали запугивать еще больше. Вы всегда били мужчин, а теперь бьете еще женщин, детей и стариков. Не пытайтесь выдавать это за диалог.* [«Мы ждём перемен» — песня советской рок-группы «Кино» на слова Виктора Цоя.] (13 окт.) Упоминание данной песни призвано воодушевлять читателей на активность их гражданской позиции.

2. *Они говорят нам: Поэтому один из тех, кто сам командовал беспределом, начал через родственников пытаться связаться с людьми, приближенными к Тихановской. Как быстро меняется мир. Вчера они лично избивали людей на Окрестина, а сегодня думают, в каком из европейских городов им прожить. То ли ещё будет.* [«То ли ещё будет...» — четвёртый студийный альбом Аллы Пугачёвой. Был издан в СССР в 1980 году, а спустя год, в 1981 году был выпущен в Чехословакии фирмой

«Supraphon» под названием «Alla Pugachova».] (25 авг.) Аллюзия к известной песне подпитывает негативные настроения народа по отношению к власти, подчеркивая, что нет предела ее беззаконию.

3. *Новая Боровая. Женщины поют песню "Пусть всегда будет солнце. Пусть всегда будет небо. Пусть всегда будет мама. Пусть всегда буду я".* (13 авг.) Данный пример звучит оптимистично и жизнеутверждающе.

4. *Шабаны на своём стиле.* [Аллюзия на известную песню украинской поп-группы группы «Время и стекло», подчеркивающая важность своей уникальной точки зрения и способа самовыражения.] (13 авг.). В этой функции редко используются национальные ПФ из сферы-источника литературы: 1) *Люди у станции метро "Уручье" собрались на районный марш и далее направились к "Змагарычу" (повсеместно уже известной уручанской скульптуре Змея Горыныча, выкрашенной в бело-красно-белые цвета).* (18 сент.)

Данная аллюзия представляет игру слов: Змагарыч – это одновременно и герой древних былин (Змей Горыныч), и в переводе с белорусского - «борец». Подчеркивается сила и мощь народа и народной воли.

Среди ПФ, выполняющих идеологическую функцию, также мало примеров со сферой-источником «политика»:

*Сегодня на пленарном заседании Европарламент объявил победителя ежегодной премии «За свободу мысли» имени Сахарова. Им стала демократическая Беларусь в лице: Координационного Совета; Инициативы смелых женщин – Светланы Тихановской; Нобелевского лауреата Светланы Алексиевич; музыканта и политического деятеля Марии Колесниковой; политических деятелей Ольги Ковальковой и Вероники Цепкало.* (22 окт.) Имя великого демократа призвано следовать его идеалам.

Все примеры ПФ, участвующих в идеологической функции, демонстрируют дух свободолюбия, национальной гордости, силы народного духа и важности участия в опи-

сываемых событиях. Преобладание песенного жанра в этой функции указывает на большой воодушевляющий потенциал музыки, заряжающий сердца людей энергией действия.

В функции придания авторитета и важности описываемым событиям используются ПФ разных сфер-источников. В целом, примеры данной функции ПФ многочисленны:

1. **Санкционный Смотритель** снова на связи! Сегодня мы предлагаем обратить внимание на дочернюю компанию ZF Friedrichshafen AG – WABCO Holdings Inc. Эта фирма поставляет МАЗу компоненты для тормозных систем и пневматических подвесок. [«Станционный смотритель» – повесть Александра Сергеевича Пушкина из цикла «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина».] (9 нояб.)

2. В Беларуси появился свой Лапенко, только круче. [Имеется в виду белорусский дуэт комиков «Чин Чин Ченэл».] (17 окт.)

3. **Беларусский музыкант Исая** был замечен на митинге в Бресте. [Исая – молодой белорусский рэпер, тексты которого не просто трогают за душу.] (2 авг.) Выполняя данную функцию, ПФ подчеркивают важность происходящих событий, создают атмосферу сопричастности к великим или известным личностям, которые выступают на стороне демократических сил, что придает уверенность читателям в правомерности оппозиционных настроений.

Хотя наиболее красочной и выразительной является функция создания национальной идентичности, национальные ПФ чаще всего используются с целью создания иронии.

1. *Просто посмотрите, какую жесть крутят по государственному телевидению. Видео смешное, ситуация страшная.* [Данный пост сопровождается показом фрагмента телепередачи, где выступает Жанна Бичевская с

песней *«Пожертвовав собой, чтоб подражать Христу».*] (27 сент.). В связи с президентом Белоруссии данная ситуация иронизирует амбициозность власти, вынужденной страдать из-за протестных выступлений народа.

2. *Снят усталые игрушки.* [Аллюзия на детскую телепередачу «Спокойной ночи малыши». Демонстрируется картинка, на которой все уснуло от отсутствия интереса и скуки во время выступления Лукашенко.] (4 авг.).

3. *Сегодня "Атлант" расправил плечи! Рабочие скандируют "далучайся".* [Аллюзия на формирующий экономику Белоруссии завод "Атлант" по производству холодильников, имеющий мировой авторитет. Также игра слов – отсылка к древнегреческой мифологии, где могучий титан держит на плечах небесный свод.] (26 окт.). Этот случай иронии выражает гордость силой духа белорусского народа.

К функции создания иронии близка функция дискредитации власти. Но в отличие от первой, здесь нет завуалированной ироничности, авторы напрямую указывают на негативные черты. Для этого подбираются максимально нелицеприятные факты из истории государства, призванные обличить неуспешность правящих кругов:

1. *Сам Трехпроцентный и его ближайшее окружение нарушили уже почти все возможные законы, терять им нечего. Цель очевидна: замазать беззаконием и кровью максимальное число окружения, чтобы защищали их власть до последнего белоруса* (10 сент.).

«Саша 3%» – мем про низкие рейтинги президента Белоруссии перед выборами.

2. *Личный удар под дых Шуневичу.* [На фото памятник Шуневичу, у которого в руке бело-розовый флаг белорусской оппозиции, который ему «вручили» демонстранты.] [Игорь Анатольевич Шуневиц – белорусский государственный деятель. Генерал-лейтенант милиции.



Министр внутренних дел Республики Беларусь (2012—2019).] (22 авг.).

В рассмотренном примере содержится аллюзия на негативный опыт, связанный с данным антропонимом с точки зрения либерального мировоззрения. Вручение альтернативного флага Белорусии стороннику консервативной политики описывается как неожиданный удар, которого политик не ожидал.

Частотные и функциональные характеристики НПФ представлены в таблице 4.

Таблица 4  
Частотные и функциональные характеристики НПФ

№	Функция НПФ	Кол-во примеров	Сфера-источник НПФ	Кол-во примеров
1	Формирование национальной идентичности	12	музыка	7
			история Белоруссии	4
			литература Белоруссии	1
2	Идеологическая функция	16	музыка	10
			литература	1
			политика	1
			история Белоруссии	2
			кино	2
3	Придание авторитетности	5	литература	1
			музыка	3
			история Белоруссии	1
4	Создание иронии	21	литература	7
			музыка	2
			кино	1
			социум	5
			религия	4
			история Белоруссии	2
5	Дискредитация власти	11	история Белоруссии	10
			литература	1

Остановимся подробнее на роли имен собственных в конструировании НПФ. Они составляют 43 примера из общего числа 65 НПФ. В структурном плане 21 пример составляет имена людей; 15 примеров – названия песен и музыкальных групп; 3 примера представляют названия стран и городов. Преобладание многословных образований среди ПФ говорит о структурной и смысловой сложности прецедентных явлений, суть которых сложно уложить в рамки одного слова. Имена собственные, выступающие в качестве ПФ, подчеркивают социальную сущность выражаемых смыслов, антропоцентричность ПФ.

### **Заключение**

Оппозиционный информационный Телеграм-канал «Беларусь головного мозга» в своем политическом дискурсе активно прибегает к ПФ, среди которых важное место отводится НПФ не случайно. НПФ подчеркивают культурную и историческую самодостаточность Белоруссии, что дает ей право на самоопределение, по мнению авторов канала. Белорусские НПФ выстраивают 2 ключевых концепта: «Политический режим и президент» и «Белоруссия и белорусы». Данные концепты противопоставлены по коннотациям и смысловому наполнению. Концепт «Политический режим и президент» актуализирует негативно окрашенные фреймы «Ошибки власти», «Хитрость власти», «Обманчивая видимость силы и важности», «Амбициозность», «Разрушительность, зло», «Глупость», «Закат власти», «Застой». Данный концепт представлен НПФ со сферой-источником «история Белоруссии», «литература», «религия». Концепт «Белоруссия и белорусы» репрезентируется фреймами «Свободолюбие», «Борьба», «Национальная самобытность», «Духовная сила», «Почтенность», «Приверженность правде», отмеченные положительной коннотацией.

Подводя итог ведущим функциям НПФ, следует заметить, что хотя наиболее многочисленной выступает функция иронии, по выразительности и красочности функция создания национальной идентичности выходит на первый план. Это возможно благодаря позитивному заряду оптимизма и концентрации духовного опыта белорусской нации в НПФ, выполняющих данную функцию. Проведя анализ функций НПФ, скажем, что они обеспечивают сфокусированность политического дискурса на проводимых авторами идеях и настроениях. НПФ выступают ключевыми словами, вокруг которых происходит развитие аргументации авторов.

Имена собственные, используемые в НПФ призваны передать близкое каждому белорусу звучание, что делает политический дискурс президентских выборов 2020 г. лично значимой темой. Имена собственные оказались поляризованы в плане передаваемых ими коннотаций: здесь мы встретим и аллюзии к достижениям Белоруссии, также как и НПФ, которые описывают дискредитирующий опыт истории и современности.

В политическом дискурсе возрастает доля современных ПФ, которые призваны фиксировать важные вехи современного развития. Также для политического дискурса характерно использование большой доли национальных ПФ, что отражает стремление выстраивать образ культурно и исторически богатой, зрелой нации, способной самостоятельно решать проблемы, встающие на ее пути.

### **Глава III. Метафорическая концептуализации протестов BLM в СМИ США**

Исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации получили широкое распространение в современном языкознании. Усиленный интерес к метафоре связан с тем, что «корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры “коллективного подсознательного”, которые не выражены эксплицитно» [Будаев, 2007, с. 11]. Вместе с тем метафора намеренно используется в политической коммуникации с целью влияния на картину мира адресата, являясь значимым инструментом манипуляции общественным сознанием в политическом дискурсе.

Исследование концептуальных метафор в политическом нарративе все чаще привлекает внимание специалистов. В данной работе рассматривается политический нарратив, связанный с движением BLM и антирасистскими выступлениями летом 2020 г. в Америке по материалам газеты *The Seattle Times*.

Рассматривая нарратив, посвященный движению BLM, можно проследить цепочку событий — 25 мая 2020 года в Миннеаполисе, штат Миннесота, во время полицейского ареста погиб афроамериканец Джордж Флойд. Видеозапись задержания Флойда, опубликованная в социальных сетях, спровоцировала антирасистские протесты в Миннеаполисе. Вскоре протесты распространились на другие города и продолжались весь июнь. Продолжение протестов в июле привело к реформам полиции на федеральном и местном уровнях, однако демонстрации продолжались до октября 2020 года.

Особую известность получили протесты в Сиэтле. В этом городе произошли жесткие столкновения с полицией, в ходе которых получили ранения десятки полицейских.

Протестующие выдвигали требования ликвидировать департамент полиции Сиэтла и прекратить финансирование полиции США. 11 июня протестующие взяли под контроль Восточный участок городской полиции, заменив надпись «Seattle Police Department» на «Seattle People Department». Президент США Дональд Трамп направил в Сиэтл подразделения федеральных силовых структур. Мэр города Дженни Дуркан, член Демократической партии, фактически поддержала протесты, описывая события в Сиэтле как «лето любви». Такую же позицию занял губернатор штата Вашингтон, демократ Джей Инсли. Таким образом, протесты превратились в очередной повод для борьбы между сторонниками Республиканской и Демократической партиями США в преддверии президентских выборов.

Нарратив «Движение BLM» представляет собой пример разделения политических субъектов на своих и чужих. Важно также отметить, что вопрос антирасистских выступлений стал одним из самых обсуждаемых проблем на международной повестке дня. Это дает основание утверждать, что изучение данного нарратива в СМИ является актуальной проблемой.

В качестве материала для настоящего исследования послужили зооморфные метафоры в политическом нарративе «Движение BLM» по материалам газеты The Seattle Times (за период май – сентябрь 2020 г.).

### **3.1. Метафоры со сферой-источником «Animals»**

Обращение к сфере-источнику «Animals» связано с тем, что зооморфная метафора занимает значимое место в современном дискурсе СМИ. Как показано в монографии А. П. Чудинова [Чудинов, 2001], посвященной анализу политических метафор в российских СМИ, в большинстве своем зооморфные метафоры обладают пейоративными

оценочными смыслами. Аналогичные выводы получены в исследовании зооморфных метафор в расистском дискурсе США [Santa Ana, 2002].

В монографии Э. В. Будаева [2007] на примере сопоставления российских и британских политических метафор показано, что актуализация зооморфных образов, используемых для формирования у адресата негативного образа политического оппонента, в первую очередь зависит от дискурсивных факторов. Особенно ярко дискурсивный фактор актуализации зооморфной метафорики проявляется в нарративах, связанных с кризисными ситуациями [Будаев, 2016; Ворошилова, 2013; De Landtsheer, De Vrij, 2004; De Landtsheer, 2015; Kirchhoff, 2010].

Таким образом, совокупность данных, полученных современными лингвистами, позволяет рассматривать зооморфные метафоры в качестве надежного маркера агрессивного прагматического потенциала дискурса СМИ и важного индикатора пейоративных интенций авторов медиатекстов.

Методология настоящего исследования основывается на теории метафорического моделирования, получившей широкое применение в практике исследования метафор в дискурсе СМИ по всему миру (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, Дж. Чартерис-Блэк и др.).

Подходы к когнитивному анализу метафоры основываются на классической работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона “Metaphors We Live by” [Lakoff, Johnson, 1980], в которой авторы изложили теорию концептуальной метафоры и «продемонстрировали большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании» [Будаев, 2007, с. 8]. Когнитивная метафора — это не только и не столько образное средство языка, сколько феномен мышления и культуры. Метафоры как языковые выраже-

ния возможны именно благодаря тому, что они заложены в понятийной системе человека. Другими словами, «метафорично прежде всего мышление, а языковые метафоры являются не более чем внешней манифестацией этого феномена» [Скрещцова, 2011, с. 34].

Во многих современных исследованиях когнитивный анализ политической метафоры дополняется методами смежных наук и направлений, используемых параллельно с базисными методами. Особенно характерно для современной политической метафорологии использование дискурсивного анализа, который имеет несколько направлений. Одним из направлений дискурсивного анализа является когнитивно-дискурсивный подход. Когнитивно-дискурсивный подход к анализу метафоры – характерная черта современных российских исследований. В основе этого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры, которая одновременно описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен.

В настоящей работе используется методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью («Движение BLM») и сферой-источником («Animals») метафорической экспансии.

Как показал анализ материала, в политическом нарративе «Движение BLM» можно выделить две основные концептуальные зооморфные метафоры:

1. POLICE (REPUBLICANS) ARE ANIMALS.
2. PROTESTERS ARE ANIMALS.

Концептуальная метафора POLICE (REPUBLICANS) ARE ANIMALS отражает осмысление действий полиции. Полицейские описываются как животные, а именно свиньи. В дикой природе свиньи создают опасность для окружающих, приносят урон и разрушение. Обычно свиньи воспринимаются как объект сельскохозяйственной про-

мышленности, который выращивается «на убой». Дегуманизация полицейских позволяет описывать желание протестующих расправиться с представителями закона в менее негативном свете (расправа над человеком – преступление, в то время как приговoreвание свинины – обычная кулинарная процедура). Ср.:

*“Pigs in a Blanket, Fry ’Em Like Bacon”, referring to killing Police, is their chant. NYC Police are furious!” his tweet said (The Seattle Times. 25.06.2020).*

Образ дикого животного характеризуется прототипическим признаком «brutality». Журналисты регулярно используют прагматический потенциал этой метафоры по отношению к полицейским. Ср.:

*After decades of reform, countless commissions and task forces, and millions of dollars poured into ‘smart on crime’ approaches, the police behave with about as much brutality today as they did in 1966 (The Seattle Times. 19.06.2020). Creation of the funds signals a growth in infrastructure for the network, which had been at odds with some local chapter organizers, who felt network leaders weren’t providing enough financial support for initiatives such as rapid response to police brutality (The Seattle Times. 17.06.2020).*

Не только полиция, но и президент Д. Трамп, правительство и представители вышестоящих органов США демонстрируют угрозу и ведут политическую борьбу против протестующих и сторонников движения BLM, что передается посредством метафор, выражающих агрессивные действия животных. Ср.:

*Trump’s tweets were also the second time in as many weeks that he has lashed out at the Black Lives Matter movement as polls show a majority of Americans disapproving of his response to the nationwide protests that emerged after the killing of George Floyd in Minneapolis (The Seattle Times. 01.07.2020). “People are tired of the injustice, tired of police*



*brutality, tired of a governing system which preys on its citizens instead of helping them,” Boyd said (The Seattle Times. 07.07.2020).*

Животные зачастую подвергаются эксплуатации со стороны человека. Полиция также выступает объектом эксплуатации со стороны законодательных органов, которые сдерживают полицейское насилие принятием законопроектов. При концептуализации взаимодействия законодательных органов с полицейскими последние представляются животными, на которых «надевают узду». Ср.:

*The council passed emergency legislation in June to curb certain practices by police, including prohibiting the use of chemical irritants during First Amendment assemblies (The Seattle Times. 31.08.2020).*

Непосредственная метафоризация протестующих с помощью зооморфных образов на страницах The Seattle Times не востребована, что свидетельствует о том, что данное СМИ поддерживает интересы властей города и штата, известных приверженностью Демократической партии США. Однако довольно распространены зооморфные метафоры, встречаемые в цитатах Д. Трампа, сторонников Республиканской партии, в целом противников беспорядков. Концептуальная метафора PROTESTERS ARE ANIMALS отражает отношение противников антирасистских выступлений к участникам движения.

Во время протестов в некоторых городах демонстрации перерастали в беспорядки, сопровождающиеся мародерством, вандализмом и многочисленными столкновениями с полицией. Для выражения подобных действий протестующих использованы образы хищных животных. Ср.:

*“The only lives that matter are their own and the only power they seek is their own,” Rothrock wrote. “They are wolves in wolves clothing, masked thieves and bandits, seeking*

*only to devour the life of the poor and profit from the fear of others....*” (The Seattle Times. 01.07.2020).

Последствия протестов привели к нескольким убийствам, разрушению частной собственности, поджогам и стрельбе. Источником для метафорической концептуализации протестующих становятся представления о паразитах, низших животных, которые используют жертву, причиняют ей страдания и обогащаются за счет нее. Ср.:

*“...They are maggots and parasites at best, feeding off the isolation of addiction and broken families, and offering to replace any current frustration and anxiety with more misery and greater resentment* (The Seattle Times. 01.07.2020).

Как показывает материал, тенденция прибегать к зооморфным метафорам для репрезентации полиции и протестующих достаточно распространена в политическом нарративе «Движение BLM». Актуализация двух основных концептуальных зооморфных метафор POLICE (REPUBLICANS) ARE ANIMALS и PROTESTERS ARE ANIMALS (в заковыченных цитатах) на самом деле предсказуема.

Использование концептуальной метафоры POLICE (REPUBLICANS) ARE ANIMALS журналистами The Seattle Times объясняется тем, что газета и власти Сиэтла поддерживает Демократическую партию. Следовательно, с животными сравнивают республиканца Д. Трампа, политику властей, полицию.

Концептуальная метафора PROTESTERS ARE ANIMALS отражает настроения противников протестов, которые апеллируют к образам животных для описания протестующих. Здесь ситуация обратная. Авторы не прибегают к зооморфным метафорам для представления участников протестов, а показывают, что республиканцы говорят о протестующих как о животных, что должно усиливать антиреспубликанские настроения читателей.

На основе полученных материалов можно сделать вывод о высокой востребованности метафор сферы-источника «Animals» в политическом нарративе «Движение BLM». Манипулятивный потенциал метафор проявляется в интенсивно выраженной отрицательной оценке, которую несут зооморфные метафоры, используемые при описании оппонента. Журналисты The Seattle Times используют образы животных, концептуализируя полицию, президента США и представителей закона как агрессоров, дегуманизируя данные концепты в сознании читателей. Авторы также цитируют противников протестов, употребляющих пейоративные зооморфные метафоры для описания участников движения. Это актуализирует негативные оценочные смыслы у адресата по отношению к главе правительства, Республиканской партии и ее единомышленникам.

### **3.2. Метафоры со сферой-источником «Game» и «Sport»**

В данном разделе мы рассматриваем метафорическое моделирование в политическом нарративе «Движение Black Lives Matter» в СМИ США на основе сфер-источников «Игра» и «Спорт». Обращение к метафорам данных сфер-источников связано с востребованностью спортивных и игровых образов, придающих яркие эмоциональные смыслы политическим явлениям и событиям, в дискурсе СМИ.

В политической речи игровые метафоры обычно несут негативный прагматический потенциал. А. П. Чудинов [2001, с. 130] указывает, что «игра изначально воспринимается как имитация деятельности, а не как собственно деятельность», что актуализирует смысл недостаточной вовлеченности политика в более чем серьезную ситуацию. Метафоры сферы-источника «Спорт» содержат менее яр-

кие отрицательные коннотации. В монографии Э. В. Будаева [2007, с. 68], посвященной анализу политических метафор в российских и британских СМИ, показано, что «спортивные метафоры отражают прагматические смыслы борьбы и соперничества, но не имеют тех агрессивных и резко негативных смыслов, характерных, например, для милитарных метафор». Следует отметить, что востребованность спортивной и игровой тематики используется с целью политического воздействия, формирования необходимого отношения адресата к заданным событиям. Например, в исследовании Дж. Лакоффа [Lakoff, 1991] показано, что спортивные и игровые метафоры использовались в американском дискурсе для оправдания войны в Персидском заливе. Таким образом, данные, полученные российскими и зарубежными лингвистами, позволяют рассматривать метафоры сфер-источников «Игра» и «Спорт» в качестве традиционного средства создания отрицательного или менее агрессивного образа, в случае использования спортивных метафор. Кроме того, спортивно-игровые образы являются востребованным инструментом политического убеждения.

Метафорическая проекция из сферы-источника «Спорт» в сферу-мишень «Black Lives Matter Movement» позволяет авторам политических текстов представлять кампанию протеста как спортивное состязание, в котором протестная активность воспринимается как соревнование, а разногласия политических агентов как соперничество.

В состязании успех соревнующихся сторон зависит от количества очков. Участники протеста также приписывают очки активистам различных штатов за более выдающиеся проявления гражданской позиции. Ср.:

*“What Washington, D.C., did was cool, but North Carolina took it up a notch with murals in each letter,” explained the organizer (The Seattle Times. 11.06.2020).*

Не только активисты внутри движения, но и сама организация, представляющая интересы протестующих, становится участником политического состязания. Противоречия между официальной сетью и посторонней организацией касаясь пожертвований расцениваются как перетягивание каната. Ср.:

The network has also been in a tug of war with a California-based organization called the “Black Lives Matter Foundation,” which has accepted donations that do not support the movement (The Seattle Times. 17.06.2020).

Нарушителями политической игры становятся правоохранительные органы. Иски, обвиняющие полицию в превышении полномочий, расцениваются самими представителями закона как нарушения в баскетболе. Ср.:

*She said that in a 2015 meeting after a fatal police shooting, Kröll told her that he views community complaints like fouls in basketball. “He told me, ‘If you’re not getting any fouls, you’re not working hard enough,’” she said (The Seattle Times. 30.05.2020).*

Подобные образы создают в сознании адресата образ несерьезного отношения представителей закона к возникшему кризису.

Метафорическая проекция из сферы-источника «Игра» в сферу-мишень «Black Lives Matter Movement» активизирует отрицательное отношение к определенным участникам протестной кампании. Игровые метафоры апеллируют к образу «несерьезности» и «неискренности» политического агента.

Осуждение виновников уличных беспорядков распространено среди участников протеста, которые стремятся отделить свои мирные шествия от уличного мародерства. В умах протестующих, участник движения не может воспринимать сложившийся кризис как игру. Ср.:

*“I was extremely upset because unfortunately with some of the vandals, they thought this was a game, they thought this was funny,” Breed said (The Seattle Times. 31.05.2020).*

Применение нелетального оружия против участников движения, несмотря на обещания шерифа полиции запретить распыление слезоточивого газа, представляется как «игра смыслов», что подчеркивает равнодушие представителей закона к требованиям протестующих. Ср.:

*“... weapons used against our community and it doesn't build trust with our community to play what in my mind are semantic games,” she added, referring to Best promising that tear gas wouldn't be used and then allowing officers to use pepper spray in a similar way... (The Seattle Times. 27.07.2020).*

Однако степень негативной окраски игровых метафор зачастую не актуализируется при концептуализации сторонников движения. Действия протестующих рассматриваются не как забава, а как ход в шахматной игре. Ср. :

*“These kids are angry, and they are not sure exactly what to do with that anger, and actually what the endgame may be other than they want to be heard and they want justice and they want it today,” Cooke said (The Seattle Times. 05.06.2020).*

Использование образов азартной игры, обычно несущих отрицательные смыслы, также имеет положительное воздействие на адресата. Лидеры движения за гражданские права, служащие эталоном для современных активистов, представляются как отважные игроки, делающие ставку на свою жизнь в борьбе с насилием и несправедливостью. Ср.:

*“John was only 20 years old. But he pushed all 20 of those years to the center of the table, betting everything – all of it – that his example could challenge centuries of convention and generations of brutal violence.” (The Seattle Times. 30.07.2020).*

Как показывает материал, тенденция прибегать к игровым и спортивным метафорам для репрезентации движения Black Lives Matter достаточно распространена в политическом нарративе «Движение BLM». Использование метафор сфер-источников «Игра» и «Спорт» позволяет авторам политических текстов представлять кампанию протеста как своего рода спорт или игру, что оказывает положительное воздействие на адресата, создавая в его сознании образы «честной борьбы», «азарта», «шахматной тактики». Метафоры игры, для которых характерны негативные коннотации, приобретают положительные векторы, а представление кампании протеста как честного состязания позволяет журналистам оттенить негативные смыслы, связанные с разногласиями между протестующими. Концептуализация полиции и виновников уличных беспорядков также задействует метафоры обеих сфер-источников. Однако с помощью терминов игры создается образ «неискренности» и «несерьезности» политических агентов, а отрицательное отношение к игрокам, несоблюдающим правила спортивного состязания, переносится на действия полиции. Апелляция к спортивно-игровым метафорам с яркими положительными смыслами при концептуализации участников движения объясняется тем, что газета и власти Сиэтла поддерживают Демократическую партию, которая, в свою очередь, с 2015 года является непосредственным союзником движения BLM. Перенос оценочного отношения от негативных спортивно-игровых образов к противникам движения используется с целью усиления антиреспубликанских настроений читателей в преддверии президентских выборов в США.

### 3.3. Метафоры со сферой-источником «Disease»

В качестве материала для настоящего раздела послужили метафоры болезни в политическом нарративе «Движение BLM» по материалам газеты *The Seattle Times* (за период май – сентябрь 2020 г.). Обращение к сфере-источнику «Disease» связано с тем, что морбиальная метафора занимает значимое место в современном дискурсе СМИ. Как показано в монографии А. П. Чудинова [2001], посвященной анализу политических метафор в российских СМИ, в большинстве своем морбиальные метафоры обладают пейоративными оценочными смыслами. Аналогичные выводы получены в исследовании метафор болезни в расистском дискурсе США [Santa Ana, 2002]. В монографии Э. В. Будаева [2007] на примере сопоставления российских и британских политических метафор показано, что актуализация образов болезни, используемых для формирования у адресата негативного образа политического оппонента, в первую очередь зависит от дискурсивных факторов. Особенно ярко дискурсивный фактор актуализации морбиальной метафоры проявляется в нарративах, связанных с кризисными ситуациями [Будаев, Чудинов, 2015; Ворошилова, 2013; Budaev, 2017; De Landtsheer, De Vrij, 2014; De Landtsheer, 2015; Kirchhoff, 2010].

Таким образом, совокупность данных, полученных российскими и зарубежными лингвистами, позволяет рассматривать метафоры болезни в качестве надежного маркера агрессивного прагматического потенциала дискурса СМИ и важного индикатора пейоративных интенций авторов медиатекстов.

Методология настоящего исследования основывается на теории метафорического моделирования, получившей широкое применение в практике исследования метафор в дискурсе СМИ по всему миру (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, Дж. Чартерис-



Блэк и др.). Теория метафорического моделирования основываются на классической работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона “Metaphors We Live by” [Lakoff, Johnson, 1980], в которой авторы изложили новый взгляд на метафору и продемонстрировали большой эвристический потенциал когнитивного подхода к метафоре в анализе практического материала. Когнитивная метафора — это не только и не столько образное средство языка, сколько феномен мышления и культуры. Метафоры как языковые выражения возможны именно благодаря тому, что они заложены в понятийной системе человека. Другими словами, «метафорично прежде всего мышление, а языковые метафоры являются не более чем внешней манифестацией этого феномена» [Скребцова, 2011, с. 34].

Во многих современных исследованиях когнитивный анализ политической метафоры дополняется методами смежных научных направлений. Особенно характерно для современной политической метафорологии использование дискурсивного анализа, который имеет несколько направлений. В отечественной лингвистике широкое распространение получил когнитивно-дискурсивный подход. В основе этого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры, которая одновременно описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен.

В настоящей работе используется методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью («Движение BLM») и сферой-источником («Disease») метафорической экспансии.

Как показал анализ материала, в политическом нарративе «Движение BLM» можно выделить две основные концептуальные метафоры:

1. THE BODY POLITIC IS DISEASED ORGANISM.
2. RACISM IS DISEASE.

Концептуальная метафора THE BODY POLITIC IS DISEASED ORGANISM является средством оценки состояния современного американского сообщества, часть которого описывается как страдающий и находящийся в тяжелом состоянии больной. При этом страдания от «заболевания» общества выпадают на долю чернокожего населения. Ср.:

*And I've got to be honest, I've just been at a loss for what I can say and how I can support those that are hurting so much* (ST / 02.06.2020).

*Councilmember Teresa Mosqueda said the decision “adds to the hurt that calls people to the streets around the country” and called for “de-escalation strategies that don't involve bodily harm or irritants.”* (ST / 25.07.2020).

*The protest movement ignited by Floyd's death in May under the knee of a Minneapolis police officer compelled businesses large and small to declare publicly that they were “woke” to the pain of Black people* (ST / 27.09.2020).

Тяжелое состояние больного организма зачастую может проявляться в виде агонии. Данная метафора позволяет описывать афроамериканское общество, обремененное безразличием правительства по отношению к насилию чернокожих со стороны полиции, как организм, активизирующий компенсаторные механизмы, направленные на борьбу с угасанием жизненных сил организма. Ср.:

*“That broke me,” Mama Rose cried, and that agony rippled across the country, as protesters took to the streets for days to say Taylor's name, and to display rage, despair, powerlessness, exhaustion* (ST / 26.09.2020).

Метафоризация чернокожего сообщества США с помощью морбиальных метафор на страницах The Seattle Times используется для привнесения прагматического смысла неестественности развития социального «организма» и актуализации необходимости противодействия забо-

леванию, причиняющему страдания дискриминируемой части населения. Журналисты регулярно используют прагматический потенциал метафоры THE BODY POLITIC IS DISEASED ORGANISM с целью вызвать у читателя сочувствие и побудить адресата предпринять попытки исцелить организм. Это свидетельствует о том, что рассматриваемое СМИ поддерживает протесты и разделяет идеи движения BLM, активная политика которого считается средством борьбы с «болезнью», изнуряющей общество.

С метафорой THE BODY POLITIC IS DISEASED ORGANISM тесно связана концептуальная метафора RACISM IS DISEASE, которая отражает представления о разрушающем воздействии расизма на общество. Фоновые знания о болезнях служат источником для метафорической концептуализации расизма, который сравнивается с врожденным заболеванием американского общества, приносящим страдание и боль чернокожему населению страны. Основанием для осмысления расизма как врожденной болезни служит давняя история этого явления в США. Метафорическая логика сферы-источника позволяет также описывать расизм как болезнь, которая продолжает «заражать» общество, возбуждая ненависть и предрассудки. Ср.:

*“It falls on all of us, regardless of our race or station — including the majority of men and women in law enforcement who take pride in doing their tough job the right way, every day — to work together to create a ‘new normal’ in which the legacy of bigotry and unequal treatment no longer infects our institutions or our hearts.”* (The Seattle Times. 09.08.2020).

Институциональный расизм, проявляющийся в практике политических, правоохранительных, судебных институтов, представляется болезнью всего населения. Однако только представители афроамериканского общества являются той частью населения Америки, которая непосред-

ственно претерпевает боль, вызванную этим системным заболеванием. Ср.:

*Massive wealth inequality and structural racism are hurting people in our city and constitute the biggest threat to public safety* (The Seattle Times. 19.06.2020).

Аполитичность белых относительно вопросов расовой дискриминации на страницах The Seattle Times ассоциируется с возбудителем заболевания. Журналисты используют морбиальные метафоры концептуализируя «белое молчание» как одно из осложнений на пути к излечению общества от расизма. Ср.:

*“In this moment, white silence is the greatest impediment to those in power making the changes that are needed,” Wallace said* (The Seattle Times. 13.06.2020).

Также «белое молчание» сравнивается с «удушением» дискриминируемых слоев населения. Афроамериканское общество страдает без возможности добиться свободы и равных прав, как страдает организм, которому перекрывают кислород. Ср.:

*“This is not politics, it’s not black vs white, it’s human RIGHTS. Silence is violence. In certain cases, silence was suffocation.”* (The Seattle Times. 05.08.2020).

Расизм поражает организм и постепенно ведет к гибели, в то время как аполитичность белых создает предпосылки для прогрессирования болезни. Авторы приписывают вину за страдания чернокожих тем, кто не принимает активной политической позиции, не поддерживает движение BLM, способное исцелить больного.

Как показывает материал, тенденция прибегать к морбиальным метафорам для репрезентации расизма и дискриминируемой части населения Америки достаточно распространена в политическом нарративе «Движение BLM». Использование концептуальной метафоры THE BODY POLITICAL IS DISEASED ORGANISM журналистами The

Seattle Times объясняется тем, что газета и власти Сиэтла поддерживают Демократическую партию, которая, в свою очередь, с 2015 года является непосредственным союзником движения BLM. Концептуализация общества как больного организма не только апеллирует к необходимости участия в протестах с целью исцелить заболевание, но и используется журналистами для повышения популярности кандидатов от Демократической партии, которые не остаются равнодушными по отношению к «больному» обществу, активно поддерживая протесты и движение.

Концептуальная метафора RACISM IS DISEASE подчеркивает деструктивность расовой дискриминации. Расизм ассоциируется с врожденным системным заболеванием, заражающим общество и политические институты Америки. Возбудителями заболевания представляются политические оппоненты, которые не поддерживают движение BLM и не принимают участие в протестах. На страницах газеты аполитичность части белого населения США представляется угрозой для выздоровления общества. К этой угрозе приписывается и равнодушие президента и представителей высшестоящих органов США по отношению к притеснению чернокожих. Это расценивается не только как неспособность республиканского правительства обеспечить необходимое лечение, но и как непосредственное препятствие выздоровлению. Использование журналистами пейоративного оценочного смысла данной метафоры должно усиливать антиреспубликанские настроения читателей в преддверии президентских выборов.

На основе полученных материалов можно сделать вывод о высокой востребованности метафор сферы источника «Disease» в политическом нарративе «Движение BLM». Применяя морбиальные метафоры, журналисты прибегают к созданию отрицательных образов политических агентов, рассматриваемых в качестве возбудителей

болезни, и положительных образов политических агентов, пытающихся «исцелить» общество. Манипулятивный потенциал метафор проявляется не только в интенсивно выраженной отрицательной оценке, используемой при описании оппонента, но и в активизации императива противодействия расизму.

### **3.4. Метафоры со сферой-источником «Theater»**

Активное использование театральных метафор является отличительной чертой современного политического дискурса. Широкая востребованность метафор сферы-источника «Театр» в СМИ связана с тем, что современные политические реалии во многом схожи с миром театра. «Театрализация» политической действительности характеризуется стремлением СМИ посредством развлекательных образов завоевать аудиторию, что способствует важности «символической политики», «политики театра», «имиджей» политических агентов, которые, играя свою роль, должны угодить публике [Гаджиев, 1994].

Апелляция к образам «спектакля» и «представления» для репрезентации политической действительности позволяет утверждать о востребованности театральных метафор в дискурсе СМИ. Как показано в монографии А. П. Чудинова [2001], посвященной анализу политических метафор в российских СМИ, «прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности» [2001, с. 115]. Оценочные смыслы театральной метафоры отражают ее манипулятивный потенциал и характеризуют как инструмент политического убеждения, что является причиной повышенного интереса отечественных и зарубежных линг-

вистов к ее изучению в политической коммуникации [Шехтман, 2006; Ezrahi, 1995].

В качестве материала для настоящего исследования послужили театральные метафоры в политическом нарративе «Движение BLM» по материалам газеты The Seattle Times (за период май – сентябрь 2020 г.).

Рассматривая нарратив, посвященный движению BLM, можно проследить цепочку событий — 25 мая 2020 года в Миннеаполисе, штат Миннесота, во время полицейского ареста погиб афроамериканец Джордж Флойд. Видеозапись задержания Флойда, опубликованная в социальных сетях, спровоцировала антирасистские протесты в Миннеаполисе, которые вскоре распространились на другие города и продолжались несколько месяцев.

Особую известность получили протесты в Сиэтле. В этом городе произошли жесткие столкновения с полицией, в ходе которых получили ранения десятки полицейских и демонстрантов. 11 июня протестующие взяли под контроль Восточный участок городской полиции, провозгласив создание Capitol Hill Autonomous Zone. Президент США Дональд Трамп направил в Сиэтл подразделения федеральных силовых структур. Мэр города Дженни Дуркан, член Демократической партии, фактически поддержала протесты, описывая события в Сиэтле как «лето любви». Такую же позицию занял губернатор штата Вашингтон, демократ Джей Инсли. Таким образом, протесты превратились в очередной повод для борьбы между сторонниками Республиканской и Демократической партиями США в преддверии президентских выборов.

Изучения нарратива «Движение BLM» является актуальной проблемой, так как вопрос антирасистских выступлений стал одним из самых обсуждаемых проблем на международной повестке дня.

Методология настоящего исследования основывается на теории метафорического моделирования, получившей широкое применение в практике исследования метафор в дискурсе СМИ по всему миру (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, А. Дж. Чартерис-Блэк, П. Чудинов, и др.).

Согласно теории концептуальной метафоры «метафора представляет собой одну из форм мышления, особенно эффективную в условиях осмысления каких-то новых реалий, стремления по-новому взглянуть на что-то, казалось бы, хорошо известное, преобразовать свойственную адресату картину мира» [Будаев, 2020, с. 73].

Параллельное использование когнитивного анализа политической метафоры и методов смежных дисциплин пользуется значительным интересом среди специалистов [Чудингв, 2001; Шехтман, 2006; Ezrahi, 1995]. Особенно характерно для современной политической метафорологии использование дискурсивного анализа, одним из направлений которого является когнитивно-дискурсивный подход, т.е. исследование политической метафоры «в тесной взаимосвязи с национальными, историческими, личностными, институциональными и иными факторами» [Будаев, 2020, с. 129].

В настоящей работе используется методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью («Движение BLM») и сферой-источником («Театр») метафорической экспансии.

Как показал анализ материала, в политическом нарративе «Движение BLM» метафорическая модель BLACK LIVES MATTER MOVEMENT IS A THEATRICAL PERFORMANCE зачастую используется авторами политических текстов для оценки заданной политической ситуации. Изучение функционирования театральных образов позволило выявить две основные концептуальные метафоры,



составляющие метафорическую модель BLACK LIVES MATTER MOVEMENT IS A THEATRICAL PERFORMANCE:

1. POLITICIANS ARE PERFORMERS.

2. PROTESTERS ARE PERFORMERS.

Концептуальная метафора POLITICIANS ARE PERFORMERS используется при метафоризации действующей республиканской власти и полиции и акцентирует неискренность и лживость политиков, несерьезность и безразличие правоохранительных органов.

Использование номинации performative распространено для концептуализации реакции властей на протестную компанию. Подобный образ подчеркивает недостаточную вовлеченность в ситуацию, требующую принятия радикальных решений, а не символических жестов. Ср.:

*Much of what we saw in response to protests amounted to performative gestures, symbolism that cost nothing and shifted no power* (The Seattle Times. 09.08.2020). – *Многое из того, что мы видели в ответ на протесты, было равносильно показным жестам, символизму, который ничего не стоил и ничего не изменил.*

Зачастую театральная метафорика граничит с метафорой цирка. В глазах демократов противодействия правоохранительных органов протестам представляются как «уродливые трюки». Ср.:

*Senate Democratic Leader Chuck Schumer called on Defense Secretary Mark Esper and Army Gen. Mark Milley, the chairman of the Joint Chiefs of Staff, to refuse the use of military helicopters and tear gas for “ugly stunts” like the one Monday* (The Seattle Times. 02.06.2020). – *Лидер демократов в Сенате Чак Шумер призвал министра обороны Марка Эспера и генерала армии Марка Милли, председателя Объединенного комитета начальников штабов, отказаться от использования военных вертолетов и слезо-*

*точивого газа для исполнения «уродливых трюков», подобных тому, что был в понедельник.*

Использование данных образов подчеркивает абсурдность действий полиции и подрывает авторитет представителей закона.

Концептуализация политического субъекта посредством театральных метафор вредит его имиджу, создавая в сознании электората образы «наигранности» и «притворства». На страницах The Seattle Times действующий президент «неуклюже демонстрирует свою силу» и «неубедительно играет на сцене». Ср.:

*The scenes have been disturbingly familiar to CIA analysts accustomed to monitoring scenes of societal unraveling abroad: the massing of protesters, the ensuing crackdowns and the awkwardly staged displays of strength by a leader determined to project authority* (The Seattle Times. 02.06.2020). – *Сцены были настораживающе знакомы аналитикам из ЦРУ, которые привыкли наблюдать за сценами, сопровождающими раскол общества, в других странах: массовые скопления протестующих, последующие репрессии и неуклюжие демонстрации силы лидером, склонным демонстрировать свою власть.*

*President Donald Trump continues to portray himself as a disrupter, with a wrecking-ball agenda that is rooted in nationalism and roils racial divisions — taking the stage over the July Fourth weekend to warn of “new far-left fascism” that would tear down “our national heritage”* (The Seattle Times. 06.07.2020). – *Президент Дональд Трамп продолжает изображать себя разрушителем, чья деструктивная программа основывается на национализме и возбуждает расовые конфликты; он выступил четвертого июля, чтобы предупредить о «новом крайне левом фашизме», который уничтожит «наше национальное достояние».*

Послание президента протестующим с библией в руках представляется политическими оппонентами Д. Трампа посредством театральных образов. В особенности его конкурент на президентских выборах предпочитал ссылаться на данный политический шаг как на «постановочную фотосессию», в которой Д. Трамп позирует перед камерой, используя Библию как театральный реквизит. Ср.:

*When police disperse “peaceful protesters ... from the doorstep of the people’s house, the White House — using tear gas and flash grenades — in order to stage a photo op at one of the most historic churches in the country, or at least in Washington D.C., we can be forgiven for believing that the president is more interested in power than in principle,” Biden said (The Seattle Times. 02.06.2020). – Когда полиция разгоняет «мирных протестующих ... с порога дома, принадлежащего народу, Белого дома, используя слезоточивый газ и световые гранаты, чтобы устроить постановочную фотосессию на фоне одной из самых исторически значимых церквей страны, ну или по меньшей мере Вашингтона, можно простить нас за уверенность в том, что президент больше интересуется властью, чем моральными принципами», – сказал Байден.*

*Asked if it were his Bible, he replied, “It’s a Bible,” as if any prop would do (The Seattle Times. 04.06.2020). – На вопрос, была ли это его Библия, он [Трамп] ответил: «Это экземпляр Библии», как будто любой реквизит подойдет.*

Активизация концептуальной метафоры PROTESTERS ARE PERFORMERS связана со стремлением авторов политических текстов выразить недовольство протестной активностью.

Репрезентация участников протеста посредством концептов, ассоциирующихся со смежными с театром видами представлений, активизирует образ «поверхностного акти-

визма». Союзничество выставляется за «шоу», разыгрывание которого не воспринимается за осознанную политическую активность. Ср.:

*While the diverse crowds have made for good television, some activists are skeptical that the show of support will produce long-term commitment among many white people, and they question whether surface-level activism and how it plays out on social media does more harm than good (The Seattle Times. 13.06.2020). – Несмотря на то, что разнородные толпы создали хорошую телевизионную картинку, некоторые активисты скептически относятся к тому, что демонстрация [букв. шоу] поддержки вызовет долгосрочные обязательства среди белых. Они также сомневаются в том, что поверхностный активизм принесет больше пользы, чем вреда.*

Подобные образы востребованы для метафоризации белых участников движения, протестная активность которых зачастую подвержена критике со стороны авторов политических текстов.

Метафоры театра содержат в себе яркие смыслы «неискренности» и «игры напоказ», что коррелирует с взглядами тех, кто разочарован прошедшей протестной кампанией. Для сторонников движения, ожидавших более радикальных изменений, прогресс на национальном уровне остался иллюзорным, а активность протестующих не является более чем костюмированной игрой. Ср.:

*Some of what we saw was people cosplaying consciousness, immersing themselves in the issue of the moment (The Seattle Times. 06.07.2020). – Кое-что из того, что мы видели, было имитацией [букв. костюмированной игрой] осознания, в которую люди погружали себя на некоторое время.*

Кампания протеста метафорически представляется как игра на сцене. Прожекторы, освещающие сцену, ассоции-

руются с общественным интересом, а сторонники движения – с аудиторией. Использование подобных образов в негативном смысле подчёркивает несерьезное отношение к вопросу, требующему более широкого общественного резонанса, ведь когда представление закончится, софиты погаснут, а зрители разойдутся по домам. Ср.:

*But in my 60 years of social activism, I've heard these gospel songs before, and my fear is that once the spotlights go down, the sympathetic audience — now moved to tears by the chorus — simply goes home, the words to the songs quickly forgotten* (The Seattle Times. 07.07.2020). – Но за свои 60 лет гражданского активизма я слышал эти госпелы и раньше, и я боюсь, что, как только свет софитов погаснет, сочувствующая публика, теперь доведенная до слез припевом, просто уйдет домой, а слова песни быстро забудутся.

Используя подобные образы, авторы политических текстов стремятся создать в сознании адресата чувство вины, сподвигнуть потенциального участника протеста к более осознанному проявлению гражданской позиции.

Концептуальная метафора PROTESTERS ARE PERFORMERS также распространена в риторике сторонников Республиканской партии. Однако представление протестов с помощью театральных образов используется республиканцами с иной целью. На страницах The Seattle Times авторы политических текстов регулярно цитируют действующего президента и противников движения, представляющих протесты как постановочные мероприятия. Ср.:

*When an angry crowd arrived at the White House on Friday, he described them as “so-called ‘protesters,’” using scare-quotes to suggest the concerns being expressed were insincere and that their attendance was somehow stage-managed* (The Seattle Times. 31.05.2020). – Когда разъяренная толпа прибыла к Белому дому в пятницу, он [Трамп] описал их

*как «так называемых “протестующих”», используя кавычки, чтобы предположить, что выраженное беспокойство было неискренним и что их присутствие было каким-то образом отрепетировано.*

Подобные ассоциации активизируют смыслы «несамостоятельности» и «неискренности». Журналисты высвечивают позицию Трампа, согласно которой протестующие лишь притворяются, играют на сцене согласно приписываемым им ролям, а не выступают за свои убеждения.

Как показывает материал, тенденция прибегать к метафорической модели BLACK LIVES MATTER MOVEMENT IS A THEATRICAL PERFORMANCE достаточно распространена в политическом нарративе «Движение BLM». Концептуальные метафоры POLITICIANS ARE PERFORMERS и PROTESTERS ARE PERFORMERS носят оценочный характер и эксплицируют отрицательные смыслы, связанные с действиями политиков, полицией, и самой протестной кампанией.

Концептуальная метафора POLITICIANS ARE PERFORMERS акцентирует внимание читателя на неискренности и лицемерии действующего президента и полиции. Пейоративно окрашенные смыслы, заложенные в театральную метафорику, используются журналистами с целью усиления антиреспубликанских настроений читателей в преддверии президентских выборов в США. Репрезентация демократов с помощью метафор сферы-источника «Театр» журналистами The Seattle Times практически не востребована, так как газета поддерживает интересы властей города и штата, известных приверженностью Демократической партии США.

Активизация концептуальной метафоры PROTESTERS ARE PERFORMERS эксплицирует разочарование авторов политических текстов в протестной кампании. Апелляция к метафорам сферы-источника «Театр» при создании от-

рицательного образа протестующих используется для активизации императива более осознанной поддержки движения. Журналисты осуждают «поверхностный активизм», подчеркивая важность искренности и идейности, которых требует участие в протестной кампании. Обеспечение поддержки сторонников того или иного движения является важным аспектом деятельности партии, так как подразумевает привлечение на свою сторону электората. Являясь союзником движения BLM, сторонники Демократической партии, акцентируют внимание адресата на необходимости более ответственного отношения к участию в демонстрациях на страницах *The Seattle Times*.

Многочисленное цитирование противников протестов, ассоциирующих движение с театрализованным действием, подчеркивает склонность представителей действующей республиканской власти обесценивать деятельность протестующих, представлять их как играющих на политической сцене. Подобные образы акцентируют внимание реципиентов на враждебности действующей власти к единомышленникам движения BLM и используются для усиления антиреспубликанских настроений читателей.

### **3.5. Метафоры со сферой-источником «Plants»**

В качестве материала для данного исследования послужили фитоморфные метафоры в политическом нарративе «Движение Black Lives Matter» по материалам газеты *The Seattle Times* (за период май – сентябрь 2020 г.). Обращение к сфере-источнику «Plant» связано с повышением значимости изучения роли фитоморфной метафоры в дискурсе СМИ [Вершинина, 2002; Керимов, 2010; Кропотухина, 2014; Charteris-Black, 2004; Lakoff, Johnson, 1980]. Причина особого интереса специалистов к фитоморфной метафоре, заключается в том, что растительные образы

занимают ключевое место в культуре и способствуют воссозданию древнейших способов постижения человеком окружающей действительности. Как показано в монографии А. П. Чудинова [2001], посвященной анализу политических метафор в российских СМИ, в большинстве своем для фитоморфных метафор характерны нейтральные или позитивные образы, воплощающие идею естественности, непрерывности развития жизни, близости человека и природы, необходимости ухода за растением для его процветания. Автор также подчеркивает, что фитоморфные образы традиционны для политической коммуникации, так как в их основе лежат «базовые метафоры, связанные с архетипическим восприятием мира» [2001, с. 145]. Основываясь на универсальных образах и структурированном знании человека об устройстве растительного мира, фитоморфные метафоры несут в себе значимый прагматический потенциал. В исследовании Дж. Чартерис-Блэка [Charteris-Black, 2004] на примере сопоставления британских и американских политических метафор, содержащихся в корпусе манифестов британской партии и корпусе речей американских президентов, показано, что фитоморфные метафоры активно используются в политической коммуникации с целью убеждения адресата.

Таким образом, совокупность данных, полученных российскими и зарубежными лингвистами, позволяет рассматривать фитоморфную метафору не только в качестве традиционного средства создания нейтрального образа, задействованного в политической коммуникации, но и востребованного инструмента политического убеждения.

Методология настоящего исследования основывается на теории метафорического моделирования, получившей широкое применение в практике исследования метафор в дискурсе СМИ по всему миру (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, Дж. Чартерис-Блэк и др.).



Во многих современных исследованиях когнитивный анализ политической метафоры дополняется методами смежных научных направлений. Особенно характерно для современной политической метафорологии использование дискурсивного анализа, который имеет несколько направлений. В отечественной лингвистике широкое распространение получил когнитивно-дискурсивный подход. В основе этого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры, которая одновременно описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен [Будаев, 2020].

В настоящем разделе используется методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью («Движение BLM») и сферой-источником («Plant») метафорической экспансии.

По причине традиционности фитоморфных образов метафорическая модель ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ – ЭТО РАСТЕНИЕ / POLITICAL MOVEMENT IS A PLANT востребована в системе современной политической коммуникации. Как показал анализ материала, в политическом нарративе «Движение BLM» авторы текстов регулярно используют прагматический потенциал метафоры BLACK LIVES MATTER MOVEMENT IS A PLANT для концептуализации движения, его внутренней организации и политической активности на протяжении антирасистских демонстраций летом 2020 года.

Метафорическая проекция из сферы-источника «Plant» в сферу-мишень «Black Lives Matter Movement» задействует номинации частей растений и их жизненных циклов.

Апелляция к частям растения при концептуализации внутренней структуры движения часто используется журналистами для привнесения прагматического смысла целостности и синхронности его работы.

Объектами концептуализации становятся местные организации, которые являются важной поддержкой движения, также как и корень растения является его важной опорой. Образы «корней травы» востребованы для выражения подобных смыслов. Ср.:

*The wealth is being spread across younger grassroots organizations and legacy institutions, such as the NAACP Legal Defense and Education Fund and the National Urban League (Seattle Times. 17.06.2020).*

Сердцевина – это центральная часть растения. Ее образ востребован при осмыслении ценностей и принципов движения, которые побуждают к активной борьбе с расовой несправедливостью. Ср.:

*Until recently, Black Lives Matter Seattle-King County urged would-be protesters to exercise caution, due to COVID-19 risks coupled with concern about police using chemical agents, the lawsuit says, alleging the city's aggressive response has taken the group's time and energy away from its core mission (Seattle Times. 09.06.2020).*

Жизненный цикл растения зачастую ассоциируется с политической активностью движения, которое может, как и растение, укореняться, расти и приносить урожай.

Причастие II глагола «to root» используется для концептуализации политической программы движения, которая будет «укоренена» как набор прогрессивных усилий, направленных на улучшение жизни дискриминируемых слоёв населения. Ср.:

*“What this convention will do is create a Black liberation agenda that is not a duplication of the Vision for Black Lives, but really is rooted as a set of demands for progress,” said Jessica Byrd, who leads the Electoral Justice Project (Seattle Times. 01.07.2020).*

Номинации, ассоциирующиеся с ростом, несут позитивный смысл, указывающий на развитие движения и уве-

личение сторонников. В особенности они популярны в политических текстах, созданных в месяцы с самой большой активностью единомышленников, а именно май и июнь. Ср.:

*Creation of the funds signals a growth in infrastructure for the network, which had been at odds with some local chapter organizers, who felt network leaders weren't providing enough financial support for initiatives such as rapid response to police brutality* (Seattle Times. 17.06.2020).

Сбор урожая – одна из стадий жизненного цикла растения. Среди авторов политических текстов становится актуальна концептуализация движения как культурного растения, дающего урожай в виде активистов. Ср.:

*They had just finished a video town hall with young activists and, over their connection, Lewis told Obama how inspired he was by this new crop of activists* (Seattle Times. 30.07.2020).

Использование растениеводческих терминов актуализирует в сознании читателя образ активного участия человека в жизни «политического растения», а также апеллирует к необходимости ухода за растением для его дальнейшего процветания.

Используемые журналистами образы акцентируют внимание на естественности развития политического субъекта. Кроме того, апелляция к растениеводческим терминам позволяет описывать движение как культурное растение, дающее урожай. Метафорическая логика сферы-источника позволяет ассоциировать активную поддержку движения с необходимым участием человека в жизненном цикле растения.

Как показывает материал, тенденция прибегать к фитоморфным метафорам для репрезентации движения Black Lives Matter достаточно распространена в политическом нарративе «Движение BLM». Использование концептуаль-

ной метафоры BLACK LIVES MATTER MOVEMENT IS A PLANT журналистами The Seattle Times объясняется тем, что газета и власти Сиэтла поддерживают Демократическую партию, которая, в свою очередь, с 2015 года является непосредственным союзником движения BLM. Нарратив протеста, для которого характерны метафорические модели с негативными эмоциональными коннотациями, отличается востребованностью фитоморфных образов, актуализирующих концептуальный вектор естественности развития событий. Востребованность данных образов связана с потребностью привнесения положительных смыслов при осмыслении кампании протеста.

Фитоморфные метафоры изображают протестное движение как процесс, столь же естественный как рост растений, тем самым оттеняя негативные смыслы, связанные с уличными беспорядками. Отдавая предпочтение фитоморфным образам, журналисты избегают агрессивной политической риторики, свойственной другим метафорическим моделям, и создают в сознании адресата позитивные коннотации, связанные с движением и его сторонниками. Основываясь на традиционности образов и структурированности знаний человека об устройстве растения, авторы политических текстов используют мелиоративные оценочные смыслы данной метафоры в целях политического убеждения и активизации императива поддержки движения и ее сторонника, Демократической партии.

## Заключение

Как показал анализ, важнейшим средством информационной борьбы в оппозиционном дискурсе является когнитивная метафора, привносящая прагматические смыслы из широкого набора сфер-источников метафорической экспансии. Так, театральная метафора акцентирует внимание на неискренности и лицемерии действующего президента и полиции/милиции. Схожие функции выполняют метафоры игры, привносящие прагматический смысл «несерьезности» политических агентов. Фитоморфные метафоры изображают протестное движение как процесс, столь же естественный как рост растений, тем самым оттеняя негативные смыслы, связанные с уличными беспорядками. Метафоры болезни подчеркивают деструктивность существующей политики, а протестующим отводится роль докторов, способных вылечить «больное» государство.

Особенно востребованы в протестном дискурсе зооморфные метафоры, направленные на расчеловечивание образов президента и полиции/милиции с помощью приписывания им зооморфных черт. Зооморфные метафоры выступают безошибочным маркером кризисной коммуникации и радикальных интенций авторов, выстраивавших оппозицию между властью (чужие) и оппозиционерами (свои), предлагая читателям идентифицировать себя с возвышенными героями, помогающими спасти низведенную до уровня «скота» народ-жертву от дегуманизированных злодеев. Зооморфные метафоры выстраивают когнитивную оппозицию, в которой протестующие-люди противопоставляются милиции-животным, но в отличие от логики, заложенной в сфере-источнике, оставляют возможность работникам органов правопорядка «вернуться к человеческому облику».

Также в оппозиционном дискурсе широко востребована криминальная метафора. Негативизация образа милиции/полиции возможна при мысленном превращении органов правопорядка в свою противоположность – уголовные элементы. Таким образом, криминальная метафора делегитимизации функционально сочетается с зооморфной метафорой деантропоморфизации.

В белорусском телеграм-дискурсе использовались как аксиологически взаимозаменяемые концепты фашистской оккупации и советского прошлого. Это обстоятельство отражает стремление оппозиционного телеграм-дискурса следовать популярной на Западе тенденции приравнять СССР и фашистскую Германию, несмотря на очевидную несовместимость идеи равенства в советской идеологии с человеконенавистнической идеологией фашизма.

Сопоставление данных, полученных на белорусском и американском материале позволяет отметить универсалии коммуникативного сопровождения протестов и массовых беспорядков. Какие бы лингвокогнитивные средства мы не рассматривали (метафоры, фреймы, прецедентные имена), основными мишенями для привнесения пейоративных смыслов становятся три концепта. Первый – президент страны, второй – органы правопорядка (полиция, милиция), третий – СМИ. В этом наборе концептов наиболее уязвимым для информационных атак становится концепт полиции/милиции. Государственные СМИ концентрируют внимание на негативизации оппозиции (иногда зарубежных акторов) и позитивизации руководителя государства. В условиях постоянного когнитивного давления пейоративных смыслов, противопоставления народа и органов правопорядка, возрастают риски деморализации работников полиции/милиции. Образы темного будущего власти и отсутствие мелиоративного дискурса способны инициировать стремление перейти из категории «чужих» в катего-

рию «своих». В отсутствии дискурса, который создавал бы мелиоративные смыслы за счет рефрейминга ситуации, использования альтернативных концептуальных метафор и прецедентных феноменов, эти риски возрастают.

В прагматическом плане все лингвокогнитивные средства были направлены на решение двух конкретных задач: делегитимации структур власти (органы охраны правопорядка, президент, журналисты) и побуждение адресата к участию в массовых беспорядках. Более благоприятные условия для решения второй задачи создавали кроссплатформенные мессенджеры, благодаря децентрализованному характеру и высокой оперативности поступления информации.

Существующий опыт коммуникативного сопровождения антиправительственных выступлений с помощью возможностей кроссплатформенных мессенджеров свидетельствуют о том, что понимание механизмов концептуализации массовых протестов, используемых в целях манипуляции общественным мнением, в том числе в молодежной среде, является столь же неотъемлемым фактором государственной безопасности, как экономическое или военное развитие, что требует самого пристального внимания научного сообщества. Решение проблем в обозначенной сфере открывает перспективу разработки методов и технологий противодействия информационной и социокультурной угрозе по дестабилизации внутривосточной ситуации.

## Список литературы

1. Акопова, Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса / Д. Акопова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (1). – С. 403–409.
2. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – Вып. 5. – Москва : Знак, 2011. – 344 с.
3. Антонова, Т. Г. Метафорическое моделирование конфликта на Украине в издании «Гардиан»: ключевые дискурсивные метафоры / Т. Г. Антонова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 30. – С. 673–676.
4. Басова, Л. В. Прецедентные феномены в региональных печатных СМИ (на примере газетной публицистики Тюменской области) / Л. В. Басова. – Текст : непосредственный // Мир русского слова. – 2012. – № 2. – С. 34–36.
5. БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. – Москва : Наука, 2004–2021.
6. Беглова, Е. И. Метафора как средство политической коммуникации (на материале посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2012-2015 гг.) / Е. И. Беглова, О. Ю. Шмёлева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 3. С. 1–15.
7. Белова, В. Ф. Сопоставительное исследование метафор в парламентском и публицистическом дискурсах на немецком языке / В. Ф. Белова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2(52). – С. 122–129.
8. Бернацкая, А. А. Информационно-психологическая война как дискурсивная практика на страницах художественной литературы / А. А. Бернацкая. – Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 3. – С. 57–71.
9. Богданович, Г. Ю. Библиейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма / Г. Ю. Богданович,



Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 8–20.

10. Богданович, Г. Ю. Метафора как средство декодирования общественно-политических реалий / Г. Ю. Богданович, О. И. Неелова, Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 96–100.

11. Богоявленская, Ю. В. Прецедентное имя «Наполеон» в исторической памяти Франции: опыт корпусного исследования / Ю. В. Богоявленская, А. Э. Буженинов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2 (52). – С. 137–143.

12. Боева-Омелечко, Н. Б. Контрастная репрезентация политических конфликтов в американском и российском президентских дискурсах / Н. Б. Боева-Омелечко, Т. Ф. Костенко, В. Г. Володько. – Текст : непосредственный // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2016. – № 3. – С. 61–68.

13. Бойко, А. В. Потенциал зооморфной метафоры со сферой-мишенью «Будущее России» (на материале китайского языка) / А. В. Бойко. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 4. – С. 114–122.

14. Борискина, О. О. Корпусные технологии в политической метафорологии: «террор» и «терроризм» по данным электронных ресурсов / О. О. Борискина, О. В. Донина. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 167–171.

15. Бородай, С. Е. Сферы-источники прецедентных феноменов в российских и американских информационно-аналитических статьях / С. Е. Бородай. – Текст : непосредственный // Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание : сборник статей и материалов. – Челябинск, 2019. – С. 141–148.

16. Бородулина, Н. Ю. Метафорический взрыв в репрезентации греческого кризиса (по материалам современных публикаций в СМИ) / Н. Ю. Бородулина, М. Н. Макеева. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 2 (47). – С. 49–56.

17. Боярских, О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004–2007 гг.) : дис. ... канд. филол. наук / Боярских О. С.; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – 231 с. – Текст : непосредственный.
18. Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. – Нижний Тагил: НТГСПИ, 2007. – 160 с. – Текст : непосредственный.
19. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. – Санкт-Петербург : Научное издание, 2020. – 464 с. – Текст : непосредственный.
20. Будаев, Э. В. Буратино как прецедентный феномен в российских СМИ / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова. – Текст : непосредственный // Детская книга как институт социализации: «золотой ключик» к миру взрослых. – Нижний Тагил : НТГСПИ, 2019. – С. 23–31.
21. Будаев, Э. В. Диахроническая динамика морбиальных метафор в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября, 2015 г.). – Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2015. – Т. 5. – С. 225–230.
22. Будаев, Э. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США / Э. В. Будаев, В. В. Тихонов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 43–49.
23. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М. : Флинта ; Наука, 2012. – 248 с. – Текст : непосредственный.
24. Будаев, Э. В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов / Э. В. Будаев, В. В. Курейко. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4. – С. 93–98.
25. Будаев, Э. В. Политическая метафорология на современном этапе развития (2010–2019 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020а. – № 3. – С. 56–70.

26. Будаев, Э. В. Прагматическая амбивалентность метафор в политическом нарративе «Жизни черных имеют значение» (на примере «Сиэтл Таймс») / Э. В. Будаев, К. В. Пологова. – Текст: непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. – 2021. – № 2. – С. 43–58.

27. Будаев, Э. В. Риторический анализ политической коммуникации в современной зарубежной лингвистике (2010–2018 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 187–196.

28. Будаев, Э. В. Современная российская политическая метафорология (2010–2020 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. 2020б. – Т. 25. – № 2. – С. 103–113.

29. Будаев, Э. В. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020б. – Т. 25, № 2. – С. 103–113.

30. Буженинов, А. Э. Что союз грядущий нам готовит? (отношения В. В. Путина и Д. Трампа во французской политической карикатуре) / А. Э. Буженинов. – Текст : непосредственный // Сопоставительная лингвистика. – 2017. – № 6. – С. 17–23.

31. Бухарин, С. Н. Методы и технологии информационных войн / С. Н. Бухарин, В. В. Цыганов. – Москва : Академический проект, 2015. – 384 с. – Текст : непосредственный.

32. Быкова, Л. В. Немецкая философия как сфера-источник прецедентных феноменов в современной российской прессе / Л. В. Быкова. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2012. – № 1–2. – С. 198–206.

33. Быкова, Л. В. Немецкоязычная культура как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских печатных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Быкова Л. В. ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.

34. Быкова, Л. В. Функционирование прецедентного имени «Мюнхгаузен» в современных российских печатных СМИ / Л. В. Быкова, Е. Е. Коптякова. – Текст : непосредственный // Litera. – 2017. – № 2. – С. 1–9.

35. Быкова, О. Н. Языковое манипулирование: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» / О. Быкова. – Текст : непосредственный // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. – Красноярск, 1999. – С. 99–103.

36. Быкова, Т. Ю. Метафорический образ СССР в советском и американском медийных политических дискурсах 1930–1954 гг.: автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014. – 23 с. – Текст : непосредственный.

37. Былевский, В. П. Описание прецедентного имени в текстах массовой коммуникации КНР / В. П. Былевский. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 11 (750). – С. 106–121.

38. Ваиль, Ф. И. Прецедентные имена в заголовках российской и египетской прессы / Ф. И. Ваиль. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2013. – № 1 (236). – С. 73–79.

39. Вайс, Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде / Д. Вайс. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – Вып. 1(24). – 2008. – С. 16–22.

40. Ванюшина, Н. А. Прецедентные имена в качестве эвфемизмов / Н. А. Ванюшина. – Текст : непосредственный // Бюллетень науки и практики. – 2017. – № 11 (24). – С. 413–417.

41. Васильев, А. Д. Информационная война: лингвистический аспект / А. Д. Васильев, Ф. Е. Подсохин. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2 (56). – С. 10–16.

42. Вершинина, Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Вершинина Татьяна Станиславовна ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.

43. Веснина, Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Веснина Л. Е. – Екатеринбург, 2010. – 24 с. – Текст : непосредственный.

44. Ветрова, Д. Е. Передача прецедентных феноменов при переводе (на материале англоязычных и русскоязычных печатных СМИ) / Д. Е. Ветрова, А. А. Шагеева, Ж. А. Храмушина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3-1 (81). – С. 73–76.

45. Воркачев, С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с. – Текст : непосредственный.

46. Ворожцова, О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 г. : дис. ... канд. филол. наук / Ворожцова О. А. – Екатеринбург, 2007. – 215 с. – Текст : непосредственный.

47. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. – Екатеринбург: УрГПУ, 2013. – 194 с. – Текст : непосредственный.

48. Ворошилова, М. Б. «Русская матрешка» глазами европейцев: прецедентные образы в политической карикатуре об «августовской» войне / М. Б. Ворошилова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2011. – № 2 (36). – С. 73–76.

49. Гаджиев К. С. Политическая наука. М.: Сорос – Международные отношения, 1994.

50. Газинская, Ю. В. Метафора как когнитивный механизм моделирования политической реальности в русскоязычном пространстве медиадискурса Украины / Ю. В. Газинская. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 4 (79). – С. 86–89.

51. Газинская, Ю. В. Прецедентные феномены как способ представления действительности в русскоязычном политическом медиа-дискурсе Украины / Ю. В. Газинская. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2013. – Т. 2. – № 3 (50). – С. 68–71.

52. Гайдук, И. В. Прецедентные имена и их дериваты в русском и американском медиадискурсе / И. В. Гайдук. – Текст : непосредственный // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия:

Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2015. – № 3 (27). – С. 111–127.

53. Гайдук, И. В. Специфика коннотативного функционирования прецедентных имен в медиадискурсе / И. В. Гайдук. – Текст : непосредственный // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2016. – № 4 (32). – С. 63–75.

54. Гарагуля, С. И. Лингвокультурологический словарь английских личных имен. Раскрытие содержания свыше 100 культурно значимых имен / С. И. Гарагуля. – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – 272 с. – Текст : непосредственный.

55. Гарагуля, С. И. Лингвокультурологический словарь английских фамилий. Раскрытие содержания свыше 150 культурно значимых фамилий / С. И. Гарагуля. – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – 384 с. – Текст : непосредственный.

56. Глинка, Е. В. Прецедентные имена в белорусских печатных СМИ: семантика и прагматика / Е. В. Глинка. – Текст : непосредственный // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения : сборник материалов Международного научного форума : в 2 т. / отв. ред. В. В. Васильева. – 2019. – С. 217–219.

57. Горностаева, А. А. Иронические метафоры в политическом дискурсе. – Текст : непосредственный / А. А. Горностаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 108–125.

58. Гришаева, Л. И. Прецедент как универсальное средство передачи и хранения культурной информации / Л. И. Гришаева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2008. – Вып. 24. – С. 118–123.

59. Гудков, Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. – Москва : ЛЕНАНД, 2020. – 200 с. – Текст : непосредственный.

60. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Гудков. – Москва : URSS, 2020. – 152 с. – Текст : непосредственный.

61. Дарвиш Рихаб эль-Хусейни. Прецедентные имена со сферой-источником «Политика» в российской и египетской

прессе / Дарвиш Рихаб эль-Хусейни, Ибрагим Ваиль Фа-хим. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 144–148.

62. Дзюба, Е. В. «Бархатные» метафоры чешского политического дискурса / Е. В. Дзюба. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1 (61). – С. 31–40.

63. Доктрина 2016: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». – Текст : электронный // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 3.07.2021).

64. Драпалюк, А. С. Прецедентные феномены как один из способов интеллектуализации газетного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Драпалюк А. С. ; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – Текст : непосредственный.

65. Дулебова, И. В. Прецедентные имена русской культуры и истории в современных словацких СМИ / И. В. Дулебова, Л. Б. Крюкова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 425. – С. 19–25.

66. Дулебова, И. В. Российские топонимы в современной словацкой языковой картине мира / И. В. Дулебова. – Текст : непосредственный // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках. – Москва : РУДН, 2019. – С. 117–123.

67. Дулесов, Е. П. Метафоры гармонизации в дискурсе русских националистов начала XX в. / Е. П. Дулесов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60) – С. 102–108.

68. Дулесов, Е. П. Расширение метафоры как инструмент дискредитации позиции оппонента (на материале дореволюционных парламентских речей) / Е. П. Дулесов. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4 (57). – С. 96–100.

69. Евсеева, И. В. Коммуникативная ситуация «обсуждение закона о неуважении к госсимволам» в аспекте информационно-психологического противоборства / И. В. Евсеева. – Текст :

непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 3. – С. 72–86.

70. Евтеева, Ю. В. Реализация аргументативного потенциала прецедентных феноменов (на материале полемической телепередачи «Гордонкихот») / Ю. В. Евтеева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 611. – С. 85–95.

71. Елисеева, С. В. Прецедентные феномены, восходящие к французской культуре, в современной российской и американской прессе : дис. ... канд. филол. наук / Елисеева С. В. – Сургут, 2010. – Текст : непосредственный.

72. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – Москва : Художественный журнал, 1999. – 114 с.

73. Зайцева, Е. Л. Метафорическая репрезентация концепта терроризм в тексте англоязычных таблоидов / Е. Л. Зайцева. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 3 (52). – С. 76–80.

74. Зими́на, М. В. Метафорический портрет президента России в немецкоязычной прессе / М. В. Зими́на, М. В. Ополовникова. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – № 4. – С. 235–239.

75. Зиновьев, Н. В. Доминантная метафорическая модель «Движение» в дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона: методика исследования темпоральной динамики / Н. В. Зиновьев, Е. А. Нахимова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1 (73). – С. 57–64.

76. Золотайко, А. И. Метафорическое моделирование образа полиции в дискурсе общественного мнения США (сфера-источник – зоонимы) / А. И. Золотайко. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1 (73). – С. 65–71.

77. Зырянова, И. П. Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы (2005–2009 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зырянова И. П. – Екатеринбург, 2016. – 239 с. – Текст : непосредственный.

78. Ибрагим, В. Ф. Сферы-источники прецедентных имен в российской и египетской прессе / В. Ф. Ибрагим, Р. Э. Х. Дарвиш. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 4 (37). – С. 92–99.



79. Калюжная, И. А. Прецедентные антропонимы в текстах немецких СМИ / И. А. Калюжная. – Текст : непосредственный // Особенности интеграции гуманитарных и технических знаний. – Москва : НИУ МГСУ, 2018. – С. 237–240.

80. Каменева, В. А. Метафорическое моделирование адресата политического дискурса с позиции уровневой референции. / В. А. Каменева, Н. В. Рабкина. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2020. – №3 (81). – С. 77–83.

81. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : URSS, 2019. – 264 с. – Текст : непосредственный.

82. Каримова, К. Э. Прецедентное имя в печатных СМИ на основе русского и английского языков / К. Э. Каримова. – Текст : непосредственный // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. статей Международной научно-практической конференции : в 2 ч. – 2018. – С. 161–163.

83. Качалова, И. Н. Оценочная функция языковой игры в дискурсе СМИ : автор. дис. ... канд. филол. наук / Качалова И. Н. ; Московский государственный областной университет. – Москва, 2010. – Текст : непосредственный.

84. Керимов, Р. Д. Концептуализация социальной реальности фитоморфными метафорами в немецком политическом дискурсе / Р. Д. Керимов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – № 4 (44). – С. 136–144.

85. Керимов, Р. Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации / Р. Д. Керимов. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2015. – 339 с. – Текст : непосредственный

86. Кипина, М. А. Victim of Russian bear: image of Ukraine in French political cartoons 2014-2018 / М. А. Кипина, М. В. Плотникова. – Текст : непосредственный // Сопоставительная лингвистика. – 2018. – № 7. – С. 26–33.

87. Колмогорова, А. В. Языковые маркеры манипуляции для разработки технологии оценки уровня манипулятивности текста масс-медиа / А. В. Колмогорова, Ю. А. Талдыкина. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 542–545.

88. Колодкина, А. В. Функционирование французских прецедентных имен в языке СМИ (на материале французского и русского языков) / А. В. Колодкина. – Текст : непосредственный // Романистика в эпоху полилингвизма : материалы Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 277–281.

89. Кондратьева, О. Н. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) / О. Н. Кондратьева, К. А. Ковалева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 34–47.

90. Кондратьева, О. Н. Майдан в метафорическом зеркале российских массмедиа / О. Н. Кондратьева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5 (65). – С. 80–84.

91. Кондратьева, О. Н. «Перестройка» и «перезагрузка»: метафоры преобразований в политической коммуникации (опыт лингвокогнитивного анализа) / О. Н. Кондратьева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2015. – № 4 (54). – С. 32–39.

92. Копнина, Г. А. О философских основаниях лингвистики информационно-психологической войны / Г. А. Копнина, А. П. Сковородников. – Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1. – С. 35–50.

93. Коптяева, Н. Н. Зооморфная метафора в репрезентации джереми корбина (на материале британских политических карикатур) / Н. Н. Коптяева, Е. В. Шустрова. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2021. – № 5 (89). – С. 45–54.

94. Коровин, В. М. Третья мировая сетевая война / В. М. Коровин. – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 352 с. – Текст : непосредственный.

95. Королева, Г. Г. Специфика визуальной семиотической системы в американских политических рекламных роликах / Г. Г. Королева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41). – С. 87–94.

96. Коротун, В. Ю. Прецедентные феномены из сферы музыки в языке английских СМИ / В. Ю. Коротун. – Текст : непо-

средственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8-3 (50). – С. 100–103.

97. Косарев, М. И. Прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» в политической коммуникации Германии и США : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Косарев М. И. ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2008. – Текст : непосредственный.

98. Костомаров, В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.

99. Котов, Б. С. Метафора как средство создания «образа врага» в газетных текстах (на примере образов Австро-Венгрии и Германии в русской прессе кануна Первой мировой войны). – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 12: политические науки. – 2014. – Т. 1. – С. 94–110.

100. Коцюбинская, Л. В. Метафора «информационная атака» как объект лингвистического исследования / Л. В. Коцюбинская. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 5 (59). – С. 77–81.

101. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. / В.В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с. – Текст : непосредственный.

102. Кропотухина, П. В. Концептосфера «Мир растений» как объект лингвистических исследований / П. В. Кропотухина // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 6. – С. 35–39.

103. Крылова, М. Н. Кино как источник интертекстуальности (на материале сравнительных конструкций) / М. Н. Крылова. – Текст : непосредственный // Язык и социальная динамика. – 2012. – № 12-1. – С. 355–361.

104. Крышталева, В. Е. Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века / В. Е. Крышталева. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17. № 2. – С. 77–90.

105. Кузьмина, Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса /

Н. А. Кузьмина. – Текст : непосредственный // Медиаскоп. – 2011. – № 1. – С. 10.

106. Курейко, В. В. Метафорическая репрезентация "референдума в Крыму" в комментариях новостных порталов / В. В. Курейко. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – Филологические науки. – 2017. – Т. 3 (69). . – № 2. С. 92–107.

107. Кучевасова, М. С. Прецедентные имена во французских СМИ: анализ уровня прецедентности / М. С. Кучевасова. – Текст : непосредственный // Романские и германские языки: актуальные проблемы лингвистики и методики : ежегодник по материалам 10-й Междунар. студенческой науч.-практ. конф. / науч. ред. Е. В. Ерофеева. – 2018. – С. 76–80.

108. Кушнерук, С. Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны: репрезентационная структура по данным корпуса / С. Л. Кушнерук. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2020. – № 5 (83). – С. 12–21.

109. Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации : монография / С. Л. Кушнерук. – Москва : ФЛИНТА, 2019. – 368 с. – Текст : непосредственный.

110. Кушнерук, С. Л. Информационная война в зарубежной медиакоммуникации: взгляд дискурсолога / С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 7 (441). Филологические науки. – Вып. 121. – С. 97–105.

111. Кушнерук, С. Л. Становление лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты / С. Л. Кушнерук, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 4 (1). – С. 105–118.

112. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Кн. I. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – 340 с. – Текст : непосредственный.

113. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Кн. II / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина [и др.]; под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. – 488 с. – Текст : непосредственный.

114. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсеева [и др.]; под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. 344 с. – Текст : непосредственный.

115. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Кн. IV / И. В. Башкова, Е. М. Боровой, Л. А. Гаврилов [и др.]; под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2021. 340 с. – Текст : непосредственный.

116. Лингвокультурные типажи американских президентов: монография / Е. В. Шустрова, Ю. В. Кузина, М. И. Девяткова, А. В. Куренная ; «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – 276 с. – Текст : непосредственный.

117. Линь, С. Русский "медведь" и китайский "лун": зоометафора в русском и китайском политическом дискурсе / С. Линь // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5 (77). – С. 177–184.

118. Лисихина, М. А. Использование прецедентных имен при создании образа России в англоязычных СМИ / М. А. Лисихина. – Текст : непосредственный // Наука и образование на российском Дальнем Востоке: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. тр. по итогам межвузовской научно-практической конференции преподавателей и аспирантов : в 2 т. – 2016. – С. 339–346.

119. Ма, Т. Ю. Прецедентное имя библейского истока «David» в материалах электронной версии журнала «Time» / Т. Ю. Ма, Т. В. Хлопова. – Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 41–57.

120. Ма, Т. Ю. Прецедентные имена «Noah» и «Noah's ark» в материалах электронной версии журнала «Time» / Т. Ю. Ма, Т. В. Хлопова. – Текст : непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 7-2. – С. 118–121.

121. Мардиева, Л. А. В поисках комического: стилистическая трансформация вербально-визуальных образов плаката в структуре газетных текстов. – Текст : непосредственный / Л. А. Мардиева // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1 (39). – С. 114–119.

122. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В. А. Маслова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1(24). – С. 43–48.

123. Медведева, Е. А. Прагматический аспект использования концептуальной метафоры в политическом дискурсе президента Российской Федерации В.В. Путина / Е. А. Медведева. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 2. – С. 148–152.

124. Мещерякова-Клабахер, В. А. Номинация лица в текстах немецких СМИ (на примере номинаций писателя) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мещерякова-Клабахер В. А. ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2016. – Текст : непосредственный.

125. Миронова, М. Ю. Метафоризация терминов английского языка (на примере политического термина *lame duck*) / М. Ю. Миронова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 141–146.

126. Михайлова, О. А. Метафорическое моделирование образа Украины в российских СМИ (динамический аспект) / О. А. Михайлова. – Текст : непосредственный // Образ России в условиях информационной войны конца XX – начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса / Под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск, 2017. – С. 323–330.

127. Мишин, А. В. Репрезентация образа России в журнале “Der Spiegel” (анализ заголовочного комплекса) / А. В. Мишин. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2018. – Т. 28, № 6. – С. 994–999.

128. Мищенко, А. Н. Прецедентное имя Геракл в русскоязычных политических СМИ / А. Н. Мищенко. – Текст : непосредственный // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2018. – № 1. – С. 155–161.

129. Москвин, В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. / В.П. Москвин. – Москва : URSS, 2015. – 168 с. – Текст : непосредственный.

130. Мусолфф, А. Политическая «терапия» посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Mein Kampf» / А. Мусолфф. – Текст: непосредственный //

Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург : УрГПУ, 2006. – С. 151–171.

131. Мухортов, Д. С. Метафора во внешнеполитическом дискурсе как проявление общности идеологических установок англо-саксонских политиков (на материале выступлений Б. Обамы, Д. Кэмерона, Т. Эбботта и С. Харпера в 2014-2015 гг.) / Д. С. Мухортов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления / Гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2015. – С. 175–182.

132. Нартикова, З. А. Метафорическая аргументация в политическом дискурсе: лингвокультурологический аспект (на материале выступлений российских и американских лидеров) / З. А. Нартикова, О. Л. Зайцева. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 1. – С. 136–142.

133. Наумова, И. А. О прецедентных феноменах из сферы-источника «Русская классическая литература» в средствах массовой информации Российской Федерации / И. А. Наумова. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 81–87.

134. Наумова, И. А. Особенности функционирования прецедентных феноменов из сферы-источника «Детская литература» в дискурсе российских СМИ / И. А. Наумова. – Текст : непосредственный // Знание. – 2018. – № 5-3 (57). – С. 86–93.

135. Наумова, И. А. Русская народная сказка как сфера-источник прецедентных феноменов в дискурсе российских СМИ / И. А. Наумова. – Текст : непосредственный // Relevant theoretical and practical aspects of modern science of languages materials of the I International research and practice conference. – 2016. – С. 4–12.

136. Нахимова, Е. А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ / Е. А. Нахимова. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – № 2. – С. 12–19.

137. Нахимова, Е. А. Мифологема Александр Невский в современной массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Текст :

непосредственный // Политическая лингвистика. – 2010. – № 3 (33). – С. 105–108.

138. Нахимова, Е. А. Прецедентное имя Керенский в современных отечественных СМИ / Е. А. Нахимова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24). – С. 48–55.

139. Нахимова, Е. А. Прецедентное имя Наполеон в отечественных СМИ / Е. А. Нахимова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23). – С. 107–114.

140. Нахимова, Е. А. Прецедентное имя Пиночет в современных российских СМИ / Е. А. Нахимова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2013. – № 2 (44). – С. 72–75.

141. Нахимова, Е. А. Прецедентные феномены как доминанта идиостиля публициста / Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Филология и человек. – 2016. – № 2. – С. 107–115.

142. Новикова, В. П. Метафорическое отражение проблем миграции в публицистическом тексте / В. П. Новикова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 141–147.

143. Нуриева, Д. Р. Советская политическая военная карикатура как поликодовый текст / Д. Р. Нуриева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2015. – № 4 (54). – С. 106–111.

144. Орехова, Е. Н. Прецедентность и приращение смысла в общественно-политическом дискурсе (когнитивно-прагматический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Орехова Е. Н. ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2013. – Текст : непосредственный.

145. Панарин, И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны / И. Н. Панарин. – Текст : электронный. – Москва : Поколение, 2012. URL: [https://propagandahistory.ru/books/Igor-Panarin\\_SMI--propaganda-i-informatsionnye-voyny/](https://propagandahistory.ru/books/Igor-Panarin_SMI--propaganda-i-informatsionnye-voyny/) (дата обращения: 15.05.2021).

146. Паневина, И. А. Экспрессивная роль прецедентных личных имен в форме plural в газетном дискурсе смоленских СМИ / И. А. Паневина. – Текст : непосредственный // Онома-



стика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. – 2015. – № 4. – С. 78–84.

147. Паневина, И. А. Эмоционально-экспрессивная антропонимическая лексика в газетно-публицистическом дискурсе (на материале смоленских СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Паневина ; Смоленск. гос. ун-т. – Смоленск, 2011. – Текст : непосредственный.

148. Подшивалова, С. Д. Особенности интерпретации некоторых прецедентных имен англоязычных СМИ российским читателем / С. Д. Подшивалова, Н. А. Сабурова. – Текст : непосредственный // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Тихо-океанский гос. ун-т. – 2018. – С. 111–116.

149. Пологова, К. В. Зооморфные метафоры как средство концептуализации движения BLM в СМИ США (на примере The Seattle Times) / К. В. Пологова. – Текст: непосредственный // Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация. – Екатеринбург : Альфа Принт, 2021. – С. 257–262.

150. Попова, З. Д. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Текст : непосредственный // Культура общения и ее формирование. – Вып. 8. – Воронеж, 2001. – С. 34–56.

151. Прибылова, О. В. Динамика вербализации концепта "терроризм" в институциональном дискурсе: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. н. / Челябинский государственный университет. Челябинск, 2011. – Текст : непосредственный.

152. Прибылова, О. В. Динамика вербализации концепта «терроризм» в институциональном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2011. – 24 с. – Текст : непосредственный.

153. Пыстина, О. В. Функционирование библеизмов как прецедентных феноменов в современном медиатексте (на примере региональных СМИ) / О. В. Пыстина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10-3 (64). – С. 137–141.

154. Радченко, М. В. Языковая игра с использованием антропонимов в российской и хорватской прессе / М. В. Радченко. – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – 2013. – № 4 (35). – С. 140–148.

155. Рогозина, Л. Э. О людической функции прецедентного имени (на материале французского языка) / Л. Э. Рогозина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2009. – № 4. – С. 72–79.

156. Рогозинникова, Ю. В. Образы президентов России и США в политической карикатуре / Ю. В. Рогозинникова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2018. – № 2 (68). – С. 87–100.

157. Романова, Т. В. Методы выявления классификаторов толерантности / нетолерантности речевого поведения в целях решения лингвоэкспертных задач / Т. В. Романова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60). – С. 237–243.

158. Романьоли, Р. Лингвокультурная специфика прецедентных единиц русского дискурса, мотивированных историческими событиями и лицами (на материале заголовков печатных СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Романьоли Р. ; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва, 2006. – Текст : непосредственный.

159. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева. – Екатеринбург, 2004. – 294 с. – Текст : непосредственный.

160. Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь / под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. – Москва : Гнозис, 2004. – 318 с. – Текст : непосредственный.

161. Рыбакин, А. И. Словарь английских личных имен: 4000 имен / А. И. Рыбакин. – Москва : Астрель : АСТ, 2000а. – 224 с. – Текст : непосредственный.

162. Рыбакин, А. И. Словарь английских фамилий / А. И. Рыбакин. – Москва : Астрель : АСТ, 2000б. – 576 с. – Текст : непосредственный.

163. Саблукова, В. А. Суггестивные механизмы использования национально-прецедентных феноменов в дискурсе конфликта (на материале реалий русской лингвокультуры в англоязычных СМИ) / В. А. Саблукова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 16 (345). – С. 124–127.

164. Садуов, Р. Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) / Р. Т. Садуов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4 (46). – С. 221–229.

165. Салахова, А. Г. Лингвистический анализ манипулятивных средств воздействия СМИ в период информационных войн (на материале прессы Германии) / А. Г. Салахова, К. Л. Грачева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60). – С. 132–138.

166. Сегал, Н. А. «Политическое танго»: метафоризация образов народных танцев в политических текстах / Н. А. Сегал, О. П. Щурик. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2018. – № 1. – С. 48–56.

167. Сегал, Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование / Н. А. Сегал. – М. : Флинта, 2017. – 248 с. – Текст : непосредственный.

168. Сегал, Н. А. Прецедентные антропонимы Ленин и Сталин как составляющая русскоязычного медиадискурса / Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Текст и дискурс в современной коммуникации / под ред. Т. Н. Плесканюк. – Нижний Новгород : НИЦ «Открытое знание», 2019. – С. 63–78.

169. Сегал, Н. А. Семантико-прагматический потенциал прецедентного имени Вавилон в массмедийных текстах / Н. А. Сегал, Ю. С. Коротких. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 9 (122). – С. 95–100.

170. Селиванова, И. В. Военные метафоры в рождественских обращениях короля Испании / И. В. Селиванова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2019. – № 4 (76). – С. 61–66.

171. Серегина, И. А. Метафорическая интерпретация событий в Крыму (2014) / И. А. Серегина, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 252–255.

172. Синельникова, Л. Н. Информационная война *ad infinitum*: украинский вектор / Л. Н. Синельникова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 95–101.

173. Сипко, Й. СССР – только репрессии, деформации, застой? / Й. Сипко. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5 (77). – С. 193–201.

174. Склярова, Н. Г. Языковые средства формирования образа России зарубежными СМИ в контексте освещения мировых политических событий / Н. Г. Склярова, Л. М. Хачересова. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 3. – С. 108–112.

175. Сковородников, А. П. О психологических основаниях лингвистики информационно-психологической войны / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина. – Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2. – С. 238–258.

176. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика / Т. Г. Скребцова. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

177. Солопова, О. А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе / О. А. Солопова. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2014. – 175 с. – Текст : непосредственный.

178. Солопова, О. А. Ретроспективный анализ британского политического дискурса о будущем СССР / О. А. Солопова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 124–134.

179. Степанов, Е. С. Участие прецедентного имени в процессе концептуального блендинга / Е. С. Степанов. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 72–76.

180. Степанова, М. А. Ирония и/или идеология: переводческие проблемы при передаче прецедентных единиц в рамках медиаполитических текстов (на примере перевода высказываний В. В. Путина) / М. А. Степанова. – Текст : непосредственный // Лингвокультурный компонент в переводческом пространстве / отв. ред. Э. М. Рянская. – Нижневартовск, 2014. – С. 71–86.

181. Стратиенко, Ю. А. Литературно-художественный и общественно-политический толстяк (фрейм «Шалтай-болтай» в медийных текстах Великобритании и США) / Ю. А. Стратиенко. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 2. – С. 27–32.

182. Стратиенко, Ю. А. Фрейм «Золушка» как источник прецедентности в британских и американских СМИ / Ю. А. Стратиенко. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 2. – С. 102–107.

183. Стышинский, М. Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа / М. Стышинский. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 5. – С. 158–164.

184. Тихонова, С. А. Барак Обама как мишень прецедентности в политической карикатуре / С. А. Тихонова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1 (43). – С. 107–115.

185. Ткаченко, С. В. Информационная война против России / С. В. Ткаченко. Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 224 с. – Текст : непосредственный.

186. Томашевская, Е. Д. Коннотативное использование прецедентного имени *Napoléon Bonaparte* / *Napoleon Bonaparte* во французских и британских медиатекстах: сопоставительный анализ / Е. Д. Томашевская, Ю. В. Богоявленская. – Текст : непосредственный // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. – Краснодар : КГТУ, 2018. – С. 277–283.

187. Удальцова, Н. М. Спортивная концептуальная метафора в англоязычном медиадискурсе / Н. М. Удальцова. – Текст :

непосредственный // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3 (53). – С. 173–181.

188. Уделькина, А. И. Категория адресованности в полемическом дискурсе (на материале немецкоязычных СМИ) / А. И. Уделькина. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2018. – Т. 24. – № 1. – С. 119–124.

189. Уржумцева, А. О. Украина, Россия и Евросоюз в ноябре 2013 года: метафорический образ стран и их взаимоотношений в испанской газете «Эль паис» / А. О. Уржумцева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. 2014. 2 (48). С. 195–200.

190. Филинский, А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени канд. филол. н. / Филинский Алексей Анатольевич : Тверской государственной университет. – Тверь, 2002. – 144 с. – Текст : непосредственный.

191. Фомин, А. Г. Политическая метафора как эффективное средство воздействия (на материале выступлений председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РФ В. В. Путина в рамках международного форума «Один пояс – один путь») / А. Г. Фомин, Р. Р. Мавлеев. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 112-121.

192. Цонева, Л. Думата криза в медийния дискурс (българско-руски паралели) / Л. Цонева. – Велико Търново : ИВИС, 2012. – 215 с. – Текст : непосредственный.

193. Чернобров, А. А. Компрессионная, гипертекстовая и эстетическая функции имен в тексте / А. А. Чернобров. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2009. – № 4. – С. 109–117.

194. Черноморец, М. В. Лингвокультурные концепты германских канцлеров : дис. ... канд. филол. наук / Черноморец М. В. ; Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2009. – Текст : непосредственный.

195. Черняк, В. Д. Вспоминая детство... (об одном типе прецедентных феноменов в политическом дискурсе) / В. Д. Чер-

няк, Е. П. Носова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2 (56). – С. 33–42.

196. Чигашева, М. А. Деонимы как особенность политического дискурса СМИ Германии и России / М. А. Чигашева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 765. – С. 50–59.

197. Чигашева, М. А. Прецедентные имена в политическом дискурсе СМИ Германии и проблема их перевода / М. А. Чигашева. – Текст : непосредственный // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. – Москва : РУДН, 2016. – С. 89–94.

198. Чудинов, А. П. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (13). С. 54–57.

199. Чудинов, А. П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000–2004). – Текст : непосредственный / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2. – С. 41–50.

200. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – Москва : Флинта, 2020. – 256 с. – Текст : непосредственный.

201. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2003. – 208 с. – Текст : непосредственный.

202. Шаховский, В. И. Роль комического в дискурсивном портрете политика: разоблачительная функция языка. Политический дискурс в России – 3. / В. И. Шаховский, М. Р. Желтухина. – Текст : непосредственный // Материалы рабочего совещания (Москва, 27–28 марта 1999 года). / Под ред. Ю. А. Сорокина, В. Н. Базылева. – Москва : Диалог-МГУ, 1999. – С. 101–114.

203. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва : Гнозис, 2004. – 328 с. – Текст : непосредственный.

204. Шеминова, Н. В. Особенности функционирования антропонимов в современной испанской прессе : автореф. дис. ...

канд. филол. наук / Шеминова Н. В. ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – Текст : непосредственный.

205. Шехтман Н. Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе: дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.

206. Шилихина, К. М. Фрейм «Волшебный мир Гарри Поттера» как способ осмысления политической ситуации в англоязычном общественно-политическом дискурсе / К. М. Шилихина, Ю. А. Стратиенко. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2017. – № 2 (62). – С. 116–123.

207. Шумская, Э. Н. Динамика прецедентных имен в СМИ Казахстана / Э. Н. Шумская. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2011. – № 2 (36). – С. 188–193.

208. Шумская, Э. Н. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в русскоязычном политическом дискурсе Казахстана / Э. Н. Шумская. – Текст : непосредственный // Лингвокультурология. – 2010. – № 4. – С. 239–248.

209. Шустрова, Е. В. Барак Обама и современная американская карикатура / Е. В. Шустрова. – Екатеринбург, 2014. – 372 с. – Текст : непосредственный.

210. Шустрова, Е. В. Присоединение Крыма к РФ в американской карикатуре / Е. В. Шустрова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 66–73.

211. Щербинина, П. П. Прецедентные имена со сферой-источником «Политика» в СМИ Великобритании (2010–2019 гг.) / П. П. Щербинина, Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2020. – № 1 (79). – С. 27–34.

212. Юнг, А. В. Функционирование библеизмов с позиции теории прецедентности (на материале качественной прессы США) / А. В. Юнг. – Текст : непосредственный // Экономический вектор. – 2015. – № 4 (3). – С. 170–176.

213. Якунин, С. А. Лингвистические средства ведения информационной войны / С. А. Якунин. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3 (75). – С. 77–82.

214. Abdel-Raheem, A. Metaphor of the global financial crisis after 2008: Reconstructing confidence by Arab and Western financial



medias / A. Abdel-Raheem. – Текст : непосредственный // *Sciences de la Société*. – 2013. – Vol. 88. – P. 161–182.

215. Alexander, K. Feminism and Solidarity on the Left: Rethinking the Unhappy Marriage Metaphor / K. Alexander, C. Eschle, J. Morrison, M. Tulbure. – Текст : непосредственный // *Political Studies*. – 2019. – Vol. 67(4). – P. 972–991.

216. Al-Khawaldeh, N. The linguistic features of intertextuality in Jordan's free verse poetry : Ayman Al-Otoum as a case study / N. Al-Khawaldeh, B. Mashaqba, A. Huneety, A. Muhareb. – Текст : непосредственный // *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. – 2017. – Volume 6. – № 1. – pp. 1–10.

217. Álvarez-Peralta, M. El poder de las metáforas en el periodismo económico / M. Álvarez-Peralta. – Текст : непосредственный // *Los discursos del poder. Actas del XIV Congreso de la Asociación Española de Semiótica* / V. Saiz Echezarreta, V. & A. López Cepeda (Eds.). – Cuenca: Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 2014. – P. 333–346.

218. Anderson, J. Metaphors that communicate weight-based stigma in political news: A case study of New Jersey Governor Chris Christie / J. Anderson, Y. Zhu, J. Zhuang. – Текст : непосредственный // *European Review of Applied Psychology*. – 2017. – Vol. 67, Issue 3. – P. 139–146.

219. Anikin, E.E. Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication / E. E. Anikin, E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – Текст : непосредственный // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2015. – № 3. – С. 26–32.

220. Arrese, A. Euro crisis metaphors in the Spanish press / A. Arrese. – Текст : непосредственный // *Communication & Society*. 2015. Vol. 28(2). P. 19–38.

221. Avelar, M. The role of gestures in the construction of multimodal metaphors: analysis of a political-electoral debate / M. Avelar, P. Mendes. – Текст : непосредственный // *Revista Brasileira de Linguística Aplicada*, vol.15 no.2 2015. P. 343–376.

222. Bain, J. Crumbling Giant, Rising Dragon?: Chinese News Media Cartoon Reflections on the Eurozone Debt Crisis / J. Bain, N. Chaban, S. Kelly. – Текст : непосредственный // *Communication, Politics & Culture*. 2012. Vol. 4. P. 217–240.

223. Barbe, E. Contending metaphors of the European Union as a global actor. Norms and power in the European discourse on multilateralism / E. Barbe, A. Herranz-Surrallés, M. Natorski. – Текст : непосредственный // *Journal of Language and Politics*. 2015. Vol. 14(1). P. 18–40.

224. Bashatah, N. S. Framing analysis of British Newspaper Representation of Saudi Women from 2005–2013 / N. S. Bashatah. – Текст : электронный // A thesis submitted in partial fulfilment of University of Salford's requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Media and Communication. University of Salford School of Arts and Media, 2017. – URL: <https://usir.salford.ac.uk/id/eprint/42880/1/thesis%20final%2006.7.17.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

225. Bateson, G. Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology / G. Bateson. – Chicago : The University of Chicago Press, 1972. – 535 p. – Текст : непосредственный.

226. Bazerman, C. Intertextuality : How texts rely on other texts / C. Bazerman. – Текст : непосредственный // *What Writing Does and How it Does It: An Introduction To Analyzing Texts and Textual Practices* / Ed. by C. Bazerman, P. Prior. – Routledge, 2017. – 366 p.

227. Becker, M. J. Gewaltmetaphern im französischen Präsidentschaftswahlkampf 2011/12 / M. J. Becker. – Текст : непосредственный // *Metaphern der Gewalt. Konzeptualisierungen von Terrorismus in den Medien vor und nach 9/11* / M. Schwarz-Friesel, J.-H. Kromminga (Hrsg.). Tübingen: Francke, 2014. S. 197–214.

228. Begg I. Dissociation of processes in belief: Source recollection, statement familiarity, and the illusion of truth / I. Begg, A. Anas, S. Farinacci. – Текст: непосредственный // *Journal of Experimental Psychology*. – 1992. – Vol. 121. – P. 446-458.

229. Begg, I. Repetition and the ring of truth: Biasing comments / I. Begg, V. Armour. – Текст: непосредственный // *Canadian Journal of Behavioral Science*. – 1991. – Vol. 23. – P. 195–213.

230. Benford, R. D. Framing processes and social movements: An overview and assessment / R. D. Benford, D. A. Snow. – Текст : непосредственный // *Annual Review of Sociology*. – 2000. – № 26. – pp. 611–639.

231. Bernárdez, E. Exploring Discourse Strategies in Social and Cognitive Interaction: Multimodal and cross-linguistic perspectives / E. Bernárdez. – Текст : непосредственный // Exploring Discourse Strategies in Social and Cognitive Interaction: Multimodal and cross-linguistic perspectives / Edited by M. Romano, M. D. Porto. Amsterdam: John Benjamins, 2016. P. 21–38.

232. Bickes, H. The financial crisis in the German and English press: Metaphorical structures in the media coverage on Greece, Spain and Italy / H. Bickes, T. Otten, L. Weymann. – Текст : непосредственный // Discourse and Society. 2014. Vol. 25(4). P. 424–445.

233. Biria, E. Figurative Language in the Immigration Debate: Comparing Early 20th Century and Current U.S. Debate with the Contemporary European Debate. Dissertation. Portland State University, 2012. 76 p. – Текст : непосредственный.

234. Bougher, L. Cognitive Coherence in Politics: Unifying Metaphor and Narrative in Civic Cognition / L. Bougher. – Текст : непосредственный // Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics / Ed. by M. Hanne, W. D. Crano, J. S. Mio. – New York; London: Psychology Press, 2015. P. 250–271. – Текст : непосредственный.

235. Bouko, C. Cartoons as interdiscourse: A quali-quantitative analysis of social representations based on collective imagination in cartoons produced after the Charlie Hebdo attack / C. Bouko, L. Calabrese, O. Clercq. – Текст : непосредственный // Discourse, Context & Media. 2017. Vol. 15. P. 24–33.

236. Bounegru, L. Metaphors in Editorial Cartoons Representing the Global Financial Crisis / L. Bounegru, C. Forceville. – Текст : непосредственный // Visual Communication. 2011. 10, Vol. 2. P. 209–229.

237. Boydston, A. E. Tracking the development of media frames within and across policy issues / A. E. Boydston, D. Card., J. H. Gross, P. Resnik, N. A. Smith. – Текст : электронный // Working Paper, 2014. № 1–25. URL: <http://www.cs.cmu.edu/~nasmith/papers/boydston+card+gross+resnik+smith.apsa14.pdf> (дата обращения: 19.08.2021).

238. Budaev, E. Metaphors of disease in the Russian press / E. Budaev. – Текст : непосредственный // XLinguae. A European Scientific Language Journal. – 2017. – Vol. 10, № 2. – P. 30–37.

239. Bullo, S. Investigating intertextuality and interdiscursivity in evaluation: The case of conceptual blending / S. Bullo. – Текст : непосредственный // *Language and Cognition*. – 2017. – Volume 9. – № 4. – pp. 1-19. DOI:10.1017/langcog.2017.5.

240. Burgers, Ch. A tale of two swamps: Transformations of a metaphorical frame in online partisan media / Ch. Burgers, M. T. Fa, A. Graaf. – Текст : непосредственный // *Journal of Pragmatics*. Vol. 141, 2019, Pages 57-66.

241. Cameron, L. Metaphor and the Social World. Introduction to the first issue / L. Cameron, G. Low. – Текст : непосредственный // *Metaphor and the Social World*. 2011. Vol. 1 (1). P. 1–5.

242. Cardini, F.-E. Analysing English metaphors of the economic crisis / F.-E. Cardini. – Текст : непосредственный // *Lingue e Linguaggi*. 2014. Vol. 11. P. 59–76.

243. Charteris-Black, J. Analysing Political Speeches: Rhetoric, Discourse and Metaphor / J. Charteris-Black. – Basingstoke : Palgrave-MacMillan, 2014. – 318 p. – Текст : непосредственный.

244. Charteris-Black, J. Fire Metaphors Discourses of Awe and Authority / J. Charteris-Black. – London: Bloomsbury Publishing, 2017. – 238 p. – Текст : непосредственный.

245. Charteris-Black, J. Why «an Angel Rides in the Wirlwind and Directs the storm»: A Corpus-Based Comparative Study of Metaphor in British and American Political Discourse / J. Charteris-Black // *Advances in Corpus Linguistics: papers from the 23rd International Conference on English Language Research on Computerized Corpora, 22–26 May 2002*. – Göteborg, 2004. – V. 49. – P. 133–150.

246. Chilton, P.A. Discourse and politics. / P. A. Chilton, C. Schaeffner. – Текст : непосредственный // *Discourse Studies: A multidisciplinary introduction* / Ed. By T.A. van Dijk. – London, 1997. – pp. 206–230.

247. Chomsky, N. Media control: the spectacular achievements of propaganda / Noam Chomsky. – NY: Seven Stories Press, 2002. – 103 p. – Текст : непосредственный.

248. Cibulskienė, J. Are Ideologies Reflected in Metaphors? / J. Cibulskienė. – Текст : непосредственный // *Respectus Philologicus*. 2010. Vol. 17(22). P. 11–25.

249. Cienki, A. Bringing concepts from cognitive linguistics into the analysis of policies and the political / A. Cienki. – Текст : непосредственный // *Journal of International Relations and Development*. 2013. Vol. 16. P. 294–310.

250. Clayton, J. Figures in the Corpus: Theories of Influence and Intertextuality. *Influence and Intertextuality in Literary History*. / J. Clayton, E. Rothstein. – University of Wisconsin Press, 1991. – 36 p. – Текст : непосредственный.

251. Crano, W. D. Useful Strategies in the War of Words / W. D. Crano. – Текст : непосредственный // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics* / Ed. by M. Hanne, W. D. Crano, J. S. Mio. New York; London: Psychology Press, 2015. P. 272–287.

252. Cronholm, S. Experiences from sequential use of mixed methods / S. Cronholm, A. Hjalmarsson. – Текст : электронный // *Electronic Journal of Business Research Methods*. – 2011. – 9 (2). – P. 87–95. – URL:

<https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.468.4008&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 11.08.2021).

253. Crymble, L. Xenophobia is an African sickness; a greater African disease. Contesting dominant migrant discourse through opposing metaphors / L. Crymble. – Текст : непосредственный // *Singing, Speaking and Writing Politics: South African political discourses* / Ed. by M. N. Dedaić. 2015. Vol. 65. P. 113–146.

254. Damele, G. Adventures of a metaphor. Apian imagery in the history of political thought / G. Damele. – Текст : непосредственный // *Metaphor and Communication* / Edited by E. Gola, F. Ervas. Amsterdam: John Benjamins, 2016. P. 173–188.

255. Danner, M. A Conversation with Mark Danner. M. P. Marks, *Metaphors of International Cooperation* / M. Danner, M. A. Hanne. – Текст : непосредственный // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics* / Ed. by M. Hanne, W. D. Crano, J. S. Mio. New York; London: Psychology Press, 2015. P. 137–155.

256. De Landtsheer Ch. Media rhetoric plays the market: The logic and power of metaphors behind the financial crises since 2006 / Ch. De Landtsheer. – Текст : непосредственный // *Metaphor and the Social World*. – 2015. – Vol. 5 (2). – P. 205–222.

257. De Landtsheer, Ch. Talking about Srebrenica. Dutch Elites and Dutchbat. How Metaphors Change During Crisis / Ch. De

Landtsheer, I. De Vrij // *Metaphorical World Politics*. – East Lansing: Michigan State University Press, 2004. – P. 163–189.

258. De Vreese, C. News framing: Theory and typology / C. de Vreese. – Текст : непосредственный // *Information Design Journal*. – 2005. – № 13 (1). – P. 51–62.

259. Debras, C. Framing, Metaphor and Dialogue: A Multimodal Approach to Party Conference Speeches / C. Debras, E. L'Hôte. – Текст : непосредственный // *Metaphor and the Social World*. 2015. Vol. 5. 177–204.

260. Díaz-Peralta, M. Metaphor and ideology: Conceptual structure and conceptual content in Spanish political discourse / M. Díaz-Peralta. – Текст : непосредственный // *Discourse & Communication*. 2018. Vol. 12(2). P. 128–148.

261. Diez, M. The use of metaphor and evaluation as discourse strategies in pre-electoral debates: Just about winning votes / M. Diez. – Текст : непосредственный // *Exploring Discourse Strategies in Social and Cognitive Interaction: Multimodal and cross-linguistic perspectives* / Edited by M. Romano, M. D. Porto. Amsterdam: John Benjamins, 2016. P. 215–244.

262. Dijk, T. A. van. Ideology: multidisciplinary approach / T. A. van Dijk. – London, 1998. – 170 p. – Текст : непосредственный.

263. Dijk, T. A. van. Context models in discourse processing / T. A. van Dijk. – Текст : непосредственный // *The construction of mental representations during reading* / Ed. by H. van Oostendorp, S.R. Goldman. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1999. – pp. 123–148.

264. Dominguez, M. Life in a nutshell: evolution of a migratory metaphor in Spanish cartoons / M. Dominguez, F. Pineda, A. Mateu. – Текст : непосредственный // *Media, Culture and Society*. 2014. Vol. 36(6). P. 810–825.

265. Dominguez, M. The metaphorical species: Evolution, adaptation and speciation of metaphors / M. Dominguez. – Текст : непосредственный // *Discourse Studies*. 2015. Vol. 17(4). P. 433–448.

266. Drulák, P. Czech Metaphors about Europe: Havel vs Klaus / P. Drulák, V. Beneš. – Текст : непосредственный // *Journal of International Relations and Development*, 2015. P. 1–24.

267. Entman, R. M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm / R. M. Entman. – Текст : непосредственный // *Journal of Communication*. – 1993. – Volume 43. – № 4. – P. 51–58.

268. Evans, V. Cognitive linguistics / V. Evans, Green M. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 856 p. – Текст : непосредственный.

269. Ewald, P. Rostock, das Sydney der Ostsee – Zur Spezifik von Namenmetaphern / P. Ewald. – Текст : непосредственный // *Methoden der Metaphernforschung und – analyse* / M. Junge (Hrsg.). Wiesbaden: Springer, 2014. S. 197-213.

270. Ezrahi Y. The theatrics and mechanics of action: the theater and the machine as political metaphors // *Social Research*. 1995. Vol. 62. № 2.

271. Fahy, D. Combative Critics or Captured Collaborators? Irish Financial Journalism and the End of the Celtic Tiger. – Текст : непосредственный / D. Fahy, M. O'Brien, V. Poti // *Irish Communications Review*. 2010. – Vol. 12. – P. 5-21.

272. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – London: Longman, 1989. – 259 p. – Текст : непосредственный.

273. Fauconnier, G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2002. – 440 p. – Текст : непосредственный.

274. Ferreira, L. C. The representation of refuge and migration in the online media in Brazil and abroad: a Cognitive Linguistics analysis / L. C. Ferreira, C. V. Flister, C. Morosini. – Текст : непосредственный // *Signo*. Santa Cruz do Sul. 2017. Vol. 42. №. 75. – P. 59–66.

275. Fiorina, M. P. Polarization in the American Public: Misconceptions and Misreadings / M. P. Fiorina, S. A. Abrams, J. C. Pope. – Текст : непосредственный // *The Journal of Politics*. – 2008. – Vol. 70. – № 2 (Apr.). – pp. 556–560.

276. Flusberg, S., Matlock T., Thibodeau P. War metaphors in public discourse. – Текст : непосредственный // *Metaphor and Symbol*. – 2018. – Vol. 33:1. – P. 1–18.

277. Forceville, Ch., van de Laar N. Metaphors portraying right-wing politician Geert Wilders in Dutch political cartoons //

Populist Discourse: Critical Approaches to Contemporary Politics. – London: Routledge. 2019. P. 292-307.

278. Frentiu, L. Politics-Words at War? A Metaphor Analysis of Presidential Election Speeches in Post-Communist Romania / L. Frentiu. – Текст : непосредственный // Language in Use: Metaphors in Non-Literary Contexts / Ed. by L. Punga. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 137–151.

279. Gamson, W. A. Talking Politics / W. A. Gamson. – New York: Cambridge University Press, 1992. – 288 p. – Текст: непосредственный.

280. Gamson, W. A. The Changing Culture of Affirmative Action / W. A. Gamsom, A. Modigliani. – Текст: непосредственный // Research in Political Sociology. – 1989. – P. 137–177.

281. Gitlin, T. The whole world is watching: Mass media in the making and unmaking of the New Left / T. Gitlin. – Berkeley, CA : University of California Press, 1980. – 327 p. – Текст : непосредственный.

282. Glinka, N. Intertextuality in the modernist literature / N. Glinka. – Текст : непосредственный // International Journal of Multidisciplinary Thought. – 2018. – Vol. 7. – № 3. – P. 147–154.

283. Godefroidt, A. What's in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles / A. Godefroidt, A. Berbers, L. d'Haenens. – Текст : непосредственный // The International Communication Gazette. – 2016. – № 78 (8). – P. 777–801.

284. Godioli, A. Falling stars and sinking ships: Framing and metaphor in cartoons about Brexit / A. Godioli, A. Pedrazzini. – Текст : непосредственный // Journal of European Studies. 2019. Vol. 49(3–4). – P. 1–22.

285. Goffman, E. Frame analysis: An essay on the organization of experience / E. Goffman. New York: Harper & Row, 1974. – 586 p. – Текст : непосредственный.

286. Hallahan, K. Strategic framing / K. Hallahan // International Encyclopedia of Communication, 2008. – P. 4855–4860. – Текст : непосредственный.

287. Hammack, P. L. Mind, Story, Society: The Political Psychology of Narrative / P. L. Hammack. – Текст : непосредственный // Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics / Ed. by



M. Hanne, W. D. Crano, J. S. Mio. – New York; London: Psychology Press, 2015. P. 1–50.

288. Hernández-Guerra, C. Textual, intertextual and rhetorical features in political discourse: the case of President Obama in Europe. – Текст : непосредственный // Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas. 2013. Vol. 8. P. 59–65.

289. Holman, M. Gender, Political Rhetoric, and Moral Metaphors. – Текст : непосредственный // Urban Affairs Review, 2015, Vol. 52(4) 501–530.

290. Horner, J. R. Clogged systems and toxic assets. News metaphors, neoliberal ideology, and the United States ‘Wall Street Bailout’ of 2008. – Текст : непосредственный // Journal of Language and Politics. 2011. Vol. 10(1). P. 29–49.

291. Hoskins, D. R. Translating intertextuality in Scripture / D. R. Hoskins. – USA: Portland, Oregon, 2017. – 256 p. – Текст : непосредственный.

292. Pyushkina, M. Metaphorical modeling of Russia’s image in the mass media: the case of American press / M. Pyushkina, A. Chudinov. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 45. – С. 20–30.

293. Pyushkina, M. Modeling of Russia's image in the mass media: the case of American press. – Текст : непосредственный / M. Pyushkina, A. P. Chudinov // Язык и культура. – 2019. – № 45. – С. 20–30.

294. Isentyeva, A. The Europe of scary metaphors: The voices of the british right-wing press. – Текст : непосредственный / A. Isentyeva // Zeitschrift fur Anglistik und Amerikanistik. – 2019. – Vol. 67, Issue 3. – P. 209–229.

295. Joris, W. Eurocrisis in het nieuws. Een framinganalyse van de verslaggeving in Vlaamse kranten / W. Joris, L. d'Haenens, B. Van Gorp, T. Vercruyse. – Текст : непосредственный // Tijdschrift voor Communicatiewetenschap. – 2013. – Vol. 41(2). – P. 162–183.

296. Joshi, R. C. Theory of tradition: Aristotle, Matthew Arnold, and T. S. Eliot. / R. C. Joshi. – Текст : непосредственный // International Journal of Humanities and Social Science Studies. – 2016. – Vol. 3. – № 3. – P.191–197.

297. Kahneman, D. Prospect theory: An analysis of decision under risk / D. Kahneman, A. Tversky. – Текст : непосредственный // *Econometrica*. – 1979. – № 47 (2). – P. 263–291.

298. Kalenych, V. Cognitive and communicative pragmatic parameters of intertextuality in mass media / V. Kalenych. – Текст : непосредственный // *Psycholinguistics. Series Philology*. – 2020. – Vol. 27. – P. 155–173.

299. Kirchhoff, S. „Wie hat sich unsere Welt seither verändert?“ – Die Entwicklung metaphorischer Konstruktionen des Medienereignisses 9/11 / S. Kirchhoff. – Текст : непосредственный // *Metaphern der Gewalt. Konzeptualisierungen von Terrorismus in den Medien vor und nach 9/11* / M. Schwarz-Friesel, J.-H. Kromminga (Hrsg.). Tübingen: Francke, 2014. S. 75–92.

300. Kirchhoff, S. Krieg mit Metaphern. Mediendiskurse über 9/11 und den „War on Terror“. Bielefeld: Transcript Verlag, 2010. – Текст : непосредственный.

301. Kou, D., Farkas O. Source domains in conceptualizations of the state in Chinese and Hungarian political discourse. – Текст : непосредственный // *Source domains in conceptualizations of the state in Chinese and Hungarian political discourse // Cognitive Linguistic Studies*. 1:1 (2014), 101–130.

302. Kromminga, J.-H. Wer wurde am 11.09.2001 angegriffen? – Opferperspektiven und Wir-Gruppen-Konstruktionen. – Текст : непосредственный // *Metaphern der Gewalt. Konzeptualisierungen von Terrorismus in den Medien vor und nach 9/11* / M. Schwarz-Friesel, J.-H. Kromminga (Hrsg.). Tübingen: Francke, 2014. S. 93–110.

303. Kwon, I. Conceptual mappings in political cartoons: A comparative study of the case of nuclear crises in US–North Korean relations / I. Kwon. – Текст : непосредственный // *Journal of Pragmatics*. Vol. 143. 2019. P. 10-27.

304. Laarman, Ch. Family metaphor in political and public debates in the Netherlands on migrants from the (former) Dutch East Indies 1949–66. – Текст : непосредственный // *Ethnic and Racial Studies*. 2013. Vol. 36, Issue 7. P. 1232-1250.

305. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf / G. Lakoff // UC Berkeley: Department of Linguistics. – 1991. – URL: <https://escholarship.org/uc/item/9sm131vj> (дата обращения: 01.12.2020).

306. Lakoff, G. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p. – Текст : непосредственный.

307. Langacker, R. W. *Foundations of cognitive grammar* / R. W. Langacker. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – Vol. 1. – 516 p. – Текст : непосредственный.

308. Lee, M. *Critical metaphor analysis of citizenship education discourse* / M. Lee. – Текст : непосредственный // *Public Relations Inquiry*. – 2015. – Vol. 4(1). – P. 99–123.

309. Leonhardt, K. *Dem europäischen Körper eine europäische Seele. Körperkonzepte einer europäischen Identität* / K. Leonhardt. – Текст : непосредственный // *metaphorik.de*. 2012. Vol. 22. P. 65–78.

310. Lin, T. *Multimodal fusion in analyzing political cartoons: debates on U.S. beef imports into Taiwan* / T. Lin, W. Chiang. – Текст : непосредственный // *Metaphor Symbol*, 30 (2) (2015), pp. 137-161.

311. Liu, J. *Nation Building through Historical Narratives in Pre-Independence India: Gandhi, Nehru, Savarkar, and Golwalkar as Entrepreneurs of Identity* / J. Liu, S. S. Khan. – Текст : непосредственный // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics* / Ed. by M. Hanne, W. D. Crano, J. S. Mio. New York; London: Psychology Press, 2015. P. 211–237.

312. Luporini, A. *Metaphor in times of crisis: metaphorical representations of the global crisis in the Financial Times and Il Sole 24 ore 2008*. Dottorato di ricerca in linguistica generale, storica, applicata, computazionale e delle lingue modern. Università di Pisa, 2013. – Текст : непосредственный.

313. Ly, A. *Images and roles of the European Union in the climate change debate: A cognitive approach to metaphors in the European Parliament*. – Текст : непосредственный / A. Ly // *Speaking of Europe. Approaches to complexity in European political discourse* / Ed. by K. Fløttum. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 151–170.

314. Mensel, I. C. *Metaphernprogramme der rechtsextremen französischen Wochenzeitung Rivarol: Sprachliche Auseinandersetzungen um den Irak-Krieg und das Referendum über die europäische Verfassung*. Norderstedt: BoD, 2015. – Текст : непосредственный.

315. Mio, J.S. Responses to Metaphors in Politics: Continued Explorations of the Metaphor Extension Hypothesis / J. S. Mio. – Текст : непосредственный // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics* / Ed. by M. Hanne, W. D. Crano, J. S. Mio. New York; London: Psychology Press, 2015. P. 238–249.

316. Mujagić, M. Dangerous Waters Metaphor in News Discourse on Refugee Crisis / M. Mujagić. – Текст : непосредственный // *Metaphorik.de*. 2018. № 28.

317. Musolff, A. Dehumanizing metaphors in UK immigrant debates in press and online media / A. Musolff. – Текст : непосредственный // *Journal of Language Aggression and Conflict*. 2015. 3 (1), 41–56. .

318. Musolff, A. How (not?) to quote a proverb: The role of figurative quotations and allusions in political discourse / A. Musolff. – Текст : непосредственный // *Journal of Pragmatics*. 2020. Vol. 155. Pages 135–144.

319. Musolff, A. Metaphor, Nation and the Holocaust. The Concept of the Body Politic / A. Musolff. – New York; London: Routledge, 2010. – Текст : непосредственный.

320. Musolff, A. Metaphorical parasites and “parasitic” metaphors. Semantic exchanges between political and scientific vocabularies / A. Musolff. – Текст : непосредственный // *Journal of Language and Politics*. – 2014. – Vol. 13(2). – P. 218–233.

321. Musolff, A. Metaphorische Parasiten und „parasitäre“ Metaphern: Semantische Wechselwirkungen zwischen politischem und naturwissenschaftlichem Vokabular / A. Musolff. – Текст : непосредственный // *Metaphern und Gesellschaft. Die Bedeutung der Orientierung durch Metaphern* / M. Junge (Hrsg.). Wiesbaden: Springer, 2011. S. 105–119.

322. Musolff, A. Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios / A. Musolff. – London: Bloomsbury Academic, 2016. – 194 p. – Текст : непосредственный.

323. Musolff, A. The heart of Europe: Synchronic variation and historical trajectories of a political metaphor / A. Musolff. – Текст : непосредственный // *Speaking of Europe. Approaches to complexity in European political discourse* / Ed. by K. Fløttum. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 135–150.

324. Naber, M. Unintended imitation affects success in a competitive game / M. Naber, M. V. Pashkam, K. Nakayama. – Текст : непосредственный // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2013. – Vol. 110. – P. 20046–20050.

325. Ndinojuo, B.-C. E. Reinvigorating the Framing Theory: Appraising Reports on Nigerian Military and Boko Haram Insurgency / B.-C. E. Ndinojuo, W. C. Ihejirika, G. B. Okon. – Текст : непосредственный // International Journal of Media, Journalism and Mass Communications (IJMJMC). – 2018. – Volume 4. – Issue 4. – P. 10–19.

326. Nerghes, A. A Toxic Crisis: Metaphorizing the Financial Crisis / A. Nerghes, I. Hellsten, P. Groenewegen. – Текст : непосредственный // International Journal of Communication. 2015. Vol. 9. P. 106–132.

327. Oropeza, B. J. Exploring intertextuality: Diverse strategies for New Testament interpretation of texts / B. J. Oropeza, S. Moyise. – Eugene : Cascade Books, 2016. – 326 p. – Текст : непосредственный.

328. Pan, Z. Framing analysis: an approach to news discourse / Z. Pan, G. M. Kosicki. – Текст : непосредственный // Political communication, 1993. – № 10 (1). – P. 55–75.

329. Pinelli, E. The role of metaphor and metonymy in framing terrorism. The case of the Beslan school siege in the Russian media / E. Pinelli. – Текст : непосредственный // Metaphor and the Social World. – 2016. – Vol. 6(1). – P. 134–155.

330. Pleshakova, A. Strike, Accident, Risk, and Counterfactual-ity: Hidden Meanings of the Post-Soviet Russian News Discourse of the Nineties via Conceptual Blending / A. Pleshakova. – Текст : непосредственный // Language and Cognition: An Interdisciplinary Journal of Language and Cognitive Science. – 2014. – Vol. 6, issue 3. – P. 301–306.

331. Porto, M. D. The life of the Green Shoots metaphor in the Spanish media / M. Porto. – Текст : непосредственный // Metaphor and the Social World. 2012. Vol. 2(1). P. 22–40.

332. Potts, A. Cancer as a Metaphor / A. Potts, E. Semino. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbol. – 2019. – Vol. 34:2. P. 81–95.

333. Qaiwer, S. N. A Study of Identity Construction in Political Discourse / S. N. Qaiwer. – Текст : электронный // Thesis submitted to the University of Nottingham for the Degree of Doctor of Philosophy. 2016. – URL: [https://www.researchgate.net/publication/309607807\\_A\\_study\\_of\\_identity\\_construction\\_in\\_political\\_discourse](https://www.researchgate.net/publication/309607807_A_study_of_identity_construction_in_political_discourse) (дата обращения: 12.06.2021).

334. Ritchie, D. L. Metaphor / D. L. Ritchie. – New York: Cambridge University Press, 2013. – 230 p. – Текст : непосредственный.

335. Rojo, A. M. Metaphorical pattern analysis in financial texts: Framing the crisis in positive or negative metaphorical terms / A. M. Rojo, M. A. Orts. – Текст : непосредственный // Journal of Pragmatics. 2010. Vol. 42(12). P. 3300–3313.

336. Romano, M. The tide, change, nobody can stop it: Metaphor for social action / M. Romano. – Текст : непосредственный // Discourse & Society. 2018. Vol. 29(6). P. 655–673.

337. Rykova, O. V. Dynamics of metaphoric modelling of the concept of terrorism in American mass media discourse / O. V. Rykova. – Текст : непосредственный // Russian linguistic Bulletin. 2017. № 3 (11). С. 3-7.

338. Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. – Austin: University of Texas Press, 2002. – 402 p.

339. Schröder, U. Metaphorical blends and their function in discourse on society: A cross-cultural study / U. Schröder. – Текст : непосредственный // Cognitive Linguistic Studies. 2015. Vol. 2, Issue 1. P. 50–78.

340. Schwarz-Friesel, M. „Hydra, Krake, Krebsgeschwür, Sumpf, Killer-GmbH, Franchise-Unternehmen und Nebelwolke“ – Perspektivierung und Evaluierung von islamistischem Terrorismus durch Metaphern im deutschen Pressediskurs nach 9/11 / M. Schwarz-Friesel. – Текст : непосредственный // Metaphern der Gewalt. Konzeptualisierungen von Terrorismus in den Medien vor und nach 9/11 / M. Schwarz-Friesel, J.-H. Kromminga (Hrsg.). Tübingen: Francke, 2014. S. 51–74.

341. Seidel, G. Political discourse analysis / G. Seidel. – Текст : непосредственный // Handbook of Discourse Analysis. – London: Academic Press, 1985. – № 4. – P. 43–60.

342. Semetko, H. A. Framing European politics: A content analysis of press and television news / H. A. Semetko, P. M. Valkenburg. – Текст : непосредственный // *Journal of Communication*. – 2000. – № 50 (2). – P. 93–109.

343. Silaški, N. And now – a velvet divorce! or, how metaphors communicate values / N. Silaški, T. Đurović. – Текст : непосредственный // *Values Across Cultures and Times* / V. Lopičić and B. Ilić. 2014. P. 37-50.

344. Silaški, N. The Great Wall of Europe: Verbal and multimodal portrayals of Europe's migrant crisis in Serbian media discourse / N. Silaški, T. Đurović. – Текст : непосредственный // *Migration and Media: Discourses about Identities in Crisis* / Viola, L. & Musolff, A. (Eds.). – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2019a. P. 183–202.

345. Silaški, N. The journey metaphor in Brexit-related political cartoons. – Текст : непосредственный / N. Silaški, T. Đurović // *Discourse, Context & Media*. 2019b. Vol. 31.

346. Sinding, M. Governing spirits. Body politic scenarios and schemas in the French revolution debate / M. Sinding. – Текст : непосредственный // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics* / Ed. by M. Hanne, W. D. Crano, J. S. Mio. New York; London: Psychology Press, 2015. P. 78–102.

347. Skurnik, I. Warnings about false claims become recommendations / I. Skurnik, C. Yoon, D. C. Park, N. Schwartz. – Текст: непосредственный // *Journal of Consumer Research*. – 2005. – Vol. 31. – P. 713–724.

348. Soddemann, K. Die Metaphorik im Diskurs über die Wirtschaftskrise / K. Soddemann. – Essen : LINSE, 2013. – Текст : непосредственный.

349. Spencer, A. Bild er der Gewalt: 9/11 in der Boulevardpresse / A. Spencer. – Текст : непосредственный // *Metaphern der Gewalt. Konzeptualisierungen von Terrorismus in den Medien vor und nach 9/11* / M. Schwarz-Friesel, J.-H. Kromminga (Hrsg.). Tübingen: Francke, 2014. S. 111–128.

350. Spencer, A. The Social Construction of Terrorism: Media, Metaphors and Policy Implications / A. Spencer. – Текст : непосредственный // *Journal of International Relations and Development*. 2012. Vol. 15(3). P. 343–419.

351. Stoughton, J. A. Framing Analysis of News Discourse in the Case of Environmental Racism in Lincolnville, Nova Scotia / J. A. Stoughton. – Текст : электронный – Dalhousie University, 2017. URL: <https://dalspace.library.dal.ca/handle/10222/72853> (дата обращения: 8.07.2021).

352. Tenescu, A. Metaphors of crisis in the current Romanian journalistic discourse / A. Tenescu. – Текст : непосредственный // Discourse as a form of multiculturalism in literature and communication. 2015. Tirgu Mures: Arhipelag XXI Press, 2015. P. 358–368.

353. Troung, H. Les métaphores conceptuelles de l'économie dans les presses française et vietnamienne / H. Troung. – Текст : непосредственный // Synergies. – 2012. – Vol. 3. – P. 34–45.

354. Van Gorp, B. The constructionist approach to framing: Bringing culture back in / B. Van Gorp. – Текст : непосредственный // Journal of Communication, 2007. – № 57 (1). – P. 60–78.

355. Variation in Political Metaphor / Ed. J. Perrez, L. Université, M. Reuchamps. – Amsterdam : John Benjamins, 2019. – 212 p. – Текст : непосредственный.

356. Wawra, D. Multimodal literacy: Meaning negotiations in political cartoons on the refugee crisis / D. Wawra. – Текст : непосредственный // System. – 2018. – Vol. 77. – P. 10–18.

357. Wekesa, N. B. Cartoons can talk? Visual analysis of cartoons on the 2007/2008 post-election violence in Kenya: A visual argumentation approach / N. B. Wekesa. – Текст : непосредственный. – Текст : непосредственный // Discourse & Communication. – 2012. – Vol. 6(2). – P. 223–238.

358. Wibben, A. T. On Narrative, Metaphor & the Politics of Security / A. T. Wibben. – Текст : непосредственный // Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics / Ed. by M. Hanne, W. D. Crano, J. S. Mio. – New York; London : Psychology Press, 2015. – P. 118–136.

359. Wodak, R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual / R. Wodak. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – Текст : непосредственный.

360. Wright, S. From Saving Private Ryan to Building Team America: Presidential Oratory and the Art of Interpellation / S. Wright, C. Shore. – Текст : непосредственный // Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics / Ed. by M. Hanne,



W. D. Crano, J. S. Mio. – New York; London: Psychology Press, 2015. P. 177–210.

361. Xue, J. Conceptual Metaphor in American Presidential Inaugural Addresses / J. Xue, Z. Mao, N. Li. – Текст : непосредственный // Theory and Practice in Language Studies. – 2013. – 3(4). P. 678–683.

362. Zoonen, L. van. Intertextuality / Zoonen L. van. – Текст : электронный // International encyclopedia of media effects / Ed. by P. Rössler, C. Hoffner, L. van Zoonen. – Chichester : John Wiley & Sons, 2017. – P. 1–10.

Научное издание

**Будаев Эдуард Владимирович**  
**Кушнерук Светлана Леонидовна**  
**Курочкина Мария Анатольевна**

**Коммуникативное сопровождение  
массовых протестов в СМИ**

Монография

Издательство «Наукоемкие технологии»  
ООО «Корпорация «Интел Групп»  
<https://publishing.intelgr.com>  
E-mail: [publishing@intelgr.com](mailto:publishing@intelgr.com)  
Тел.: +7 (812) 945-50-63

Подписано в печать 14.02.2022  
Формат 60×84/16  
Бумага офсетная. Печать офсетная  
Объем 12,6 печ.л. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6047846-2-4



9 785604 784624